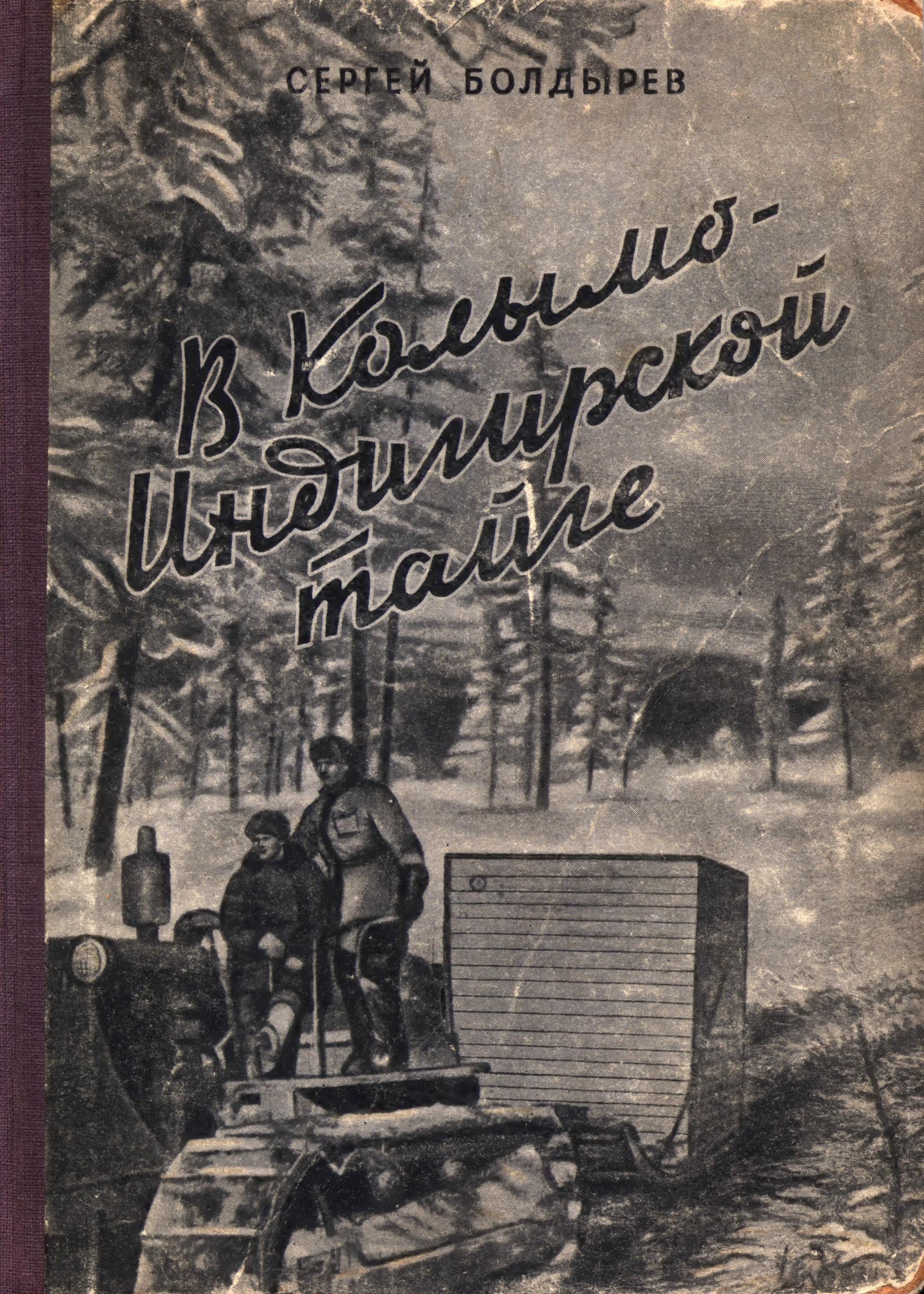
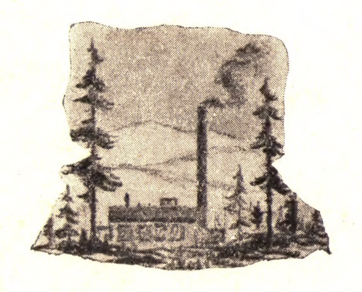

СЕРГЕЙ БОЛДЫРЕВ
В Колымо-Индигирской тайге

Сергей Болдырев

В Колымо-Индигирской тайге

ЗАПИСКИ ЖУРНАЛИСТА

Издательство Главсевморпути
Москва – 1947 – Ленинград

Фото

С. БОЛДЫРЕВА

Обложка, титул, заставки и концовка
художника В. С. ЖИТЕНЕВА

Северный затон

Начало новой жизни

ЭТО было за год до войны. Оставляя без сожаления все свои московские дела, я собирался на Крайний Север. Со мной ехала жена, только что окончившая медицинский институт.

Накануне отъезда мы пошли в институт попрощаться со знакомыми и друзьями. Директор, плотный, седоватый и, должно быть, веселый человек, с шумом отодвинул стул и подошел к карте, висевшей за его спиной на стене.

Я знал, что он ищет, — название населенного пункта, который выбрала жена. Но я знал также, что он ничего не найдет, сколько бы ни разглядывал карту.

— Куда же все-таки? — недоумевающе спросил директор.

Жена потянулась к карте и провела пальцем по течению реки Индигирки:

— Вот сюда!

— Но тут пустое место, тут ничего нет...

— Есть, — чуть-чуть упрямо сказала жена. — Здесь стоит северный затон, только его еще не успели нанести на карту.

Директор кивнул головой.

— Это интересно!

— И там есть больница...

— Даже больница?

— Конечно, это маленькая больничка, — торопливо пояснила жена, — но там началось строительство, и там будут еще построены не один поселок и не одна больница...

Мягко усмехаясь темными глазами, директор сказал:

— В вашем возрасте... на вашем месте я поехал бы туда же...

Он помолчал, глядя на карту, и докончил, пожимая нам руки:

— Ну что ж, в добрый путь, будущие северяне!

Осенью 1940 года на борту грузового парохода «Моссовет» мы приплыли Северным морским путем к рейду Индигирки.

Наше поколение мужало в годы больших строек. В юности мы зачитывались романами о строителях. Поезда уносили нас в далекие края. Наше воображение поражали высокие леса и огни строительных площадок, в ночи похожих на города. Когда мне было двадцать лет, я ехал на Кузнецкстрой. Поезд проносился по великой Сибирской равнине. Я смотрел в окна вагона, обращенные на Север, где не было ни железных дорог, ни городов, ни строительных площадок.

Теперь, десять лет спустя, я плыл на Север и с палубы парохода, подходившего к рейду Индигирки, смотрел на юг. На Севере нечего было искать: там, до самого Северного полюса, простирались вода и лед. Земля лежала на юге — северное побережье Сибири. Здесь нам предстояло жить и работать.

Усевшись верхом на судовую лебедку, я вглядывался в пустынную даль. Яркие облака бесконечной лентой опоясывали горизонт. На мне сапоги, которых я уже давно не носил, и стеганый ватный костюм

Земли не видно, сколько ни вглядывайся. Но итти пароходу вперед нельзя — прибрежные места Восточно-Сибирского моря мелководны.

У каждого моря вода своего особенного цвета. Она может быть изумрудной, серовато-зеленой, синей. Это не литературные сравнения. Цвет морской воды определяют ученые. Он зависит от содержания солей, кислорода, от микроорганизмов, плавающих в море. Воды Восточно-Сибирского моря — синевато-зеленые. Даже там, где мы стояли, — по соседству с берегом, — мутные воды Индигирки не загрязняли моря.

Морская вода обладает удивительным свойством: она осаждает взвешенные в ней частицы. Ил падает на дно там, где морская вода встречается с пресной.

Такое место называется английским словом «бар». В устье каждой реки есть бар. Но индигирский бар очень мелок: даже речные пароходы порою не могут проскочить его и садятся на мель. Это случается, когда ветры гонят воду от берега и понижают уровень моря.

Что происходит на Индигирке? Пожалуй, для нас это была самая загадочная из всех рек северной Сибири. В низовьях Енисея строились порты Игарка и Дудинка, в низовьях Лены — порт Тикси. Около устья Колымы вырастал порт Амбарчик. Это знали многие. Об Индигирке почти ничего не знали. Уже это одно было заманчиво: мы ехали в такое место, о котором еще не начали говорить. Но там начали строить.

Громадные расстояния отделяют эти места от центральных районов страны. Несколько тысяч километров надо проплыть по четырем арктическим морям от Мурманска, чтобы попасть к устью Индигирки с севера. Около тринадцати тысяч километров надо проехать от Москвы, чтобы добраться в верховья реки с юга. Однако первые плавания между устьями рек Лены, Индигирки и Колымы были совершены русскими казаками в этих самых местах более трех столетий назад, на утлых деревянных суденышках, сшитых ремнями, — «шитиках».

Старинный «судовой ход» пролегал от Лены к Колыме и Индигирке. Устье Индигирки было открыто Иваном Ребровым в первой половине XVII века. Из двадцати плаваний древних русских между Леной, Яной, Индигиркой, Алазеей и Колымой десять плаваний приходится на Индигирку. Путешествия казаков связывали между собой русские форпосты, возникавшие на далеком Севере. Много позднее, уже обжившись на Индигирке, мне приходилось встречать там остатки таких форпостов. На одной из карт, изданных в наше время, отмечен в среднем течении реки населенный пункт Зашиверск. Плавая на пароходах по Индигирке, мы не раз проходили мимо этого места. Лишь почерневшая, полуразвалившаяся церквушка виднеется сейчас там, где стоял древний город. Вы не найдете описания Зашиверска в современной энциклопедии.

К началу XVIII века плавания между Леной и Индигиркой почти прекратились. Об Индигирке как бы забыли.

... В бледном, чуть засиненном море появились речные колесные пароходы с баржами на буксире. У арктического моря в этот час совсем не было суровости. Оно казалось каким-то воздушным, вода точно утеряла свою весомость, почти сливалась с небом, и трудно было определить, далеко ли пароходы. Я ждал их с нетерпением, там были мои будущие товарищи.

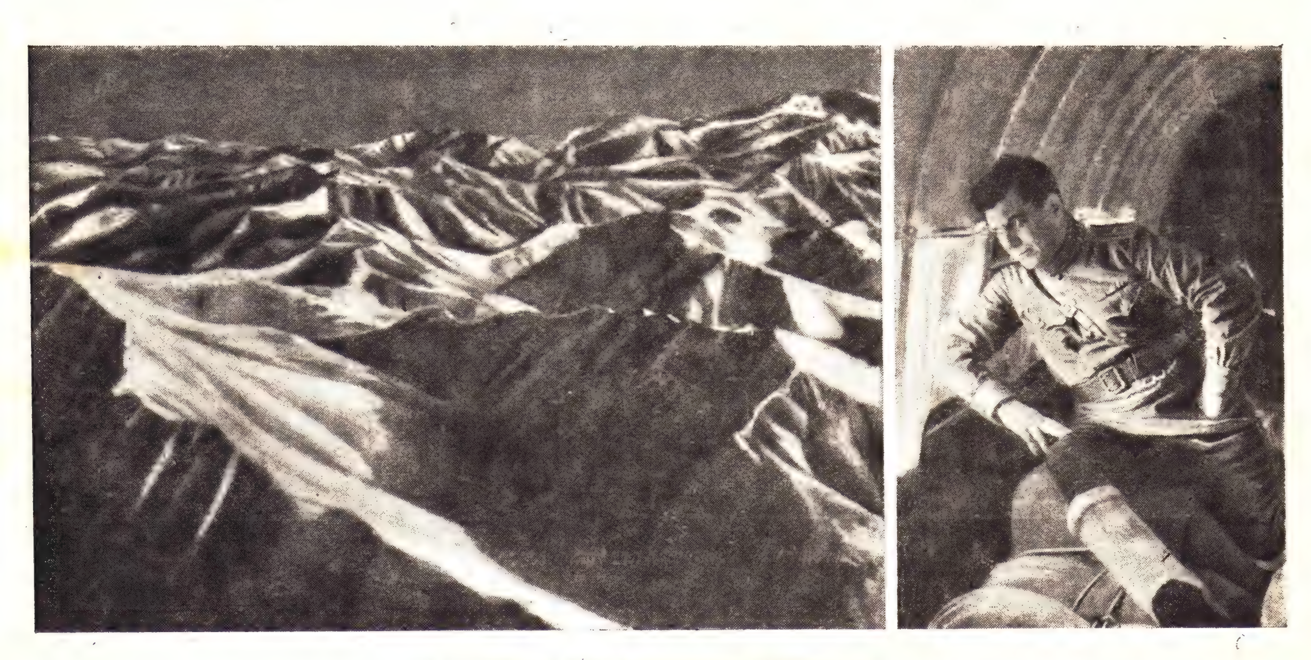
Вот пароходы как-то неожиданно выросли, дымка уже не смазывает их очертаний. Издали они похожи на желтые поплавки. Пароходы медленно подходят к бортам нашего корабля. На палубах и мостиках люди. Задрав головы, они разглядывают нас. Но вот уже баржи учалены по бортам. С люков сбрасывают брезенты и доски.

На кормовых палубах речников сложены дрова. Кора поленьев красноватая, как у сосны под вершинами, но краснее. Поленья толстые, видимо тяжелые. Это лиственница. Только сейчас, глядя на краснокорые поленья, я понял, как соскучился по земле, по деревьям, по траве и цветам за месяц плавания среди льдов.

В нашей кают-компании уже сидит «человек с земли». Он невысок, рукава синего кителя чуть наползают ему на руки. Взгляд его светлых глаз изучающе останавливается на каждом из нас. Это помполит северного затона на Индигирке Александр Семенович Кирющенков. В Москве, едва узнав о назначении на Север, я получил от Кирющенкова длинную частную телеграмму. Там было сказано, чтобы мы захватили с собой комплекты «Правды», «Большевика», «Партийного строительства» и другую политическую литературу. Телеграмма с далекой Индигирки необыкновенно взволновала меня тогда. А теперь Кирющенков сидел перед нами.

Мы, пассажиры, плыли на грузовом пароходе «сверх программы» в каютах команды. Нас было немного — четыре человека. Кирющенков оглядывал нас с таким радостным видом, точно в его распоряжение поступал целый полк специалистов. По его словам выходило, что с нашей помощью на Индигирке будут делаться большие дела.

Самым старшим среди нас был заместитель начальника геологической экспедиции Михаил Филиппович Горожанкин — могучий старик с обстоятельным негромким говорком. Геологи должны были прилететь на Индигирку на самолете, он же неотступно следовал за грузом из Москвы, наблюдая

В самолете над верховьями Индигирки.

за погрузкой своих бочек и ящиков в товарные вагоны и в трюм парохода. Теперь он готовился выгружать их на баржи и сопровождать груз по реке.

Семен Петрович Ильин, редактор будущей газеты, ехал на Север впервые. Прежде он работал в районной газете Московской области, отлично знал и любил сельское хозяйство. Здесь все для него было ново. Он молчаливо приглядывался сквозь стекла очков к Кирющенкову.

Третьим и четвертым пассажирами были мы с женой. Жена была слишком молода, чтобы замечать в нашем путешествии через льды арктических морей тяжелые и опасные стороны. И льды и ветры казались ей несложными препятствиями и вызывали насмешливые восклицания.

Кирющенков, крепко сцепив пальцы рук, смотрел в иллюминатор. На лицо его упал солнечный блик, и оттого оно посветлело, оживилось.

— Эх, как нам нужны люди!.. Вы для нас большая подмога. Придется нам вместе крепко поработать с народом. В тайге, знаете, хватает бескультурья... Это я говорю, чтобы вы, москвичи, не удивлялись первое время.

Жена, усмехаясь, кивнула на меня:

— Он хочет найти здесь каких-то необыкновенных героев для своих будущих произведений о Севере.

— Героев? — оживился Кирющенков. — У нас есть настоящие герои. Такие дела делают...

— Кто же это? — быстро спросил я.

— А хотя бы боцман Луковников...

Кирющенков стал рассказывать, как Луковников прекрасно проводит пароходы через перекаты в верхнем плесе реки.

— Был у него брат, — говорил Кирющенков, — еще покрепче нашего... Плыли они сюда первыми по морю на речном пароходишке. Пароход разбило, вся команда погибла, один только наш Луковников чудом спасся.

— Где это было?

— Вот в этом месте, где мы стоим.

Притихшая жена невольно взглянула в иллюминатор. Ночное солнце вспыхивало долго негаснущими искрами в лениво колыхавшейся морской воде. Кирющенков стал говорить о другом, но я перебил:

— А где же он теперь?

Северная тайга. Снимок сделан неподалеку от Оймекона — мирового „полюса холода“.

— Кто? — удивился Кирющенков.

— Боцман.

Кирющенков усмехнулся, показывая ровные мелкие зубы.

— В барже. Возглавляет бригаду грузчиков. Ты его сейчас не трогай, от дела не отрывай, после он тебе все расскажет. Сейчас для нас главное — снять весь груз и отпустить морской пароход. Случается так, что разгрузка затянется, а тут дунет шторм, капитан побоится льдов, психанет и уйдет с нашим грузом. Тут, знаешь, не канал Волга—Москва. Тут Арктика!..

Кирющенков распределил, кому из нас с каким пароходом плыть вверх к затону Дружина.

Несколько суток суда должны были подниматься по реке среди полного безлюдья.

— Надо расставить кадры так, чтобы охватить партийным влиянием весь наш флот, — говорил Кирющенков. — Ваше дело — помогать команде выполнять план грузоперевозок, находиться всегда с людьми.

Новая, северная жизнь начиналась сразу. Мы все перестали быть пассажирами. Геолог Михаил Филиппович лазил по трюмам, отыскивая свои грузы. Ильина интересовали типографские шрифты и детали печатной машины «американка». Жена, с блокнотом и карандашом в руках, превратилась в тальмана — она записывала число ящиков и мешков, погружаемых в баржи. Над нашим пароходом стоял шум паровых лебедок, крики матросов, управлявших разгрузкой, плеск воды в колесах речников. Одна бригада грузчиков сменяла другую. Разгрузка шла круглые сутки.

На барже работала бригада боцмана Луковникова. Я спустился к грузчикам. Мне очень хотелось шагать, как они, чуть вперевалку, легко итти с мешком муки на плече, уперев руку в бок. Не так-то это все оказалось просто. Кованые сапоги мои скользили по стальным гремевшим листам палубы; брезенты, закрывавшие люки, были неподатливы; доски, которые мы убирали с люков, оттягивали руки.

Открыв люки, грузчики спустились в трюм баржи. Надо было растаскивать по трюму и укладывать в штабели мешки с мукой, подаваемые в стропах с морского парохода. Накладывать мешки на спины грузчиков встал сам боцман и еще один рабочий. Я неодобрительно подумал, что хваленый герой выбирает работу полегче, и принялся разглядывать человека, о котором так горячо отзывался помполит. Только позднее я понял, как трудно быть накладчиком. Луковников был словно прокален ветрами и солнцем. Лицо его багровело, когда он напрягался; волосы, ничем не прикрытые, выцвели от солнечных лучей. Мы столпились в очереди к накладчикам. Наконец, и я подставил свое плечо. Мешок лег на него сразу всей тяжестью, чуть не свалив меня с ног. Луковников не церемонился с накладкой.

Никогда я не таскал мешки с мукой. В моей практике журналиста до сих пор такие случаи были исключены. Правда, я занимался спортом, ходил на лыжах в горах с рюкзаком за плечами. Теперь я сразу ощутил разницу между рюкзаком в тридцать килограммов и мешком с мукой в восемьдесят килограммов. Это было для меня настоящим открытием. Первый мешок я кое-как дотащил до места. Со вторым мешком, неловко принятым от Луковникова, я свалился, отойдя всего шагов десять в глубину трюма. Да, свалился, и только потому, что ноги сами согнулись в коленях. Я возмущался поведением своих ног. Но они все-таки согнулись, и я сел на слань. Мешок привалил меня сверху. И в этот момент я неожи-

Первые геологи пришли в индигирскую тайгу.

данно подумал, что собирался по душам поговорить с боцманом, а он вот бросает мне на спину мешки так, что я валюсь под их тяжестью. И я рассердился на себя: научись прежде таскать мешки, а потом изучай характеры северных героев.

Кто-то помог мне поднять груз. Вторично я подходил к боцману с опаской, приглядываясь, как он одним махом взваливает груз на спины людей. Новый мешок, вскинутый Луковниковым, опять чуть не свалил меня. Но теперь я знал, что малейшее покачивание — и я снова окажусь под мешком. Я пошел, не пытаясь поправлять груз на спине.

Люди пришли на работу молчаливые, сумрачные — они были безжалостно подняты боцманом после нескольких часов сна. Но постепенно в трюме становилось оживленнее.

— Подходи, кого страх не берет! — кричал боцман.

Волосы его взмокли от тяжелой работы. Он быстро взбрасывал мешки, успевая отпускать людей, прежде чем собиралась очередь.

— Подойду, подойду, — говорил седоватый уже, спокойный матрос в расстегнутой телогрейке, — а вот когда я тебе наваливать буду, как ты снесешь? Ишь, чорт, кидает, как дрова на телегу...

— Я по два мешка таскать зачну!

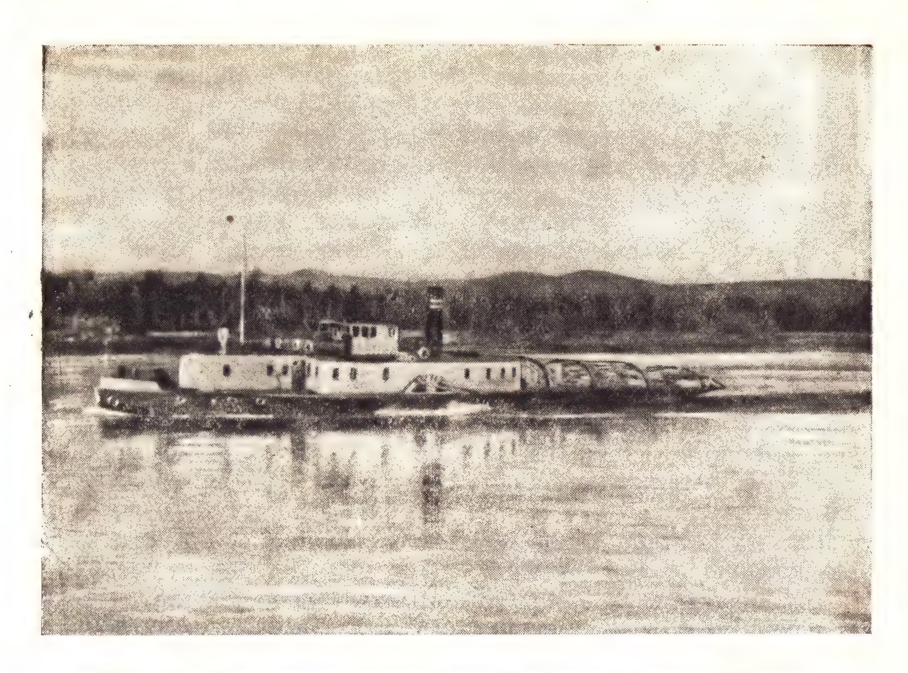
— А ну, зачни!

Матрос и боцман тотчас переменились местами. Луковников принял один мешок, не дрогнув корпусом. Казалось, что под тяжестью восьмидесяти килограммов его сильное тело стало более статным и красивым. Второй мешок лег поверх первого. Темная кожа на шее боцмана разгладилась, паутинка морщин исчезла. Он пошел, медленно переступая. А тело его было все таким же статным и словно литым. Он шел по трюму, а люди, оставив работу, с блеском в глазах следили за ним. Вернувшись от штабеля, Луковников задиристо крикнул:

— Чего рты разинули! А ну, подходи...

И работа началась вновь. Ни усталости, ни сумрачности не было больше на лицах, посеревших от мучной пыли.

Во время пятиминутного «перекура» я медленно поднялся на палубу баржи. Старался итти не настолько медленно, чтобы стало заметно мое изнеможение, и не слишком поспешно, чтоб это не выглядело бегством. От спецовки душно пахло мукой. Лицо мое, наверное, было таким же грязновато-серым, как и у остальных. На палубе я глубоко вздохнул, вбирая в себя живительный морской воздух, и устало опустился на борт люка. Сердце билось так, точно я пробежал хорошую дистанцию в кроссе. Без всякого этузиазма я взглянул на ласковое море. На горизонте маячило одномачтовое судно. Оно шло не со стороны берега, а с севера, оттуда, где были льды, сжатия, морские катастрофы. Откуда оно взялось, это суденышко? Кто те смельчаки, что плывут на нем? Мешки с мукой не раздавили любознательности журналиста. По трапу я перебрался с баржи на высокий борт парохода, чтобы лучше рассмотреть шхуну на горизонте. Но горизонт был пустынен. Зато в метрах двухстах от парохода на воде плавал обломок доски с торчавшей вверх лучинкой. Неужели это моя шхуна?! Так и есть! С палубы низкой баржи шхуна опять показалась плывущей на горизонте.

Наши пароходы поднимаются вверх по реке к затону Дружина.

Как еще мало я знаю Север и его причуды!

С борта парохода по трапу спускалась жена. На ней были клетчатые спортивные брюки, голубой беретик. Она торопилась на свое место — исполнять обязанности тальмана. Мне очень не хотелось встречаться с ней: вряд ли я походил на человека, довольного северной романтикой. Быстро спустился я в трюм. Испытание надо пройти до конца. Тогда можно смотреть людям прямо в глаза.

„Память 20 августа"

ПАРОХОД разгружали семь дней. Последние ящики и бочки укладывали в плясавшие на волнах баржи: начинался шторм. Грузчики бегом растаскивали груз по трюму. Вскоре речники со своими баржами ушли к бару по темному морю, усыпанному барашками, словно мелкобитым льдом. Мы с трудом спустились на палубу морского рейдового пароходика «Шквал», с тем чтобы уже больше не возвращаться на наш морской гигант. Прощай, ослепительно чистые каюты

гостеприимного «Моссовета», ванные и души, зеркала кают-компании! Мы стояли на мокрой крохотной кормовой палубе пароходика. Перегнувшись через фальшборт, можно было коснуться рукой морской волны. Надстройки были закопчены, краска кое-где содрана. «Шквал» то проваливался меж волнами, то взлетал вверх рядом с неподвижным бортом собрата-великана. Короткий пронзительный свисток на высокой ноте — и пароходик, задорно разбивая морскую волну, стал удаляться от «Моссовета».

Мы все покидали Москву без особых переживаний, на Север нас очень тянуло. Но тут, отплывая в шторм от комфортабельного парохода, каждый ощутил странное, щемящее волнение. Что ждет нас на Индигирке, дикой и почти необжитой реке? Мы больше не слышали шума лебедок, около нас уже не кипела бодрящая авральная работа. Вокруг было темное волнующееся море, свист ветра и впереди — страшное, тяжелое небо.

Ну что ж, надо привыкать и к морю, и к людям, и к масштабам нашего суденышка.

До капитанского мостика в буквальном смысле рукой подать. Застекленная рубка закрыта наглухо. В ней не слышно воя ветра. Можно, по крайней мере, говорить.

Ни лицом, ни одеждой капитан «Шквала» не похож на капитана «Моссовета». На нем одна полосатая морская тельняшка. Фуражка пообтерта и как-то удивительно пригнана к голове. Лицо — в строгих морщинах, губы плотно сжимают трубку, глаза слегка прищурены, словно в презрительном пренебрежении ко всему, на что они смотрят: к морю, к низкому небу, к вам, незнакомцу, неизвестно зачем пожаловавшему в рубку.

В действительности же капитан оказался разговорчивым и совсем не заносчивым, даже простецким человеком. Через полчаса я знал его историю. На рейд Индигирки в этом году он пришел из порта Амбарчик, с Колымы, помогать речникам в рейдовых работах. Ничего особенного в этом путешествии на крохотном суденышке по арктическому морю капитан не видел. Вот лет семь назад было у него плавание, так то история позанятнее...

В ту пору перегоняли речные пароходы с Лены на Индигирку. Пароход капитана подготовили к рейсу по морю, но в последний момент начальник пристани испугался ответственности и наотрез отказался выпустить пароход с речного рейда.

— Ну, тогда, — добродушно сказал капитан, — дал я отвальный гудок и ушел в рейс самовольно. Проплыли Лену, как по пруду, прошли по морю — и проскочили в Индигирку!

Капитан получил выговор от начальника пристани за самовольный уход и благодарность от вышестоящих организаций за смелый перегон парохода.

...«Шквал» прыгает по волнам. Горизонт все так же сумрачен, но уже нет щемящего чувства. Через час мы с капитаном расстанемся: он уплывет на Колыму, а я — вверх по Индигирке. Может быть, никогда и не увидимся. Но у меня на душе потеплело. Встреча с человеком смелым и решительным облагораживает. Мы нужны здесь, и, как сказал Кирющенков, теперь нам надо бороться за выполнение плана грузоперевозок. Что это такое и как именно бороться — мне неизвестно. Ничего, научимся.

Впереди сверкнула яркая звезда на мачте речного парохода. Шторм принес такие темные тучи, что пришлось зажечь сигнальный огонь. Чуть подальше от первого парохода смутно виднелись темные силуэты барж и других пароходов. Волны измельчали. Наш «Шквал» уж слишком тяжел для некрупной волны на обмелевшем море. Мы на баре.

«Шквал» развез москвичей по разным пароходам. Каждый остается на судне, указанном Кирющенковым.

Меня и жену высадили на самый дальний пароход со странным названием «Память 20 августа». Было почти совсем темно — осень вступила в свои права, солнце по ночам уже скрывалось за горизонтом.

Пароходик оказался небольшим и грязным. Каюта с затертыми стенками то наполнялась желтоватым, мутным светом, то погружалась в полный мрак. Должно быть, на пароходе испортилась динамомашина. Плеская водой, заработали колеса. Судно тронулось, я вышел на палубу. Пароход направлялся прямо в темное море. Огоньки судов остались за кормой. Кто-то из рулевой рубки окликнул меня. Я поднялся на мостик. У штурвала стоял человек, словно приросший к палубе. Он внимательно оглядел меня.

— Вы к нам из Москвы присланы?

— Да.

— Поговорили бы со старпомом Шмаковым. Дал команду итти в открытое море. Я ему объясняю, а он ругается. «Не

твое, — говорит, — дело». Вас он послушает, он знает, что вы из Москвы.

— Почему же он дал такую команду?

— Еле на ногах стоит... Я и сам поверну к табору, да только вы к нему зайдите.

Вот, очевидно, и начинается борьба за план грузоперевозок!

Отправляюсь в старпомовскую каюту. За столиком, уставленным стаканами и бутылками, сидит обросший страшенной бородищей человек. Он грузно обмяк на табуретке, глазки его хитровато поблескивают. На краю стола лежит кинжалообразный нож. На стене, над головой, полочка, плотно забитая книгами, и рядом, на гвоздике, ружье. На полочке классики древней литературы — Эврипид, Аристотель, Гомер.

Все это так необычно, что я вдруг понимаю: отсюда очень далеко до Москвы. И еще я понимаю, что мне неизвестно, как надо разговаривать с этим человеком, около которого стоят бутылки со спиртом и лежит кинжал, а на полочке расставлены произведения древних классиков. Сойдя на речной пароход, я облекся в непривычно-заманчивую парадную форму. На мне — синий, нигде еще не обтершийся китель. Я боюсь вымазаться в машинном масле, боюсь неловко сесть, чтобы не испортить складку на флотских суконных брюках. Теперь в таком, наивно-шикарном, виде я стою посреди старпомовской каюты, и хозяин ее скользит по моей фигуре тяжелым взглядом, в котором слишком явно написан вопрос: «Откуда тебя черти принесли, такого отутюженного?»

— Это ваши книги? — для начала интересуюсь я.

Старпом самодовольно оглядывает полочку.

— Мои. По всему Северу вожу греков... Читаю в свободное время. Я их наизусть знаю. Эка невидаль, греки! Я и Макса Зингера лично знаю. О Севере пишет, слыхали?

— Слыхал.

— И что он только пишет! На одной зимовке мы давали салют в честь праздника. Я стрелял из ружьишка, вот оно на стенке висит. И был еще наган. А Макс пишет: залп салюта прогремел в тундре. Это как называется? Какой же залп, когда всего один наган и мое ружьишко?

— Ну, уж это вы придираетесь, — слишком горячо говорю я.

Старпом, хитровато сощурив глаз, оглядывает мои брюки, мой китель и тугой, непривычно высокий ворот. От этого взгляда мне хочется покрутить головой и запустить за

Горные цепи в верховьях Индигирки.

ворот палец, чтобы немного оттянуть его. Но я стою, как на параде. И старпом неожиданно спрашивает:

— А... кем вы будете?

— Журналист.

— Жур-на-лист... — сокрушенно покачивает головой старпом. — Может, я что-нибудь обидное сказал о журналистах?

— Нет, ничего. И много у вас тут спирта?

Волосатый мужчина хмыкает и поглаживает бороду.

— Так бы сразу и говорили!.. На нас двоих хватит, не обижу.

— Придется вам спирт вылить за борт или спрятать до прихода в затон.

Старпом как-то мякнет и мрачнеет. А я спешу добавить:

— Вы забыли, чем вам надо заниматься?

— Чем? — искренне интересуется он.

— Будто вы не знаете.

Старпом пожимает крепкими плечами:

— Не знаю.

— Надо выполнять план грузоперевозок.

— Правильно, — словно удивляясь простоте ответа на сложный вопрос, говорит старпом.

— Так почему же мы идем в открытое море?

Через несколько секунд вместе со старпомом мы выходим на мостик. Огоньки «табора» сверкают уже далеко позади. Пароход покачивает волной. Старпом хмуро берет штурвал и круто поворачивает судно на огни.

— Так держать! — хрипло приказывает он штурвальному.

Я спускаюсь к себе в каюту и поспешно отстегиваю крючки ворота. В таких переделках парадный вид не поможет, тут надо что-то другое. Опускаюсь на диванчик в глубоком раздумьи. Каких различных людей мы встретили в эти первые дни! Сибиряка Луковникова, посланца партии на Севере Кирющенкова, смельчака-капитана «Шквала» и старпома Шмакова, словно сошедшего со страниц северных романов Джека Лондона. И я начинаю понимать, что значит здесь, на Севере, бороться за план грузоперевозок, за новую жизнь.

Позднее я узнал, как такие Шмаковы уходили когда-то на Север на поиски легкой жизни. Здесь не было ни строгой власти, ни особой дисциплины. Но теперь даже на самом дальнем Севере начинались новые порядки. На Индигирке это был канун великих перемен. По Северному морскому пути шли первые пароходы с грузами для далеких и недавно еще недоступных северных районов. Здесь еще не началось большое строительство. Самолеты, автомашины, тракторы появились на Индигирке позднее. Романтика великой стройки вошла в тайгу и захватила все наши помыслы года через полтора, когда на западе начались битвы с врагом. Тогда же, в 1940 году, на Индигирке лишь начинался перелом: уходили в прошлое Шмаковы и появлялись новые люди.

Наступление большевиков на Север началось в тридцатых годах. В этот период отважные полярники совершили впервые в истории Северного морского пути сквозное плавание из Архангельска во Владивосток на ледоколе «Сибиряков» (1932 год). Вскоре по воле Сталина было создано Главное управление Северного морского пути.

Примерно в это же время первые советские исследователи проникли на территорию Колымо-Индигирского края, площадью в три Франции. С огромным трудом пробрались на

Зимой якуты ловят под льдом громадных налимов.

Колыму и Индигирку в 1928 году члены гидрографической экспедиции, впоследствии составившие атласы этих рек. Спустя три года впервые в истории Колымы морской пароход «Ленин» поднялся от устья реки до Средне-Колымска на расстояние в семьсот километров, пользуясь навигационными картами, разработанными гидрографами.

В то время, когда гидрографы проникли в низовья Колымы, в верховья ее, в горы, направилась первая экспедиция советских геологов, возглавлявшаяся Ю. А. Билибиным. В составе экспедиции помощником начальника и геологом был В. А. Цареградский. Вплоть до настоящего времени он работает на Колыме и в 1946 году удостоен звания лауреата Сталинской премии.

„Память 20 августа» встал на баре между другими судами. Шторм стих. Теплый юго-западный ветер растащил тяжелые тучи. Низкая луна почти не светила, черные рваные облака проползали по зеленому небу. Масляные блики прыгали по темной воде. Где мы — в Арктике или в каком-

нибудь южном море осенней ночью? Как быстро и неожиданно меняется здесь погода!

Я спросил штурвального, что означает название «Память 20 августа». Ветреной ночью, с желтой, несветившей луной, я вновь услышал скупой рассказ о трагедии в этом море, о гибели парохода со всей командой и о спасении боцмана Луковникова.

Вот как это произошло.

К концу лета 1933 года спускались вниз по Лене речные пароходы. Караван их должен был пройти Лену, пересечь море Лаптевых и пройти Восточно-Сибирским морем. Часть пароходов направлялась на Индигирку, часть на Колыму. Иллюминаторы кают на судах были задраены заглушками. С носа на корму через надстройки натянули стальные тросы, чтобы придать судну большую жесткость. В трюмах судов лежали большие запасы продовольствия.

Караван ленских речных судов вез первый отряд водников-сибиряков. Им предстояло забросить в глубь недоступных районов, где уже начиналось строительство, грузы, поступавшие по Северному морскому пути.

Сквозь грязные летние льды и цветные туманы моря Лаптевых пробивался караван ленских колесных пароходов и речных плоскодонных барж. Разметанные, клубящиеся туманы, то словно светящиеся изнутри, то причудливо-мрачные, цеплялись за льды, укрывали море холодным, липким маревом. Люди отпихивали баграми от колес неподатливые, изъеденные водой льдины, подводили парусиновые пластыри под сдавшие листы тонкой обшивки судов. Дошел черед усиливать крепление и палубных надстроек. Но от каждого случайного удара форштевня о льдины палубные надстройки, как их ни крепили, ходили ходуном, напоминая людям, на каких скорлупках отважились они пуститься в морской переход. А когда, наконец, развеялся туман, открывая далекие сизые горизонты, начались штормы. Пароходы и баржи разметало по морю.

Хмурым утром шторм достиг такой силы, что машина одного из судов не смогли осилить волну и ветер. Кто говорит, что пароход ударило о стамуху (сидящую на мели ледяную глыбу), другие считают, что не устояли перед волной судовые швы. Заливаемый водой пароход стал тонуть. Капитан приказал боцману Луковникову перейти на ближайшую баржу и перевести туда с гибнущего судна пассажиров — женщин и детей. Всех их удалось спасти.

Икрой одного осетра можно наполнить целый таз...

Команда гибнущего парохода работала геройски.

Трагедия эта разыгралась 20 августа 1933 года. По странному совпадению ровно через семь лет, того же 20 августа, наш громадина «Моссовет» остановился на рейде Индигирки. Ему уже не были страшны ни бури, ни льды.

Я долго не ложился спать.

Внутренний смысл новой жизни отчетливо раскрывался предо мной. Тяжелый труд и бесстрашие — вот чем была наполнена эта жизнь для первых пришедших сюда русских людей нашего времени. И написанная на носу парохода дата должна была постоянно напоминать о высокой цене, какою куплена была новая жизнь на неизведанной Индигирке.

Утром оказалось, что весь наш флот сидит на мели посреди безбрежного моря. Ветер с берега угнал воду с бара. Люди в высоких резиновых сапогах ходили в мутной воде от парохода к пароходу. Шлюпки нельзя было сдвинуть с места,

потому что их кили зарывались в ил. На катере не могли завести моторов — винты затянуло песком. Неподалеку от пароходов словно всплыл со дна морского мокрый песчаный островок. Чайки важно расхаживали там.

Мы ждали день, два, три... Бар крепко держал суда. И только когда ветер повернул и задул с моря, неся с собой туман и дождь, уровень воды начал повышаться. Через несколько часов суда всплыли. Караван пришел в движение. Один за другим пароходы с вереницами груженых барж пошли меж буйков, указывавших путь к устью реки.

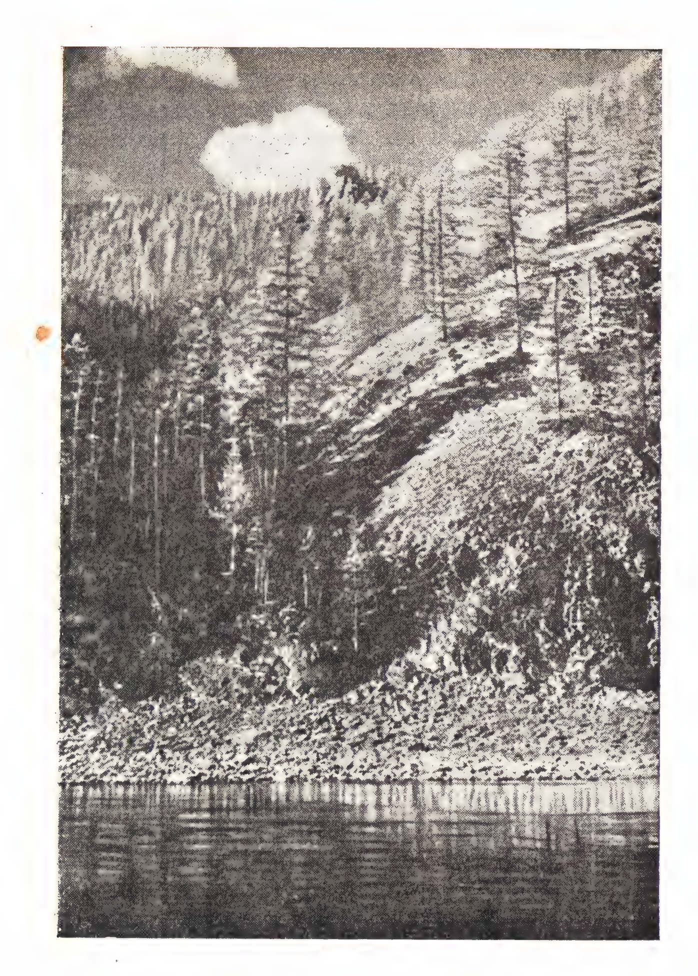
Берега определились вначале в виде узких разорванных черточек. Это были песчаные острова или отмели, далеко вдававшиеся в море. Наконец, черточки слились в сплошные полоски. С обоих бортов потянулась ровная, пустынная, мокрая тундра. Мы вошли в русло реки.

Необычные сооружения, напоминавшие конусообразные остовы шалашей, начали попадаться на берегах. Оказалось, однако, что это совсем не шалаши, а топливо, заготовленное местным населением. В половодье плывущие по реке деревья и сучья вылавливают, вытаскивают на берег и составляют пирамидкой, чтобы зимой не замела плавник пурга. По первому снегу приезжают сюда собачьи и оленьи упряжки и увозят драгоценную древесину. Леса были далеко — километров за сто шестьдесят к югу. Здесь же простиралась чуть холмистая временами тундра. Летом она ярка и душиста, цветы покрывают ее — куда ни глянь. Осенью — уныла. Зимой — сурова и страшна ветрами и пургой.

Миновали молодой поселок Чекурдах. Берег здесь заполняли новые плоскокрышие дома. Строить надо было много и быстро, и не всегда хватало времени, чтоб сделать крышу. На берегу, у складов, толпились люди, готовясь разгружать один из наших караванов. На реке шумели винтами гидросамолеты.

Поднимаясь вверх по реке, к югу, мы вскоре увидели тайгу.

С берегов реки смотрелись в воду могучие лиственницы. В детстве я был уверен, что лиственница — дерево с пышной кроной листвы. Но никакой листвы у лиственницы нет. Она принадлежит к семейству сосновых, хотя больше похожа на нашу обыкновенную елку. Болотистая лиственничная тайга доплескивалась от реки до подножий хребтов и плоскогорий, видневшихся в отдалении. Ни одного зеленого пятна не встречал глаз в осенне-золотой лиственничной тайге.

Дика, богата зверем и птицей индигирская тайга.

Говорят, что на южных равнинах лиственница развивается плохо и скоро погибает. Но никакие морозы не страшны этой исконной северянке. Кипарисы вымерзают при семиградусном морозе, дубы — при двадцатиградусном. Яблони едва выдерживают минус тридцать градусов. Только одно растение с вечнозелеными листьями приспособилось к холоду и выдерживает климат северной тайги. Это самая обыкновенная брусника.

Лиственница, тальник, брусника переносят холод, замора-

живающий ртуть. Каждую зиму им приходится испытывать холод в шестьдесят, а иногда и семьдесят градусов ниже нуля. И тем не менее весной на ветвях лиственницы загораются зеленые искры пробивающейся из почек молодой хвои. Дети северных школ хорошо знают: если в середине декабря срубить в тайге лиственницу и поставить ее в ведро с водой в теплой комнате, у них будет к новогоднему вечеру настоящая яркозеленая елка.

Индигирка, прорвавшись в верховьях через мрачное ущелье, рассекающее громадный хребет Черского, здесь свободно несла свои мутные воды сквозь тайгу по привольной индигирской низменности. Река делилась на протоки, омывала острова, поросшие тальниковыми кустами. Кусты стеной вставали у самой воды. Что-то родное было в этих зарослях кустарниковой ивы.

Сколько милых сердцу русского человека названий дается этому дереву! Верба, ветла, ракита, белолоз. И вот я увидел его здесь, это вездесущее наше дерево, добирающееся до самой северной границы растительности в Арктике, до самых восточных рубежей нашей родины, до границ лесов в горах солнечного юга. И растет оно сообразно тому месту, куда ветер занес его семена: то стелющимся по земле стебельком не выше одуванчика, то непролазными кустами, как на берегах Индигирки, то могучими тридцатиметровыми деревьями на далеком юге.

Богата зверем и птицей индигирская тайга. В низовьях реки, в тундре, охотники промышляют песца. В лесах бьют белку, лисицу, горностая.

Якутские охотники — мастера на всевозможные звериные ловушки. В верховьях Индигирки, в горах, мне довелось встретить столетнего старика-якута. На горных бараньих тропках устанавливал он самострелы-автоматы. От удара стрелы этого древнего оружия валится замертво дикий горный баран.

Охотники ловят проволочными петлями зайцев, расставляя петли ранней зимой и весной на выбитых заячьими лапами дорожках в снегу. Летом на потайных медвежьих тропах старики-якуты привязывают к стволам деревьев петли из стальных тросов и ловят могучего зверя живьем. Бывало в такие ловушки, поставленные повыше, попадали великаны тайги — лоси.

Даже птиц промышляют петлями. Зимой глупые белые куропатки бесстрашно ныряют своими головками в волосяные

Якуты промышляют горного барана, устанавливая автоматы самострелы. На снимке слева—столетний охотник Кривошапкин справа—геолог Михеенков.

колечки, расставленные около тальниковых кустов на снегу и обсыпанные вокруг молодыми тальниковыми побегами — птичьим лакомством.

...Суда наши поднимались к новому заполярному затону Дружина. Мы слушали все эти рассказы об индигирской тайге, и живая иллюстрация — тайга проплывала мимо нас. Лисы поглядывали с далекого берега, лоси переплывали нам путь. В небе, по-осеннему прозрачном, не было ни облачка. К вечеру из тайги на мостик набегали теплые волны душистого воздуха. То был запах увядающей листвы тальника, напоминающий аромат ярких южных цветов.

Хороша осенняя индигирская тайга, дикая и не тронутая человеком.

Почти такой же увидели эту тайгу первые советские водники, приплывшие сюда с Лены. Преодолев трудности морского перехода, они поднялись вверх по реке. В среднем течении Индигирки, там, где река прорезает низменность,

повыше нынешнего большого поселка Дружина, люди поставили первые палатки. Спустя несколько лет они переселились на высокий берег протоки Дружина. Узкая длинная протока оказалась хорошим затоном для судов.

Наш пароход выполз из-за острова, заросшего тальником. Мы увидели узкое устье протоки с песчаными мысами, а на высоких ее берегах — зелень тронутой топором, словно выщипанной тайги. И до странности знакомым показалось нам это место после рассказов о том, как семь лет назад впервые пришли сюда сибиряки.

Как мы покупали пианино

ГДЕ-ТО далеко на востоке и на юге шло большое строительство, а будни затона Дружина походили скорее на жизнь затерянной в глуши северной зимовки.

Нас с женой поселили в палатке, — дом не успели еще отстроить. Наше вылинявшее брезентовое жилище стояло на краю болота с косматыми кочками. В палатке было грязно и холодно. Жена безропотно мирилась со всеми неудобствами, одно только приводило ее в отчаяние: полы были из грубоотесанных тонких бревнышек, которые невозможно было вымыть начисто, а фанерные стены «комнаты» прокоптились и потрескались. Когда мы впервые ступили на порог палатки и осмотрели наше жилище, я поспешил отвернуться, чтобы не глядеть на слезинки, выступившие на глазах жены. Конечно, она думала о том, что никогда не сможет превратить эту палатку в романтическую таежную избушку, о которой мечтала в Москве.

На второй день «палаточной жизни» рано утром нас разбудил стук в дверь. Пришла санитарка из больницы.

— Роженица у нас, — торопливо говорила она через дверь. — Наказала бежать за вами, вот-вот разрешится.

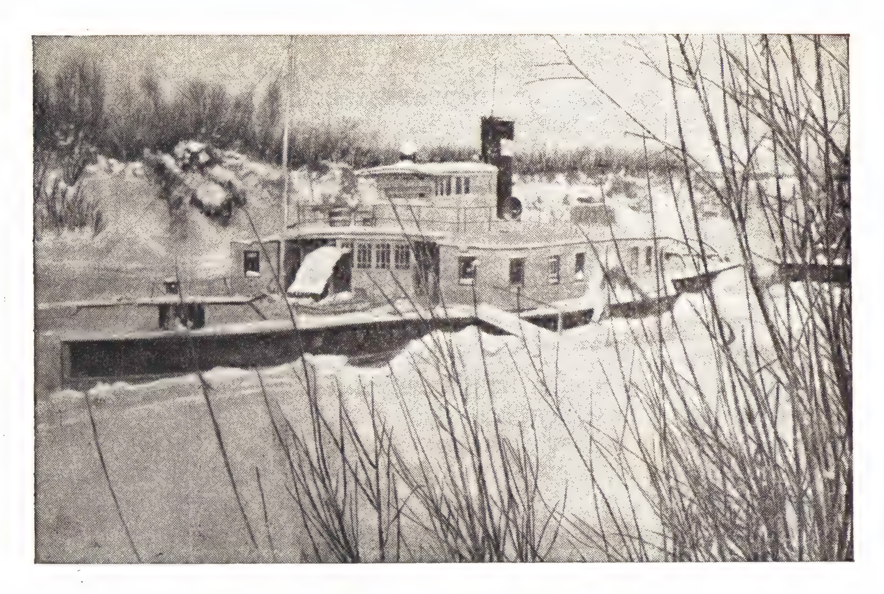
— Так что же вы раньше за мной не пришли? — рассердилась жена.

— Роженица-то вас беспокоить зря не велела. Говорит, с дороги вы...

В «комнате» было морозно. Я быстро растопил железную печурку.

— Скорее дай мне умыться! — крикнула жена, собираясь бежать в больницу.

Я подошел к ведру, но кружка моя ударилась о лед — вода промерзла до дна.

Осенью суда вмерзли в лед протоки.

— Тогда неси снег, — решительно сказала жена, — а по-настоящему я уж умоюсь в больнице.

Она вернулась часа через два, радостная и шумная. На свет родился новый человек, мальчик, один из тех первых граждан, в будущих паспортах которых запишут местом их рождения наш затон Дружина.

Обоим нам показалось в тот день, что жизнь складывается очень интересно. Пусть пол со щелями, пусть вода в ведре за ночь промерзает до дна, но ведь поселок растет, строится, в нем рождаются новые люди. Жизнь все время идет вперед, и кто знает, может быть, еще на наших глазах затон Дружина превратится в настоящий северный городок.

А вскоре в общежитиях появились первые номера газеты. Она называлась пышно: «Водник Индигирки». Матросы и капитаны с гордостью и некоторым даже удивлением говорили: «Ишь ты, завели все-таки газету!» И в самом деле, в центре индигирской тайги, куда и дорог-то никаких не было, три раза в неделю выходила газета.

Михаил Филиппович Горожанкин со своими грузами тотчас выехал на оленях в район реки Селенях. Там члены экспедиции рубили дома, устраивали базу.

В октябре наступили легкие морозы. Опавшую воду протоки схватил ломкий молодой лед. Небо стало холодным и прозрачным. Болота уже не проваливались, грязь застывала. Только лиственницы все еще держали на своих ветвях веселый наряд, хвоя опадает позднее. Вечерами в зеленом небе играли столбы северного сияния — предвестники зимней стужи и полярной ночи.

В такую-то вот пору помполит Кирющенков вызвал к себе заведующего хозяйством Гринько, высокого украинца в черной шинели с серебряными пуговицами.

— Объяви-ка, Гринько, по поселку, — сказал Кирющенков, — будем в воскресенье пианино покупать.

Гринько не высказал ни малейшего удивления.

— Вскладчину покупать или индивидуально? — осведомился он, делая вид, что все понимает.

— Вскладчину, воскресником... Надо баржу срочно разгружать на Индигирке. Если воскресником будем работать за пианино, люди, пожалуй, все поднимутся.

Гринько сразу сообразил суть дела:

— За пианину как один человек поднимутся.

Недалеко от устья протоки на Индигирке осталась пятисоттонная рейдовая баржа с грузом. К зиме вода в протоке так быстро стала падать (общий для северных рек закон), что пароходы и баржи едва успели протащить через мель в затон. А глубоко сидевшая и тяжелая рейдовая баржа так и застряла около устья Дружины, сколько ни бились с ней наши катеры, сколько они ни мутили воду своими винтами. Инженер эксплоатации Василий Александрович Стариков, одевавшийся всегда необыкновенно для тайги, — отглаженные брючки, туфли вместо сапог и неизменный воротничок с галстуком, — на этот раз явился в кабинет Кирющенкова в болотных сапогах и телогрейке, забрызганный грязью. Мель в протоке пытались даже взрывать — ничто не помогало. Надо было придумывать способ спасти баржу от весеннего грозного ледохода на Индигирке. Придумали: подвести баржу поближе к устью, зимой пробить во льду канаву, а в мае, перед началом ледохода, едва вода поднимется и заполнит эту канаву, втащить баржу в протоку. Однако прежде всего следовало подвести баржу возможно ближе к протоке, а для этого надо было срочно ее разгрузить. Вот Стариков и Кирющенков и предложили: для воодушевления людей на авральную работу купить на заработанные при разгрузке деньги пианино для клуба.

Ледоход на Индигирке.

На двери магазина давно уже висело объявление: «Есть в продаже овес 80 копеек кило, также пианина 4500 рублей». Несколько тысяч километров проделало это пианино, пересекло четыре арктических моря, чтобы по воле какого-то снабженца попасть в глухой, едва отстраивавшийся поселок. И, конечно, никто его не покупал. Много хлопот причинил неходовой товар заведующему магазином. Ему пришлось поставить пианино в свою комнату и зимой день и ночь поддерживать в доме ровную теплую температуру, чтобы инструмент не испортился от мороза. Объявление в магазине все отлично знали, многие из любопытства заглядывали к заведующему магазином и осматривали диковинный для тайги инструмент.

Весть о покупке пианино для клуба мигом облетела поселок. В субботний вечер в палатках и рубленых домах, в семьях и в общежитиях среди холостяков только и разговаривали, что о необычайной будущей покупке. Все готовились, как было объявлено, собраться к барже на воскресник спозаранку.

Больше всех хлопотал Гринько. Этому человеку, жившему на Севере несколько лет, нравились все необычайные истории. Он на свой страх и риск высеивал овес на островках твердой земли меж болот, находил в тайге среди бурелома прекрасные покосы, талантливо раскрывал любые преступления (милиции в поселке не было), а летом, когда врачи плавали на судах, даже дергал зубы медицинскими щипцами.

Теперь он собрал всех своих конюхов, каюров, дровосеков и водовозов в бригаду. Гриньковская бригада явилась к месту работы нестройной веселой толпой раньше остальных.

«Покупать» пианино собралось все мужское население поселка. Были здесь и Стариков и Кирющенков. Шутки и смех раздавались в трюме, когда мы готовились взяться за работу. Выгрузить в один прием несколько сот тонн муки и сахара — дело нешуточное. Предстояла тяжелая работа на весь день. И все-таки люди веселились, обсуждая, кто и как будет играть в клубе на пианино. За работу принялись споро, каждый старался опередить товарищей.

К первому же «перекуру» от слишком усердной беготни с мешками на плечах в нашем трюме обнаружились пострадавшие. Моторист Андрей сорвал себе кожу на руке; длинный, как стропило, бухгалтер, зацепившись головой за стальной бимс, рассек бровь; кто-то прихрамывал.

Когда, усевшись в кружок, мы выпустили первые колечки табачного дыма, в трюм спустился Гринько. Постояв несколько секунд, он спросил:

— Может быть, здесь амбулатория?

Мы оглядели друг друга и убедились, что многие забинтованы или прогуливаются, разминая поврежденную ногу. Взрыв хохота бухнул в гулком трюме.

— Слушайте, — спросил Гринько, — кто из здешних играет на пианино?

Смех смолк. Никто среди нас никогда не играл на пианино. Так же обстояло дело и в других трюмах. Мы начали волноваться. Гринько успокоил нас:

— Не вдавайтесь в панику, таскайте мешочки повеселее, я все-таки выловлю музыканта.

И, конечно, Гринько нашел единственного на всю Дружину пианиста. Им оказался наш редактор Семен Петрович Ильин, также участвовавший в покупке пианино и измотавшийся до последней степени.

Весть о счастливой находке разнеслась по трюмам, и работа пошла с удвоенным усердием.

Двадцать два года прожила на Севере семья связиста Московского. Старший мальчик Московских, Вадик, появился на свет в 1934 году на глухой зимовке около устья Колымы. Светлана родилась в 1937 году в таежном поселке Старая Зырянка. Самая младшая, Зиночка, родилась в культурном промышленном поселке Новая Зырянка.

Пианино мы купили к вечеру, когда все мешки с мукой и сахаром лежали в штабелях на берегу протоки.

Измученные вылезали мы на берег к тальнику.

— Александр Семенович, — сказал Гринько, хитровато щурясь, — все же таки пианину забирать у завмага нам нет возможности.

— Это еще почему? — удивился Кирющенков.

— Не хотел я прежде людей расстраивать — дело, понятно, политическое. А теперь можно объяснить: ставить нам пианину негде. Что есть в данный момент наш клуб? Палатка. Как мороз ударит — струны полопаются. Мне это дело слишком знакомое по телефонным проводам.

— А ведь правда, товарищи, — досадливо сморщился помполит, — какое же пианино выдержит пятьдесят градусов ниже нуля...

Началось невообразимое. Люди ополчились на Гринько. Предлагали каждый вечер уносить пианино на своих плечах в теплую контору. Но ведь тогда пришлось бы шить для него

меховую шубу, чтобы закрывать во время переноски. Предлагали быстро построить рубленый теплый клуб. Так или иначе, Гринько был прав, пианино покупать было нельзя. Завмаг, узнав об этом, совсем расстроился.

А года два спустя, уже во время войны, когда я был далеко от Дружины, на соседней реке Колыме, мне рассказали, что дружинцы в неурочное время выстроили для своего пианино большой бревенчатый клуб. И по сей день, говорят, стоит в нем драгоценная покупка. Что же касается злополучной баржи, то все так и вышло, как было задумано. Ее подвели ближе к устью и поставили здесь до весны. Весною же вдернули в протоку и плотно закупорили горловину устья боном из бревен, не пускавшим в затон ошалелые весенние льдины.

Но все это было потом, позднее. А в ноябре задули пурги. За бревенчатыми стенами ветер шумел так, словно снаружи волновалось море. Снег около домов скрипел и скрежетал, как лопавшееся стекло, едва кто-нибудь приближался к крыльцу. Начиналась полярная ночь.

Однажды Кирющенков сказал мне:

— Займись-ка драмкружком. В полярную ночь надо оживить работу с народом.

Никогда прежде не играл я на сцене, да и вряд ли кто-нибудь из кружковцев видел свет рампы. Мы сами храбро перекраивали пьесы, делая их покороче и приспособляя к условиям нашей «сцены». Мы сами рисовали декорации детской акварелью на бумаге. В день репетиций и спектаклей в палатке с двух часов затапливались печи. До «сукон» — сатиновых полотнищ, развешанных на сцене, — дотронуться было невозможно: материя обжигала холодом, словно это была жесть. Но и артисты и зрители, битком набивавшиеся в палатку, проявляли чудеса выдержки и не расходились до конца представления. Один из кружковцев обморозил себе пальцы на ноге, потому что по ходу действия ему надо было играть в сапогах. Но до конца спектакля он не покинул сцены. В другой раз зрители были буквально потрясены. Герой пьесы должен был появиться на сцене, переплыв Волгу. И вот перед зрителями предстал человек в майке, в трусах, и притом мокрый с головы до ног. Аплодисменты были самыми искренними и бурными.

Однажды начало спектакля задержалось из-за опоздания суфлера. Без суфлера играть мы не решались; ответствен-

ную эту задачу выполнял у нас учитель, молоденький, но серьезный паренек, которого все величали Илья Ильич. Он должен был притти пешком из районного центра Абыя, находившегося в сорока километрах от Дружины, куда накануне уехал по делам школы. Но наступил час спектакля, а его не было. Публика в переполненном зале волновалась, мы искали заместителя, как вдруг в палатку ввалился обиндивевший Илья Ильич. Он был в тулупе и гремящих, словно отлитых из стекла, валенках. На пути от Абыя он попал в наледь, валенки его промокли и тут же замерзли на сорокаградусном морозе. Но он все пробивался вперед и вперед через наледи и, добравшись до поселка, даже не заглянул домой, торопясь в клуб. Теперь он шел среди рядов скамеек и улыбался всем своим раскрасневшимся молодым лицом. Люди оглядывали его, понимали, что произошло, и когда он, дойдя до сцены, стал подниматься по лесенке за кулисы, весь зал зааплодировал.

Наш затон жил по своеобразным законам северной жизни. Полярной ночью, когда томит темнота и грандиозные зарева северного сияния, людям особенно хотелось думать о том, что и здесь, в таежной глуши, скоро начнется большая стройка. Должно быть, где бы ни жил советский человек, в какую бы глушь ни забирался, мысль о новом строительстве, о переделке природы помогает ему переносить всяческие лишения, в изобилии выпадающие на долю тех, кто первым идет в новые, неосвоенные уголки нашей родины. Так уж воспитаны мы партией, Сталиным, годами пятилеток.

В низенькой юрте, стоявшей против поселка на другом берегу протоки, жил гидротехник Телякевич. Он приехал на Север молодым инженером. Индигирку Телякевич знал, как говорится, вдоль и поперек. Каждую весну он уплывал на катере в верхний плес с сумасшедшими быстринами и перекатами, чтобы расставить там на берегах и на воде навигационные знаки, окрашенные в яркобелую и красную краски. Эти знаки доходили в верховьях до одного непреодолимого порожистого участка реки. Здесь грузы с барж перетаскивали на берег и укладывали под навесы, наспех построенные в тайге. Затем мощные тракторы на санях из бревен волокли все это туда, где в горах уже работали партии геологов. Все лето Телякевич проводил в верхнем плесе. Поставив знаки, он уплывал на катере к порогам.

В разгар полярной ночи я как-то заглянул в юрту против поселка. Низкий потолок, оклеенный газетами, нависал над столом. Телякевич, встав коленями на лавку и опираясь локтями о стол, склонился над бумагами. Мы заговорили о поселковых делах. Телякевич нет-нет, да поглядывал на свои бумаги и замолкал, словно собираясь и не решаясь что-то сказать. Это был человек со своеобразной манерой разговаривать. Негромко, подчеркивая отдельные слова, он всегда обстоятельно и подробно излагал свою мысль.

Взглянув на меня и слегка усмехнувшись, он мягко махнул рукой:

— Давай-ка уж расскажу я тебе о своей мечте...

Он подвел меня к бумагам на столе. Это были навигационные карты реки. Мечта гидротехника заключалась в том, чтобы преодолеть пороги, открыв ход судам почти до истоков реки. Тогда грузы пойдут вверх, в горы, беспрепятственно. Оживет река, начнется строительство горных предприятий. Шумные пристани возникнут на Индигирке, а там — дай срок! — засверкают огни городов.

— Пусть через десять, пусть через пятнадцать лет, — говорил Телякевич, отрываясь от бумаг и расхаживая по тесной комнатке с косо поставленными стенами, — но все-таки мы будем знать, что первыми пришли сюда и открыли эту дорогу!

Мы оба были взволнованы, но и подумать не смели тогда, что не через пятнадцать и даже не через десять лет, а всего лишь через каких-нибудь два с лишним года на Индигирке начнется великая стройка.

Телякевич говорил:

— Взорвать пороги... Или, наконец, волоком протащить суда вверх. Можно сделать все, если только захотеть и если это нужно... А я утверждаю, что в верхнем плесе плавать можно.

Жизнь оказалась богаче мечты. Суда были заброшены за пороги по новой таежной дороге в разобранном виде на автомашинах — тяжеловозах. В верхнем плесе действительно началось судоходство. Но об этом расскажем позднее.

Я ушел от Телякевича глубокой ночью. На другом берегу из железных труб над плоскокрышими срубами вырывались огненные метлы пламени. В звездном небе на громадной высоте, прямо над головой, сходились зеленоватые лучи северного сияния, в которых притухали звезды. Лучи тяну-

На горной колымской дороге.

лись со всех концов горизонта, словно где-то в тайге разом зажглись мощные прожекторы. Через несколько лет, после войны, в Москве я также смотрел в небо на голубые столбы лучей, сходившихся высоко над головой. Вокруг ликовала многотысячная толпа. В небо взлетали цветные ракеты, ярко освещавшие лица людей. Столица праздновала победу. И вдруг я вспомнил полярную ночь, северное сияние над глухим поселком и юрту Телякевича. Вспомнил и заново пережил волнения тех давних дней...

Смерть отступает перед человеком

К ВЕСНЕ, когда солнце вновь стало появляться над тайгой и с каждым днем молодело и расцветало все ярче, когда глаза слепило исходящим отовсюду светом, где бы вы ни были — в комнате у голубого окна, среди деревьев или на улице поселка, — в эту красивую и яркую пору Кирющенков предложил мне навестить геологов.

— Обязательно у них надо побывать, — говорил Кирющенков, — может быть, помощь какая-нибудь нужна. На чем вот только ехать?

Все лошади были заняты на лесозаготовках. Приближалась весна, лес надо было до первой воды вывезти к берегу реки. А к базе геологов лежал путь длиною больше трехсот километров.

Мне очень хотелось поехать. Тайга ранней весной по-особому красива. Я предложил:

— Собрать всех бродячих собак в поселке, да и впрячь в нарту.

Кирющенков усмехнулся, с сомнением покачал головой. Собачьим транспортом в Дружине давно уже не пользовались.

— Попробуй. Может, что-нибудь получится.

Вместе с Гринько мы переловили на помойках одичавших псов и привязали их в пустой палатке. За ночь собаки таинственно исчезли. Мы опять переловили их и, впихнув в палатку, заперли дверь задвижкой. На следующее утро палатка вновь оказалась пустой. Собаки могли перегрызть веревки, но как они могли раскрыть запертую задвижкой дверь? Гринько осмотрел обрывки веревок, которыми мы привязали собак. Глаза его загорелись. Веревки были обрезаны ножом. Чья-то злая воля мешала нам.

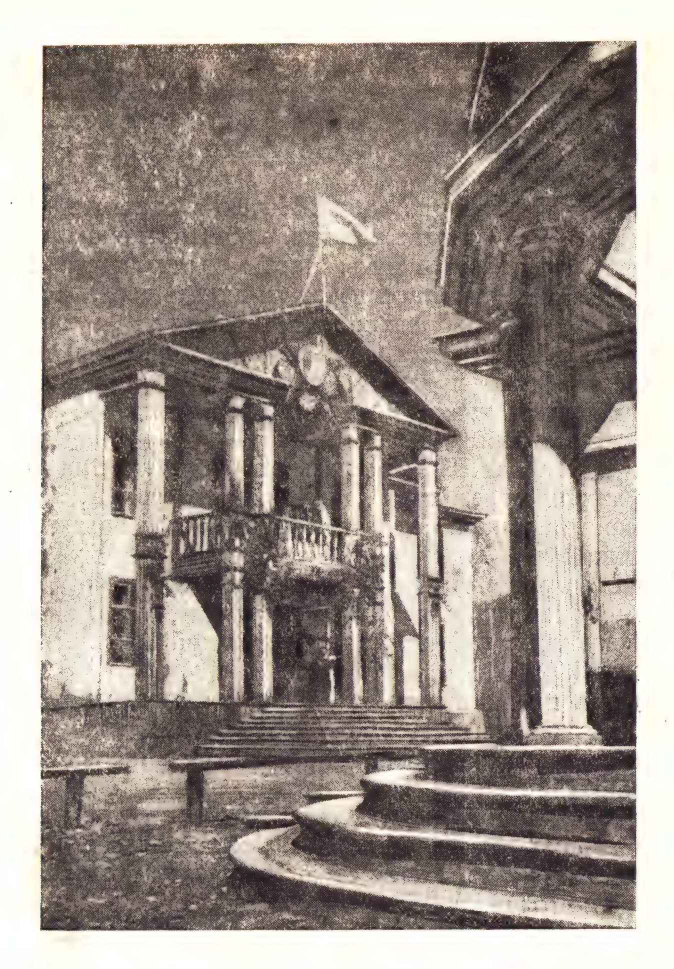
Гринько не мог обходиться без таинственных и необыкновенных происшествий. Каждый пустяк он так умел «обыграть», что ему самому и окружающим его людям становилось интереснее жить. На этот раз завязывалась совсем не пустяковая история. Гринько подробно исследовал каждую обрезанную веревку. Я уверен, что будь у него под рукой лупа, он пустил бы ее в дело. Потом он принялся изучать следы около палатки.

— Шмаков! — сказал он, сидя на корточках перед палаткой и измеряя какой-то след.

— Ну, уж это вы, Гринько, перехватили, — заметил я. — Разве на следу написана фамилия?

— Валенки, а не фамилия! — назидательно ответил Гринько. — Валенки его чуть не полметра длиной. Я сам их недавно ему выписывал и со склада выдавал. Дело, в общем, ясное, как белый снег: уходит Шмаков из поселка, боится, как бы ему здесь не испортили настроение. Вот за собачками и охотится...

Старпом Шмаков действительно собирался уезжать из поселка. В начале зимы хотел было он гульнуть в полную силу, но старые времена прошли: товарищей у него почти не оказалось. Люди вечерами шли теперь в клуб, в кружки,

Клуб таежного поселка Сусуман.

читали свою газету. К тому же Кирющенков и Стариков держались со Шмаковым круто. Словом, Шмакову места в этой жизни не находилось. И, пока не поздно, решил он итти искать счастья в золотых шурфах, подальше в тайге.

Я отправился к Шмакову. Жил он в небольшой юрте неподалеку от поселка. Разговор у нас был очень короткий. Шмаков больше молчал. Говорил я. Сказав все, что полагалось сказать, ушел. Гринько оказался прав: вещи у Шмакова были уже связаны в небольшие тючки.

Мне надо было торопиться с отъездом, тем более, что корм для упряжки этой весной у таежных охотников найти было трудновато. Одну за другой две упряжки могли и не прокормить. Следовало во что бы то ни стало опередить Шмакова.

Мы вновь переловили собак. Ночью я снаряжался в путь. Рано утром моя упряжка, составленная из непокорных бродячих псов, двинулась в путь. Нарты были почти пусты: я взял запас продовольствия всего лишь на день. На нартах сидел лучший каюр Гринько, я же привязал к задку нарт веревочную петлю, встал на лыжи и, ухватив веревку, легко скользил вслед за упряжкой. Облегчив до предела нарты, мы предполагали делать не менее ста километров в день.

Все же первый день пути оказался мучительным и для людей и для собак. Псы не желали работать. Они грызлись, перескакивали через потяг, путали постромки. Это была не упряжка, а дикая, своенравная собачья ватага. Кое-как выбравшись из поселка, мы остановили упряжку в кустах тальника, залитых солнечными лучами. От тонких ветвей на пылающий снег падала синяя паутина теней. Накатанная дорога уходила в тайгу. И какой длинной казалась она нам в этот день!

Наломав крепких ветвей, мы устроили поголовную порку псов. Визг и рычанье стояли в кустах. Внезапно неподалеку послышалось легкое повизгивание. Из-за поворота вынырнули слаженно бежавшие собаки. Это была упряжка Шмакова. На нартах сидели двое. Шмаков соскочил на снег, обогнал своих собак и, оттаскивая их за потяг от наших бесновавшихся лентяев, повел свою упряжку по краю дороги. Мрачные и молчаливые, продолжали мы свое жестокое, но необходимое дело. Шмаков, вскочив на нарты, скорчил любезную физиономию и помахал рукой.

Мы пороли своих псов полдня за малейшее проявление лени или непокорности, останавливаясь для этого у кустов тальника. Теперь стоило сабакам издали заметить кусты, как наша упряжка набавляла ходу, и мимо тальника мы проносились с поразительной быстротой. К концу дня остановились на ночлег в юрте охотника. Однако корма для собак у него не оказалось: здесь уже побывал Шмаков. Мы роздали псам понемногу мороженой рыбы — все, что у нас было взято из Дружины, — и рано утром тронулись дальше. Теперь упряжка шла хорошо. В середине дня мы заметили среди красностволых лиственниц ослепляюще светлую прогалину,

юрту и около нее навостривших уши собак. Должно быть, услышав повизгивание наших псов, из юрты выскочил Шмаков. Но теперь соревноваться с нашей облегченной упряжкой ему было уже невозможно. Мы вынеслись на прогалину под гиканье каюра. Увидев юрту и людей, собаки начали было замедлять бег. Но я на ходу схватился за ветку тальника и, дернув, отломил ее. Легкого треска сломанной ветки оказалось достаточным, чтобы собаки разом рванулись вперед.

В этот день мы прошли сто двадцать километров и стали на ночлег в темных, малиновых сумерках. Нам удалось купить у охотника достаточно мороженой рыбы, и мы хорошо накормили собак.

На базе экспедиции мы были через три дня. Там все оказалось в порядке. Геологи работали с утра до ночи, обнаружили пласты угля. В обрыве берега рабочие прошли небольшую штольню по угольному пласту.

Отдохнув сутки, мы двинулись в обратный путь. На нартах у меня лежали первые образцы нашего собственного индигирского угля. В блестящих черных кусочках виделись мне огни новых строек, будущих шахт и фабрик.

Теперь уже не надо было так торопиться.

В одной из юрт нам встретился одетый в меховые, плотно пригнанные куртку и брюки молодой загоревший якут, секретарь Абыйского райкома комсомола Свешников. Это был веселый, общительный человек. Видились мы с ним и прежде, но все как-то бегло, урывками. На этот раз нашлось время поговорить. Я узнал, что Свешников кончил в Якутске пушной техникум, был направлен на крайний север Якутии, помогал там охотникам выполнять государственный план заготовки песцовых шкурок. Затем партия направила его на комсомольскую работу. Факты были обычные, повторявшие в общих чертах биографии тысячи других молодых якутов.

Свешников едва не погиб от голода вместе с охотничьей бригадой на острове Фаддеевском. Случай этот заинтересовал меня, и я просил Свешникова рассказать о нем подробнее.

— Будет лучше всего, если ты почитаешь мой дневник, — сказал Свешников. — Я описал там все, что было, и только правду.

Вернувшись в затон, я вскоре получил из Абыя толстую тетрадь в коричневом переплете. Это был дневник Свешникова. Он вел его ежедневно. Попав в беду, он записал туда все свои мысли и чувства, все, что случалось с ними даже

Затон и поселок

в те последние часы, когда, казалось, жизнь обрывается и выхода никакого нет. Я раскрыл тетрадь и не отрываясь прочел ее до конца.

В первой половине дневника, начатого 31 мая 1937 года, рассказывалось о том, как семеро молодых промышленников-якутов решили итти по тающему уже морскому льду к арктическому острову Фаддеевскому на промысел песца. Охотники знали, что на этот остров промысловые организации не смогли забросить продовольствия. Предстояла полуголодная жизнь. Только охотой на дикого оленя и птицу люди могли восполнить нехватку продовольствия. Сам Свешников, охоттехник, и Василий Г., бригадир, молодой крепкий якут, уже пять лет охотившийся в тундре, могли отказаться от этой экспедиции и ехать в Якутск. Срок их пребывания на Севере кончился. Однако они добровольно остались в бригаде. Почему?

«...На острове Фаддеевском, — пишет Свешников в своем дневнике, — пропадают без ремонта тысяча сто шестнадцать песцовых пастей и двадцать одна охотничья избушка. Кроме того, срывается план заготовки пушнины. Бригада на общем собрании решила итти вперед, положившись на спасение своей жизни с помощью охоты...»

Новая Зырянка.

Несколько сот километров люди шли по тающему льду по колено в воде. Много раз они проваливались под лед. Наконец, достигли острова Фаддеевского и, устроив продовольственный склад на берегу быстрой речушки Кырджахас-Дже, двинулись в тундру, чтобы заняться ремонтом песцовых пастей. К ноябрю у них кончилось продовольствие. Четверо, во главе со смелым бригадиром Василием Г., ушли в тундру настораживать пасти. Свешников с двумя пареньками — новичками в Арктике — отправился к складу за продовольствием.

С этого момента я читал дневник с особым напряжением, остро переживая трагическое нарастание событий. Скупые записи не были рассчитаны на будущих читателей. Привожу их дословно.

«20 сентября. Пришли вечером в темноте к низкому берегу Кырджахас-Дже. Здесь были оставлены все запасы бригады: полмешка муки, крупа, махорка, табак, спички, боеприпасы... Вся наша надежда была на эту базу. В темноте нашли место погреба, раскрыли его. Я сунул руку и попал в воду. Погреб развалился, полон воды и мокрого снега. Имущество промокло. Наша бригада теперь пропала. Мы чиркали спичками. Они вспыхивали, освещали черную волу и гасли. Зачем мы портим последние спички? Надо их беречь. Что мы будем

делать? Осталось три коробки спичек. Если бы все ребята были здесь, вместе бы подумали, но четверых с нами нет...

22 сентября. Раскапывали погреб. Нашли остатки муки и крупы. Иван Т. и Николай Г. стали часто задумываться, — наверное, боятся смерти. Да, может быть, и умрем от голода и холода, если не найдем выхода. Но я думаю — найдем выход, не помрем. Только надо быть настойчивыми, мужественными. Василия Г. и остальных еще нет.

23 сентября. Ходили за дровами — собирали плавник на берегу, выброшенный морем. Наверное, этот плавник вынесла в море Индигирка или Лена. Пурга то и дело заставляла нас останавливаться. Мы дотащили нарты с плавником до избушки. Много раз падали в снег.

Приходится дежурить по ночам, чтобы огонь не погас. Спички надо экономить.

Я отдал свою чистую одежду ребятам. Стираю их белье. Это учит ребят доброму отношению друг к другу. Меня воспитал комсомол, я окончил техникум, я все это понимаю. А ребята всю жизнь прожили в тайге, не видели города, неграмотные. Я должен так поступать.

24 сентября. Шил Ивану рукавицы из материи. Он сам не умеет. Он тихий, спокойный. Смотрит, как я работаю. Я заметил: если я весел — и Иван становится веселее; когда я молчу — Иван, кажется, вот-вот заплачет. Он совсем молодой, первый год в Арктике.

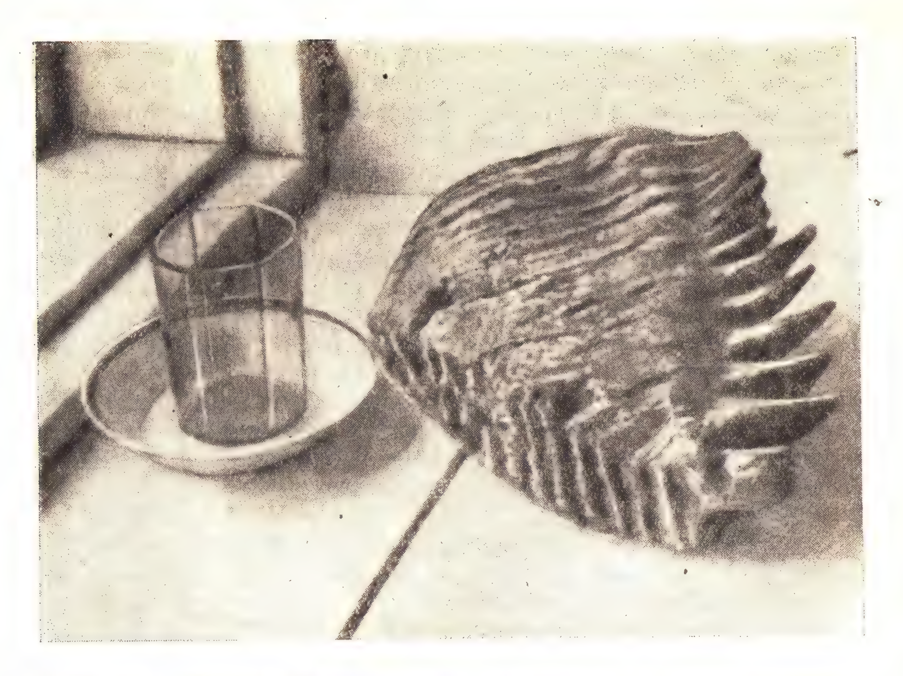
Сегодня мы все-таки занимались понемногу, ребята у меня пишут и медленно читают.

29 сентября. Море покрылось льдом. Наши еще не пришли.

30 сентября. Сегодня поругался с Николаем Г. Я ему говорю не стряпать из муки, а варить рисовую кашу, а он делает по-своему. Он только первый год в Арктике. Я сказал ему, что остальные, так же как и мы, с июля не ели хлеба. Муку надо сохранить до их прихода. Самое главное — растянуть запасы.

Вечером, после чая без хлеба, я вышел на улицу. Вдруг слышу в темноте свист, только очень слабый. Долго стоял. Сердце билось громко. Еще раз услышал свист и уверился, что это наши. Они пришли поздно. Убили только трех оленей. Но это нужно для песцовых пастей, а для семи человек почти не остается...

Ребята сначала расстроились, узнав про разрушенный погреб, но когда я сказал, что три банки пороха не подмо-

Холодная северная земля многие тысячелетия хранит останки древних животных. На этой фотографии—зуб мамонта, найденный в забое одного из горных предприятий.

чены, немного успокоились. Надо быть стойкими, надо трудиться, тогда не помрем.

Учил всех ребят. Всего было семь занятий, каждое занятие по два часа.

2 октября. Решили, что четверо людей с Василием Г. поедут на охоту на десять дней за дикими оленями. Трое — я, Иван и Николай — останутся. Потом, когда охотники вернутся, я и Василий пойдем через море на остров Котельный, на факторию, за продовольствием. Перед этим мне надо составить отчет о нашей работе.

Раскапывали погреб, кололи лед с остатками продуктов.

7 октября. Провел общее собрание бригады. Рассматривали вопрос о Николае Г. Решили, чтобы он не ел пищу, когда ему вздумается. Надо есть вместе со всеми и столько, сколько едят остальные.

Четверо с Василием Г. ушли на десять дней на охоту. Василий крепкий и сильный. Он очень резкий. Когда мы шли

сюда по морю и провалились под лед, а потом сушились на солнце, я положил свой матрац на его оленью шкуру. Он сбросил матрац в воду. Но на другой день он высушил мои портянки, пока я спал. Иногда он не может себя сдержать, а потом раскаивается. Но он сильный и хороший человек. Теперь мы не ссоримся. У меня вся надежда на него.

11 октября. Пришли после охоты на куропаток в избушку на Кырджахас-Дже. Утром проснулись, занесенные в комнате снегом. Ночью была пурга.

14 октября. Завтракали одним чаем. Утром Николай Г. ушел к реке вынуть из воды полозья нарт [1]. Одежда Николая вся обледенела.

15 октября. Я быстро теряю силы, качаюсь, часто кружится голова. Обедали трое одной куропаткой. Ужинали чаем. К развалившемуся погребу каждую ночь приходит песец. В пурге не находим куропаток.

Вечером учил ребят.

16 октября. Утром проснулись поздно. Пурга утихла. Завтракали одним чаем. Иван Т. ходил за куропатками, не нашел. Я обивал дверь оленьей шкурой.

Не обедали — нечего есть.

Все страшно обессилели, качаются. Особенно ослабели колени, не могут удержать в равновесии исхудавшее тело. Живот мой почти соединился со спиной.

Сегодня ребята ели сухую шкуру оленя (поджарили на костре). Я тоже попробовал — отвратительная, твердая. Пробовали прошлогоднюю шкуру, мороженую, также отвратительно.

За дровами не ходили, боимся пурги. Ветер сильнее нас.

Песец опять пришел ночью к разрушенному складу. Николай Г. стрелял, убить не смог, ночь темная.

17 октября. Если не помрем, всю жизнь будем помнить об этой мучительной голодовке.

Когда я буду рассказывать кому-нибудь об этой жизни, мне могут не поверить. Кругом все живут счастливо, богато, а мы... Нет, мы тоже счастливы и горды тем, что работаем в Арктике, боремся с голодом и холодом ради нашей родины.

18 октября. Первым ослабел я. Через два дня стал качаться Николай Г. Еще через день закачался Иван Т.

Иван Т. пошел за дровами. Он тихий, все следит за

---

[1] Полозья кладутся в воду на некоторое время, затем вытаскиваются и замораживаются. От этого они лучше скользят. *(Прим. автора.)*

В центре северной тайги живут юкагиры. Их осталось не более тысячи человек. До революции этот народ вымирал. Сейчас в горах Аргатасс на водоразделе Колымы и Индигирки юкагиры работают в колхозе „Светлая жизнь". Дети таежных колхозников живут в интернате в поселке Зырянка. На фотографии снята группа юных юкагиров—отличников зырянской школы. Кроме своего родного языка они владеют русским и изучают немецкий.

мной: если я весел, то и он весел. Теперь он делает разную работу, иногда даже за меня.

Иван вернулся без дров. Говорит нам: «Колени не удерживают, постепенно опускаюсь все ниже и ниже»...

Съели кишки оленя, приготовленные для пастей.

19 октября. После завтрака (один чай) пошли за дровами все трое, держась за руки. Так легче итти. Поддерживали друг друга. Вернулись вечером. Болит голова, в ушах беспрерывный шум...»

В этом месте дневника несколько раз повторяется мысль о том, что когда вернется остальная часть бригады, люди пойдут на факторию острова Котельный за продовольствием, которого там много, очень много.

«*23 октября.* В дневнике, видимо, повторяю одно и то же. Голова кружится, суставы ног не удерживают тела. Шум в ушах. Сильный кашель.

Нет, мы не должны умереть. Найдем выход, выдержим.

Только боюсь — без дров замерзнем. За дровами надо обязательно ходить.

Обедали остатками прошлогодней шкурки моржа, оставленной для собачьей упряжки.

Рассказал ребятам о результатах индивидуального учета добычи в каждом месяце. Сильный ветер, печка страшно дымит. Болят глаза. Холодно. Завтра, наверное, не встанем.

25 октября. Василий Г. должен был вернуться с охоты через десять дней. Идет уже восемнадцатый день. Что-то случилось.

Моржовую шкурку едим один раз в сутки.

Ждем ребят завтра. Если не придут, возьмем остатки шкурки и пойдем им навстречу. Все равно, здесь или там помирать.

26 октября. Проснулись поздно. Рано вставать незачем. Иван сегодня лежит, ослаб. Холодно. Итти навстречу нашим нет сил.

Ребята обязательно должны притти до 1 ноября. (Эта мысль повторяется в дневнике несколько раз.)

Вечером я решил написать последнее письмо родным. Надо писать, пока я еще имею силы. После моей смерти письмо доставят им. Ой, тяжело! Но я не хочу умирать... Мы не умрем. Пока я еще не буду писать последнее письмо...

Скоро праздник Великой Октябрьской революции...

29 октября. Чай завтра кончится. Доха Василия тоже (мы начали ее есть, когда съели моржовые шкурки). Все съедобные вещи кончаются. Неужели наших загрыз медведь? Нет!

Беда. Тяжело. Нигде нет спасения. Если ветер не стихнет до третьего ноября и наши не придут, мы пропали. Нет, мы не должны умереть. Я совсем не боюсь, мы должны победить, а не умереть. Пока я еще не буду писать последнее письмо.

2 ноября. Сегодня я решил совсем не писать последнего письма. Если я напишу, я буду думать, что все кончено.

Под вечер я посоветовался с Иваном Т., мы решили съесть его постель — оленью шкуру, на которой он спал. Он совсем ослаб, но не жалуется и не боится, как бывало раньше.

Мы принялись за работу. Я и Иван вырывали шерсть из шкуры, Николай Г. приготовил котелок для варки. Вдруг отворяется дверь... Мы сначала не поверили себе. Это наши! Какая радость! Они все живы и здоровы! Привезли гусей, убили девять диких оленей.

Как хорошо и радостно встречаться с людьми, особенно при наших обстоятельствах.

7 ноября. Сегодня праздник Великой Октябрьской революции. Провели общее собрание бригады. Я сообщил итоги выполнения плана.

Ели лепешку с солью. Как вкусно, хотя испечено прямо на железной стенке печки».

Несколько следующих страниц дневника рассказывают о походе к фактории на острове Котельном. Новый год промышленники встретили в фактории. Вот одна из записей этого времени:

«3 января 1938 года. Вчера по радио из Москвы слышали, что на льду около судна «Садко» полярники поймали капканом песца, простреленного дробью. Судно находится в двухстах пятидесяти километрах к северу от острова Котельного. В октябре поздно ночью около нашей избушки на острове Фаддеевском, у реки Кырджахас-Дже, Николай Г. стрелял в песца из дробовика. Песец, истекая кровью, ушел к морю».

Почти через год сделана последняя запись дневника:

«13 января 1939 года. Сегодня вечером мне передали письмо из Якутска. Каково было мое огорчение! Зачем вы, Е., смеетесь надо мной? Зачем вы говорите, что я стремлюсь прельстить своим богатством? Вы не хотите меня понять. Все, что принадлежит мне, будет принадлежать и моему будущему другу, радости моей жизни и товарищу в комсомоле. Разве я не вправе так сказать?

Богатство! Что такое богатство в нашей стране? Наше богатство — это наши знания, наши способности, наша воля к борьбе!»

А теперь я спрошу вас, читатели этой книги: разве все, кого встречал я в далекой, дикой тайге Индигирки, — разве все они не простые, обыкновенные советские люди? И разве могут такие люди отступать перед трудностями?

Нет! Они побеждают и всегда будут побеждать.

Дороги к реке

Путь на Индигирку

Спустя два с лишним года я находился далеко от Дружины, в одном из горных поселков в верховьях реки Колымы. В начале войны многие из нас ушли с Индигирки, в более освоенные районы Колымы, где можно было больше сделать для фронта.

Шел апрель 1944 года, долгожданная пора наступления наших армий. В горах Колымы тайгу уже рассекали прекрасные дороги. Шумные поселки стояли на этих дорогах. В тех местах, куда двенадцать лет назад с невероятными усилиями пробивались геологи экспедиций Билибина, теперь появились крупные ремонтные мастерские и горные предприятия, машиностроительные заводы и огромные автобазы. Все наше внимание было посвящено работе этих предприятий.

Поселок, где я находился, был одним из самых отдаленных. Дорога, проложенная в горах от центра строительства — города Магадан, обрывалась неподалеку от нашего поселка. Дальше на несколько сот километров, вплоть до самой Индигирки, лежали болота, тайга, скалы. Об Индигирке я уже вспоминал редко и без прежней тоски.

... Холодным, но ярким апрельским утром мне позвонил начальник отдела снабжения горного управления Филимонов.

Как всегда, он кричал в телефонную трубку хрипловатым голосом и не сообщал никаких подробностей. Ему вечно было некогда.

— Ты слушаешь? Ну так вот, вечером колонна машин уходит на Индигирку. Дорог нет. Когда вернемся — неизвестно. Место в кабине для тебя оставлено.

Это было так неожиданно, подняло так много мыслей, связанных с Индигиркой, что я молчал.

— Алло! — крикнул Филимонов. — Ты слышал или нет, что я тебе сказал?

— Слышал.

— Так чего же молчишь? Одним словом, сейчас мне некогда, но мы поедем мимо твоего поселка. Надумаешь с нами — выходи на дорогу к шести вечера. Но предупреждаю: когда вернемся — неизвестно. Будь здоров!

Итак, значит, началось! Начальник строителей Дальнего Севера Герой Социалистического Труда Иван Федорович Никишов взялся за Индигирку. Я прекрасно понимал, что это значит. Когда у нас в тайге начинали что-нибудь строить, на стройплощадки бросались сотни всевозможных машин и механизмов — тракторы, автомобили, бульдозеры, экскаваторы, «амфибии», самолеты.

Наша северная стройка началась лет пятнадцать назад.

Экспедиции геологов нашли в холодной колымской земле ценные металлы, каменный уголь, впоследствии были открыты залежи железной руды, извести, огнеупорных глин. Товарищ Сталин лично интересовался и неотрывно следил за небывало большим строительством, помогал строителям Дальнего Севера преодолевать различные трудности и постоянно направлял строительство по верному пути своими указаниями. Так в горах Колымы через тайгу легли прекрасные дороги, выросли шумные поселки. Крупные мастерские и заводы, горные предприятия и огромные автобазы возникали в тайге невиданно быстро. Теперь пришла очередь Индигирки, той самой дикой и необжитой Индигирки, где мы мечтали о большой стройке и откуда уходили в начале войны с горечью и сожалением.

Нам предстоял далекий путь по льду рек и ключей, в местах, где не было еще ни одной автомашины и уж, конечно, ни одного корреспондента. Какой журналист устоит перед подобной перспективой?!

Я заказал срочный телефонный разговор с редакцией

в Магадане и принялся укладывать необходимые вещи в рюкзак.

Вернувшись из поселковой больницы, жена застала мои сборы.

— Ты опять куда-то уезжаешь?

Я почувствовал укор в ее голосе. Когда-то в Москве мы решили, что будем всегда вместе, куда бы ни забрасывала нас судьба. А на Севере получалось так, что или мне надо было уезжать в журналистские странствия или ей — в тайгу к пациентам. Впрочем, она уже давно никуда не ездила и работала в большой поселковой больнице.

— На этот раз я даже не знаю, надолго ли, — сказал я.

— А помнишь, как мы собирались никогда не разлучаться?

У меня сжалось сердце, и потому я ответил суше, чем хотелось:

— Я не могу не поехать.

Жена не унималась:

— Почему? Разве здесь мало интересного материала для газеты?

Она говорила очень мягко. Я видел, что она старается понять.

— Может быть, я не сумею тебе сейчас объяснить. Если бы ты сама была журналистом... Видишь ли, идут первые машины, без дорог, на Индигирку. При нас там почти ничего не было, а теперь начнется большая стройка...

— На Индигирку? — быстро перебила меня жена. — Почему же ты раньше не сказал?

— Только сейчас мне позвонил Филимонов.

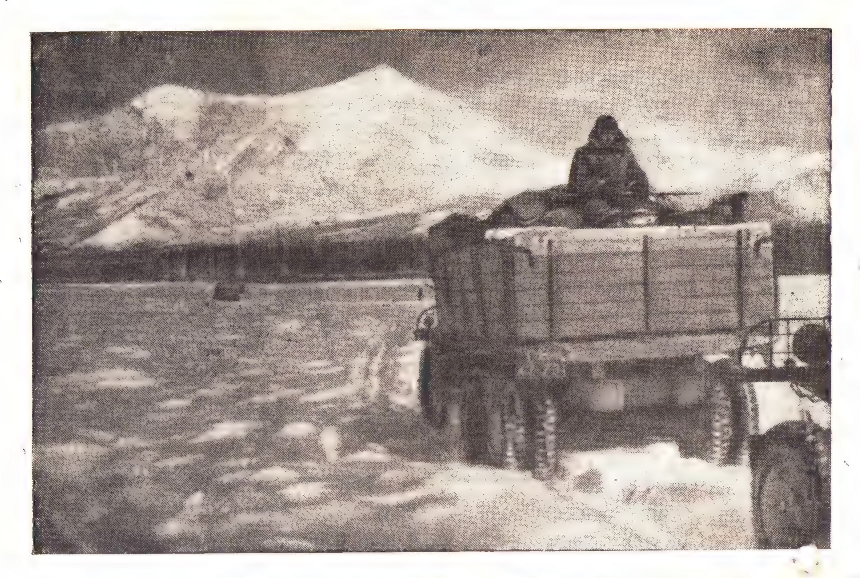
Мы помолчали. Жена, виновато улыбаясь, взглянула на меня.

— Как бы я тоже хотела поехать! Но мне нельзя, я сейчас ремонтирую больницу, хотя мне и не дали рабочих. Мы ремонтируем своими силами, понимаешь? А тебе... Ну, конечно, тебе обязательно надо ехать на нашу Индигирку. Обязательно!

В ожидании машин мы вслух мечтали о том, как развернется строительство на Индигирке.

Когда с дороги раздались нетерпеливые гудки автомобильных сирен, жена сказала:

— Скорее, это за тобой.

Наши машины пробиваются к Индигирке без дорог по льду рек.

Машины растянулись на дороге цепочкой. Я с трудом втиснулся в кабину головной машины. Здесь сидели водитель и Филимонов. Я оказался третьим. Это и было то «место в кабине», о котором говорил по телефону Филимонов.

— Только, чур, ночью не спать, — строго сказал Филимонов. — На тебя глядя, и я начну клевать, а потом и водитель. Костей наших не соберут...

Он сидел, тесно прижавшись ко мне. Это был уже немолодой человек с жестковатым лицом. В разговоре лицо это могло мгновенно теплеть от быстрой усмешки при упоминании о чем-нибудь интересном и тотчас снова становилось жестковатым, если того требовали обстоятельства. Но никогда я не видел на лице Филимонова скучающего выражения. Он мог сердиться, говорить громким, резким голосом, даже кричать, мог тут же лукаво усмехнуться, но скучать этот человек не научился. Ему приходилось строить новые предприятия, забрасывая к ним грузы самолетами или тракторами по бездорожью. Он привык к постоянным разъездам, к морозам, к недосыпанию. Однажды на фанерном двухместном самолете, пилотируемом летчиком Шипуком, Филимонов попал в ураган. Пять часов самолет швыряло в воздухе, относило от аэродромов. И после этой бешеной болтанки у него осталось еще

и энергии и сообразительности при посадке в тайге руками и ногами упереться в кабине так, чтобы амортизировать удар о землю в случае неудачного приземления. Самолет налетел одной лыжей на пень, но и летчик, человек исключительной выносливости, и Филимонов остались невредимы.

Пока мы мчались по широкой ровной дороге, я узнал от Филимонова о последних событиях.

Несколько суток назад из Магадана стали поступать грузы с фактурами, на которых было написано: «Индигирка». Дорога на Индигирку уже строилась, но в эксплоатацию ее готовились сдать не раньше июля. Филимонову поручили опередить дорожников и пробиться на Индигирку, к месту будущих горных предприятий, с первыми грузами. Если это удастся, вслед за первой колонной пойдут многие десятки машин.

Накануне ему позвонили по телефону и предупредили, что водитель тяжеловоза с тракторами (последний груз для похода на Индигирку) остановился около мостика за перевалом и не желает итти дальше, боится за прочность моста.

Филимонов сейчас же сел в «эмку» и понесся к злополучному мостику. Он все еще был словно в тумане от наименования товаров, количества тонн, ящиков, мешков, шедших на новые стройки. Сотня километров сумасшедших виражей — и вот он уже выскакивает из кабины, все еще со следами раздражения на посгаревшем за эти дни лице.

Тяжеловоз, тупорылое чудовище с тремя тракторами на спине, дремал у обочины шоссе. Филимонов не смотрел на тракторы. Ему казалось, что он знал о них все, сохраняя в памяти одну из множества цифр — 21 тонна. Выдержит ли мостик такую тяжесть? Он осмотрел устои и балки перекрытия... Как будто должны выстоять.

Водитель, парень в тугом полушубке, упорствовал. Ответственность и опасность были слишком велики. Но тракторы были необходимы Филимонову, как воздух. В глухой тайге за два месяца предстояло построить два горных предприятия — «Победу» и «Панфиловский». Этого требовала война. А Филимонов отвечал за снабжение строительства.

— Даю подписку, — сказал он, — мост выдержит.

Водитель хрипло ответил:

— Если уверены, станьте под мост, будете мне сигналить.

Капля оторвалась от узловатой сосульки на крыле тяжеловоза и, упав на баллон, ослепила Филимонова. Одна маленькая капля обладала такой большой яркостью! И вдруг Фили-

На льду Индигирки. Олени ходили здесь столетиями; машины появились впервые.

монов почувствовал — весна. Ощущение вечной юности жизни дошло до него через море фактур, цифр, поставок, забивавших ему голову.

Лучшие годы его жизни прошли в горах Памира, в скитаниях с отрядами гражданской мобилизации, в сражениях с басмачами. Он научился понимать жизнь.

Водитель смотрел с недоверием на усталого человека с помятым от бессонницы лицом. Филимонов усмехнулся, собрав теплые лучи морщинок у глаз, и полез по острым камням под мост. Он понял: не только балки перекрытия, но и человеческая воля должна вынести страшное напряжение. Тогда тракторы будут доставлены в срок.

Он вернулся ночью. Три моста — три подписки. Трижды он слышал хруст балок... И все-таки тракторы, теперь уже каждый на отдельной машине, неслись вперед к Индигирке в нашей колонне из девяти машин.

В последние три дня он успел подсчитать потребность будущих предприятий, договориться с поставщиками в Магадане и загрузить первую колонну автомашин. Что ни говорите, а в этом была своя романтика.

...За перевалом машина сошла с дороги в узкое русло ручья, занесенное снегом. Стемнело. Водитель то и дело

привставал, бешено крутя баранку руля. Машина шла по изгибам ручья. Мы с Филимоновым прижимались к свободной стенке кабины. В свете фар мелькали кустики тальника по берегам. Это было какое-то фантастическое путешествие. Точно мы сидели в жюльверновском слоне-вездеходе, шагающем по горам и лесам.

Всю ночь мы говорили, чтобы не дремать. Если Филимонов умолкал, начинал я. Потом снова Филимонов. О чем только ни говорили мы тогда в кабине, несущейся в ночи машины! О том, с чем сравнить запах давно не виденных мандаринов и яблок, о том, как приятно сидеть на стадионе «Динамо» или покачиваться на диване в купе вагона, и еще о многом другом, что приходило нам в голову. И все-таки нашу машину однажды под утро швырнуло влево, потом вправо на болотную кочку, потом снова влево. Машина резко встала перед чем-то большим и ослепляюще ярким. Это оказался ствол лиственницы, освещенный фарой всего в полуметре от машины. Водитель откинулся на спинку сиденья и, закрыв глаза, помолчал.

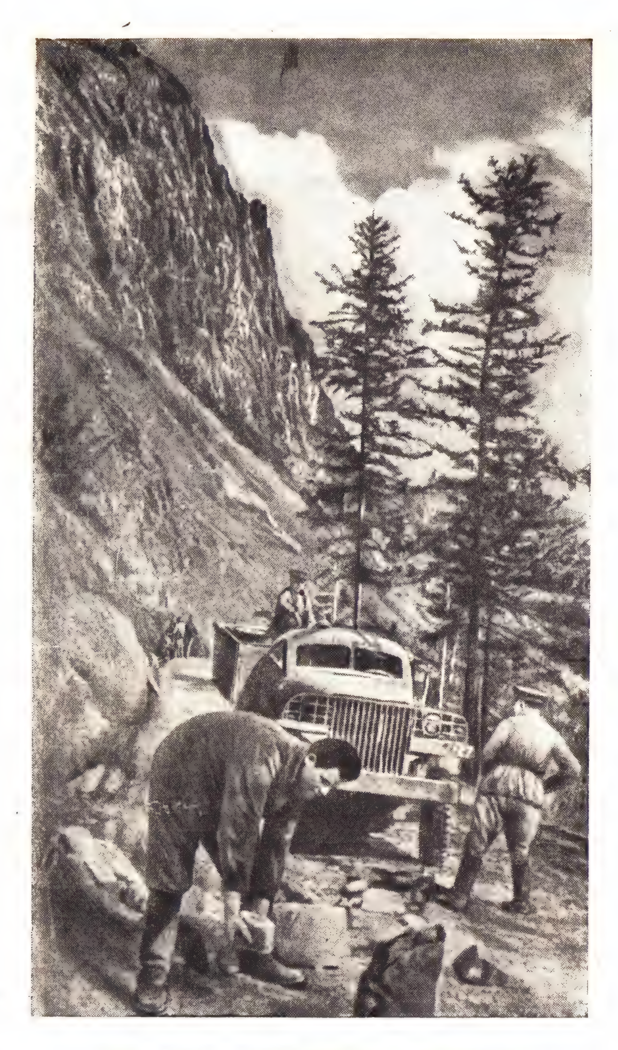
— Спать хочется, — сказал он. — Говорите не переставая, а то на ходу засну и разобью машину. Или давайте спать в кабине.

Мы вылезли из кабины. Сзади нас среди деревьев тайги тянулись белые иглы лучей остановившихся машин. Мы принялись тереть лицо снегом. То же делали люди около других машин. В молчаливой темной тайге, пронзенной белыми лучами фар, далеко разносились наши голоса.

— Поехали, поехали! — Филимонов усмехается, все его лицо в лучистых морщинках. — Заговорим тебя, будь надежен.

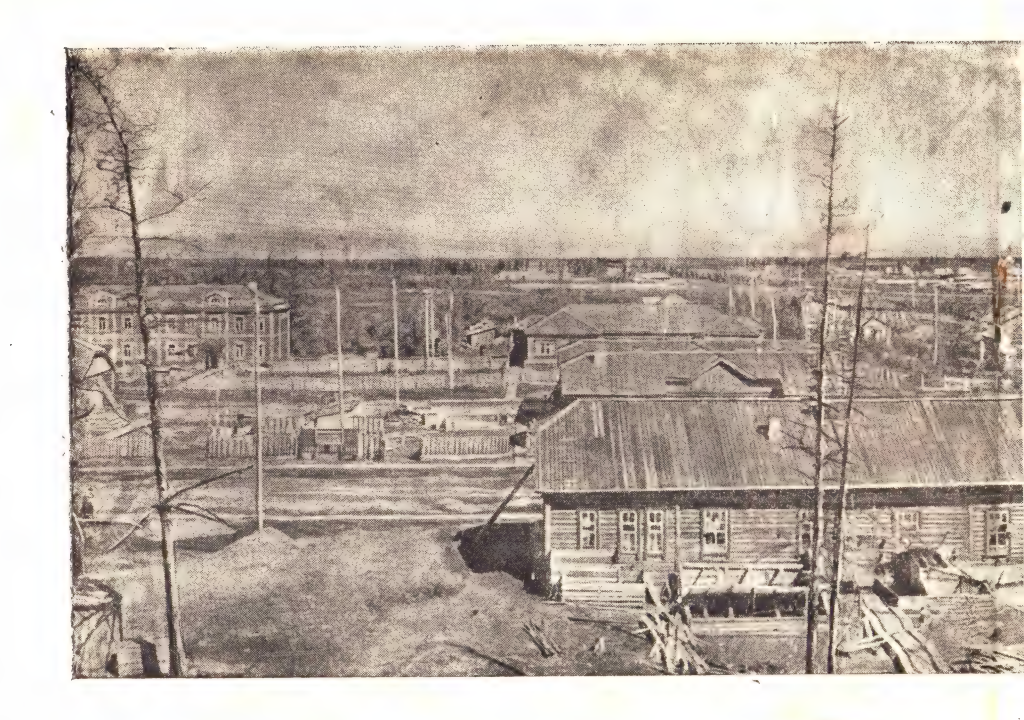
Утром мы неслись по молочному льду горной реки Усть-Неры. Спидометр показывал тридцать миль в час, потом сорок, потом пятьдесят. Скорость для машины огромная. Лед был так гладок и чист, что мы не чувствовали толчков. Казалось, что мы летим у самой земли на самолете.

Густая голубизна неба... Снег, застывший, как покрытый глазурью фарфор. Таким предстало нам мелкогорье водораздела между могучей Колымой и красавицей Индигиркой. В середине апреля весна еще не смела здесь дышать. Колонна приближалась к мировому «полюсу холода» — к Оймеконской впадине в верховьях Индигирки, гигантской фабрике самых низких в мире температур. Перед нами открылись двери в страну нетронутых богатств и непокоренных вершин.

По неоконченной дороге у нерских „прижимов".

Район «полюса холода», одно из самых недоступных мест России, до недавнего времени представлял собою географическую загадку. Лет двадцать пять назад индигирская и колымская тайга была меньше известна ученым, чем даже половина Луны, обращенная к Земле. Уже давно астрономы

Зырянка

составили карту Луны. Сорок тысяч объектов было нанесено на эту карту, ученые вычислили даже высоты лунных гор. А в районах Индигирки и Колымы стояли никем не изученные и не нанесенные на карту громадные хребты.

За сто сорок лет со времени первой экспедиции Биллингса и Сарычева, прошедшей через бассейн Индигирки, до первой советской экспедиции С. В. Обручева в 1926 году здесь побывало всего четыре крупных исследователя. Но только экспедиция геолога Черского в конце XIX века и экспедиция советского исследователя Обручева начали приоткрывать завесу над «полюсом холода».

Оказалось, что высокие горные хребты ограждают Оймеконскую впадину в верховьях Индигирки и город Верхоянск от проникновения теплых и влажных масс воздуха с юга и запада. Над «полюсом холо́да» зимой располагается область повышенного давления устойчивого антициклона. Воздух растекается отсюда к северному и тихоокеанскому

в 1945 году.

побережьям. Особенности движения воздуха в области этого антициклона приводят к тому, что восточная часть материка обвевается холодными северными ветрами, а северная — юго-западными. Вот почему на северном побережье материка в Арктике теплее, чем в его центре, где впадины между хребтами превращены природой как бы в холодные погреба. Минимальные температуры здесь падают до 70° ниже нуля, а средняя температура января равна —50°.

Исследования Верхоянска и верховий Индигирки позволили установить наибольшие колебания температур воздуха на земном шаре от самых холодных, отмеченных на «полюсе холода», до самых теплых, зарегистрированных в Сахаре (+58°). Интервал этих колебаний составляет 128°.

На Земле есть еще три области с наинизшими зимними температурами. Они расположены в Северной Америке, Антарктике и Гренландии. Но самое холодное место Земли, мировой полюс холода лежит все же на Индигирке. И оконча-

тельно заполнили «белое пятно» на карте в этих местах советские строители Дальнего Севера. В самые последние годы они дали топографические карты районов «полюса холода» с помощью аэрофотосъемки.

Мы еще шли по зимнику, построенному Зудиным, начальником прославленного здесь дорожного участка. В шестидесятиградусные морозы дорожники буквально протаранили путь к горным предприятиям «Победа» и «Панфиловский».

Миновали Артык. Недавно здесь было пустынное болото. Сейчас выросла новая база, снабжающая отдаленное строительство. Справа от нас, в красноватых скалах, строили дорогу на Индигирку. Солнце скользило по обледеневшим макушкам этих скал, четко вырисовывая на голубом небе зубчатую слепящую линию. К темным, окутанным тенью каменным башням были приставлены лестницы. Рабочие с мешками взрывчатки поднимались к зияющим отверстиям штолен. Так, должно быть, выглядел штурм средневекового замка четыре столетия назад.

Дорога строилась не только в этом месте. Ее строили широким фронтом, сразу на всем протяжении. Вся река дальше была загромождена острыми глыбами желтоватого и красноватого камня. Здесь уже взорвали скалы, открывая путь человеку. У скал работали экскаваторы, еще дальше только еще пробивали штольни.

Кончились скалы, и мы встретили дорожников в тайге. К тракторам они прицепили тяжелые треугольники, срубленные из бревен. Треугольники расчищали снег, сшибали молодые деревья и болотные кочки. За треугольниками двигались тракторы с огромными санями, на которых возвышались настоящие дома с окнами и крышами. Трубы домов дымились. Это были передвижные жилища дорожников. Расчистив снег и подготовив полотно, для того чтоб, когда потеплеет погода, засыпать его землей, дорожники уходили все дальше и дальше в тайгу к Индигирке.

На болотистых местах к траншеям, расчищенным от снега до прошлогодней бурой травы, из тайги подвозили красноватые лиственничные бревна. Горы бревен уже громоздились в снегу. Весной предстояло уложить их одно к одному на болоте, а поверх этого настила насыпать землю и щебень —

Тракторы с первыми грузами для индигирских строек вблизи „полюса холода“.

основание дороги. Пока что в горах мы видели как бы лишь чертеж этой будущей трассы.

Отрядами дорожников руководил инженер Ленков. Этот человек, прокладывавший в тайге дороги, сам исходил тайгу пешком и изъездил в седле. Ему первому приходилось проникать в таежные дебри, определяя место будущей трассы. Затем там появлялись строители с машинами. В скалах дорогу прокладывали именно по предложению Ленкова.

Вначале проектировщики, ссылаясь на неизученность режима горной реки и возможность катастрофических паводков, на горные обвалы и оползни, требовали далекого обхода скалистого участка. Но это удлиняло трассу на несколько десятков километров, увеличивало сроки строительства и удорожало в будущем эксплоатацию дороги. А Никишову надо было закончить дорогу в рекордные сроки.

Ленков, изучив имевшийся проект, верхом добрался до спорного участка. Лазая по скалам, придирчиво изучая стволы деревьев, он искал следы максимального уровня паводковых вод.

Скалы громоздились в небе над самой головой. Над одной башней вырастала другая, затем третья, все уменьшаясь

в величине и теряя подробности для глаза, по мере того как взгляд устремлялся в высоту. Глыбы весом в тысячи тонн нависали над лиственницами и кустами тальника на узкой прибрежной полоске. Кое-где река вплотную приближалась к скалам. Она была бурная, с зеленоватой, как дешевое стекло, водой.

Позднее, когда мне пришлось ехать по вырубленной в камне уже готовой дороге, я понял, какие сложные чувства должен был испытывать инженер, решая вопрос о будущей трассе. От него требовалось сказать прямо и определенно: «нет» или «да». «Нет» — означало срыв задания чрезвычайной важности, да еще во время войны. Но сказать «да» — это далеко не все, ибо он был не экспертом, а руководителем строительства. И все-таки он сказал «да». Он зачеркнул старый проект. Он начал проектировать заново труднейший участок дороги. И, наконец, он начал строить. Его «да» проверялось на практике.

Мы неслись в машине мимо рабочих, штурмовавших нерские «прижимы» (так называлось это чортово нагромождение скал), и своими глазами видели, как осуществляется задуманное Ленковым сокращение трассы. Ровная черта словно надрезала каменную стену. Она еще прерывалась там, где могучие башни выступали вперед. Но вблизи берега ее можно было уже отыскать глазом на бугристом желтовато-красном камне, к которому местами цеплялись лапчатые лиственницы.

Три месяца спустя, в июле, мне пришлось вновь ехать на Индигирку. Машина мчалась по ровной дороге, взбегала на новые, светлые, пахнущие смолой мосты, кружила мимо скал. Я глядел из кабины вниз на зеленоватую воду реки, сквозь которую видно было каменистое дно, и вверх — на красноватые уступы побежденных «прижимов».

Холодный, ослепительно пылающий день разгорался над пустынной рекой. Опередив дорожников, мы пробивали теперь путь по девственному снегу, покрывавшему лед реки. На горизонте вырос белый конус горы. Там, у подножия горы, верховья Индигирки. Напротив стоит поселочек геологов Усть-Нера. Еще несколько часов — и машины доставят нас в этот поселок, куда до сих пор можно было попадать только самолетом. Даже наши пароходы из Дружины не могли пробиться сюда, через те самые пороги, которые мечтал преодолеть гидротехник Телякевич.

Бульдозер пробивает путь в тайге.

Я в волнении глядел вперед, на конус горы, за вершину которого зацепилось длинное облачко. Вот я и приближаюсь к Индигирке. И не собачья упряжка несет меня, а рокочущая машина. Удивительно интересно складывается жизнь на Севере!

Вдруг мы заметили, что нехватает одной из наших машин. У нас нет времени, мы не можем ждать или возвращаться назад. Решаем: пробиваться к поселку, а оттуда, если отставшей машины долго не будет, послать по свежему следу помощь.

— Боря не пропадет, — усмехается наш водитель. — Вы же знаете Борю?

— Знаю, — говорит Филимонов. — Ну, быстренько, поехали.

А в это время с Борисом, водителем-виртуозом, происходило вот что.

Бывший моторист торпедного катера, небольшой, перемазанный маслом крепыш, был очень недоволен прозаическим настроением начальника колонны Филимонова, не сказавшего напутственной речи. Борис жаждал встреч с опасностями. А его оставили позади всех, помогать отстающим. Сейчас,

Вслед за бульдозерами идут тракторы строителей дороги.

ведя машину по молочному асфальту льда, он громко рассуждал сам с собою:

— Выстроил бы я на его месте во фронт всех наших водителей и сказал: «Слушай, молодцы! Нам нипочем страх и буря. Мы пробьемся...»

Река прорывалась через скалистые ущелья, и вода, замерзая, нагромоздила на порогах торосы.

Борис вдавился в сиденье и затормозил. Торосы и провалы во льду от передних машин пересекали путь. Вместо красивых подвигов Борису досталось самое скучное — преодолевать разбитую другими дорогу. Он уже почти прошел тяжелое место, когда толчком выбило шланг радиатора, и вода, охлаждающая мотор, мгновенно вылилась на лед. Судьба точно смеялась над моряком, он остался на мели. Разве так он представлял себе борьбу с трудностями в этом рейсе! Но когда Борис выскочил из кабины, прислушался к холодной тишине белой пустыни и убедился, что поблизости нет и признаков воды, он повеселел. Дело принимало опасный оборот.

Все эти злоключения водителя мы узнали позднее. Тогда же, подходя к Усть-Нере, далекой столице разведчиков недр на берегу Индигирки, и не видя его машины, мы начали изрядно беспокоиться.

В авангарде колонны ползет бульдозер с грозно поднятым ножом.

Поселок геологов, заложенный в 1939 году, был отрезан от мира. Деревянный городок с домами, одетыми крышами, не в пример многим таежным поселкам. Две улицы. Дороги с кюветами, сделанные самими жителями поселка. Все это — на одном берегу сжатой вершинами Индигирки. На другом — громадина Юрбы, высотою более двух тысяч метров. Ребра сопок усеяны гранитными останцами, похожими издали на вереницы пингвинов. На скалах можно встретить горных баранов. Так выглядит Усть-Нера.

Мы сидим в кабинете начальника геологического управления, одного из пионеров освоения Колымы — геолога Раковского. Спокойное, худое лицо хозяина. Теплота, гостеприимство, уют. Когда-то Сергей Дмитриевич Раковский пришел на Колыму вместе с геологом Цареградским. Неизменно он уходил все дальше и дальше в тайгу, а строители нагоняли его на новых местах.

На стене — карта с паутиной рек и ручьев, пересеченных кое-где красными черточками. Эти черточки — многомесячный труд поисковых партий. К одной из них — наш дальнейший путь. Строители здесь быстро догоняют геологов.

Сергей Дмитриевич с интересом расспрашивает нас о по-

дробностях путешествия. Мы выкладываем все впечатления и происшествия, включая и загадочное исчезновение последней машины. Но в тот момент, когда наше беспокойство об отставшем товарище достигло предела, в поселок с шиком въехала потерявшаяся машина. Она с хода развернулась и остановилась совсем не так, как остальные.

— Отогреваю солнцем ветровое стекло, — небрежно пояснил Борис.

Оставшись без воды, он поджег горючее в ледяной выбоине. Чтобы черпать натаянную воду, пришлось открыть банку консервов. А вместо ведра он использовал резиновый сапог. В радиатор вошло четыре сапога воды. И вот он — снова вместе с нами, этот беспокойный любитель романтики и опасностей. Он показывает мне написанные в походе стихи. Они начинаются так:

...Идя по наледям и снежным следом,
Мы знаем все, что будет трудно нам,
Но помним: для атаки по врагам
Итти трудней, чем воевать со снегом...

Эти стихи он писал, сидя на подножке своей машины среди снежной пустыни и дожидаясь, когда прогорит бензин в ледяной яме.

..Завтра отправляемся дальше, вниз по Индигирке. На этот раз — уже совсем без дорог.

Почему именно Михеенков, начальник буровзрывных работ геологического управления, попал в нашу компанию, я не знал.

Позднее я услышал историю этого молодого человека. Будучи еще совсем зеленым и горячим юнцом, он несколько лет назад самовольно сел на планер и разбил машину, едва оставшись в живых. Ему запретили летать в течение года. Он уехал на Колыму, собираясь через год вернуться в авиацию. Но с тех пор, еле успев покончить с одним каким-нибудь беспокойным делом, он тотчас попадал в новую, не менее беспокойную историю. Михеенков участвовал в строительстве таежных аэродромов, работал в геологических партиях, перевозил грузы без дорог, как раз те самые грузы, которые мы доставляли на баржах к порогам. Ни одна трудная затея не обходилась без него. Только во время войны он снова вспомнил об авиации. Но строителям Дальнего Севера путь на фронт был закрыт. И Михеенкова тоже не отпустили.

Он женился, обзавелся сыном, и его потянуло к «оседлой» жизни в поселке на берегу Индигирки. Однако стоило нашей автоколонне появиться в Усть-Нере, как Михеенков вызвался примкнуть к нам в качестве проводника, словно и вправду ни одно рискованное дело не могло его миновать.

В пути на ровном льду Индигирки, когда мы вылезли из кабин, чтобы хлебнуть чистого воздуха и оглядеть скалистые вершины, Михеенков сказал:

— Ну, на этот раз все как будто сойдет совершенно гладко.

Крепко схваченный легким костюмом на меху, в котором можно находиться и в комнате и в тайге, Михеенков задумчиво смотрел на слепящий снег, похожий на толстый слой нафталина. Беспокойное выражение появилось в его живых глазах. Может быть, он уже жалел, что лед реки гладок, что все идет спокойно и нет никаких событий.

Резкий ветер дул в лицо. Наст звенел при каждом шаге. Казалось, если он провалится — раздастся звук лопающегося стекла. И это здесь называется — апрель.

Рядом с нами остановилась оленья упряжка с якутской почтой. Олени ходили по Индигирке столетия. Мощные машины появились только сегодня. Их привела сюда война. Разбуженная войной Индигирка готовила теперь могучий удар по врагу.

Наше стремительное движение напоминало гонки. Машины почти все время шли на большой скорости. Около юрты столетнего якута-охотника Сафрона Кривошапкина мы оставили часть грузов для новой стройки на одном из ключей (трактор должен был перебросить их отсюда в тайгу) и, не отдыхая, двинулись дальше.

Да, все шло удивительно гладко. Даже там, где Михеенков ждал торосов, весенние наледи, затопив все неровности, образовали идеальный каток. Наледи, этот бич дорожников и строителей Севера, эти разрушители мостов, дорог и домов, помогали нам добраться в недоступные уголки Индигирки. Наледь — один из парадоксов Севера.

Осенью на северных реках уровень воды резко падает, приток ее уменьшается. В горных ручьях вода зимой промерзает до самого дна. В Индигирке и Колыме лед, вырастающий в толщину более двух метров, к концу зимы сжимает водяную струю. Но даже и на Севере река зимой не умирает. Вода уходит ото льда под русло, пробивает себе путь в гальке.

А морозы неотступно преследуют воду и к концу зимы проникают глубоко в землю, перемораживают подземные стоки. И вот тогда-то в поисках свободного пути, в жестокую стужу, вода неожиданно вырывается на поверхность льда. Это и есть наледь. Вода наледи затопляет торосы, дороги, дома, забои горных предприятий. Поверх первой замерзшей наледи часто выступает вторая, третья. Наледи растут в несколько этажей. Людям приходится делать наледные мосты для переезда через опасные участки. Но иногда и мосты эти скрываются под льдом и дымящейся на морозе водой.

...Теперь всего тринадцать километров отделяли нас от базы будущего горного предприятия в дикой долине ключа. Мы уже окончательно готовы были праздновать победу, когда первая машина провалилась в яму, прикрытую тонким льдом. Машину выдернули из ямы двумя другими. И вот тут-то и началось... Мы рубили и пилили деревья, кайлили лед, вскапывали бугры, вытаскивали машины из ям. Эти последние тринадцать километров мы шли полдня — столько здесь было всевозможных препятствий. А когда, наконец, глубокой ночью мы добрались к трем избушкам поисковиков — цели нашего путешествия, вцепившийся в землю пень преградил нам последние десять метров пути. Мы обкрутили его тросом, и Борис с яростью вырвал пень своей машиной.

Моторы умолкли. Мы стояли под холодными, немигающими звездами. Оставалось последнее — разгрузка. Михеенков был молчалив, Филимонов зло сопел, и у меня уже не было охоты слушать чужие биографии. Тоора-Тас устроил нам хорошую встрепку.

Кто-то открыл борт машины. Не двигаясь, смотрели мы на темные деревья, на призрачные очертания вершин и на три плоскокрыших покинутых домика. Какая здесь глушь!

Михеенков очнулся первый. Он крикнул стоящим на машине:

— Бросай!

Мешок тяжело упал ему на плечо, и меховой костюм его посветлел в сумраке ночи от мучной пудры. Михеенков подбежал к брезенту и сбросил груз в объятия Филимонова. Я видел, что он уже не думает о домашнем уюте. История, как это всегда у него бывало, оказывалась очень беспокойной. А уж если так, пусть пыль стоит столбом. Война есть война!

На обратном пути нам повстречалась машина с начальником рождающегося горного предприятия Владимиром

Петровичем Левченко. По проложенному нами следу уже шли грузы из Магадана, из Берелеха, из Нексикана. С заводов и мастерских Колымы они везли оборудование новому огромному строительству на Индигирке.

...Уже после войны на палубе парохода, шедшего во Владивосток мимо Курильской гряды, среди северян, уезжавших в отпуск на «материк», я неожиданно встретил Михеенкова. Он ехал, наконец, в одну из авиационных школ, с тем чтобы, окончив ее, летать на Севере, там, где проложил столько маршрутов в тайге.

Горячее дыхание

КАК я уже сказал, на обратном пути с Индигирки навстречу нам попался Владимир Петрович Левченко, недавно назначенный на одно из новых горных предприятий, для которых мы привезли первые грузы. С Левченко мы жили год назад в одном поселке, и я хорошо знал его. Прошлым летом он ходил постаревший, скучный. Как и многие, он рвался на фронт. В годы гражданской войны это был лихой кавалерист, и теперь он горько тосковал о боевых походах. Здесь ему тоже случалось скакать на лошади, разыскивая новые горные покосы. Заместитель начальника предприятия по хозяйству, он с утра до ночи занимался дровами, углем для экскаваторов, благоустройством рабочих общежитий.

Как-то в жаркий ветреный день после обеда к крыльцу его дома подвели коня. Левченко вышел на улицу в тапочках и гимнастерке без пояса. Его усталое, заспанное лицо с провалившимися глазами обросло седой щетиной.

— Переседлай, — приказал Левченко конюху, выкидывая на порог собственное кавалерийское седло.

Два дня носился он по болотам в поисках горных лугов для покоса. Приехав домой рано утром, мокрый по пояс и усталый, он приказал разбудить себя после обеда. Тоска по боевой жизни покидала его только в седле. Поиски новых покосов пришлись кстати — можно было сутками не слезать с коня.

В долине бушевал горячий ветер. Внезапные смерчи поднимали к небу клочки бумаги и сухие стебли трав, а потом рассыпались на мелкие вихри, поднимавшие фонтанчики пыли,

словно о сухую землю ударялись пули. Но сегодня Левченко даже в седле не отыскал покоя. Проскакав на свежем коне десяток километров к новому покосу, он круто повернул назад и влетел в поселок, переведя коня на галоп. Навстречу ему шел незнакомый человек в грубой шинели, раздуваемой ветром. Прихрамывая, он опирался на толстую палку. Это был участник Отечественной войны, молодой политрук Рожков, которому предстояло в тот день выступать в нашем клубе.

Осадив коня и спрыгнув на землю, Левченко спросил:

— Кто это?

Я объяснил и прибавил, что Рожкову однажды довелось сражаться в окруженной части, которая дралась без отдыха, без пищи и воды несколько суток и прорвалась к своим.

— Смотри, какой парень, — задумчиво отозвался Левченко.

Вечером мы стояли около клуба. Владимир Петрович медленно подходил к нам. Мы не узнали его. Он был в новом военном костюме. Сапоги его сверкали так, словно владелец их собрался на парад. Кубанка была лихо сдвинута набекрень, а лицо выбрито до блеска. В руке он держал прутик и молодцевато ударял им о голенище сапога. Ни дать ни взять — боевой кавалерийский командир.

В зрительном зале мы сидели рядом. Рожков говорил просто, искренне, даже несколько смущаясь. Мы волновались вместе с ним. Политрук не упоминал о себе, но по жестким ноткам в голосе, по затвердевшему лицу его мы понимали, что сам он испытал очень много. Под конец Рожков сказал:

— И как ни пытался враг пробиться к городу Ленина, наши герои — бойцы и командиры — не пропустили его. А старые пограничные железобетонные укрепления выдержали самый яростный артиллерийский обстрел.

В этот момент кто-то схватил меня за руку. Я обернулся. Это был Левченко, и такой радостью светилось его лицо, что я невольно нагнулся к нему.

— Укрепления выдержали!—возбужденно прошептал он.— Ты понимаешь, ведь я тоже в свое время их строил... Да, да, те самые укрепления...

Мне вспомнился этот прошлогодний вечер в клубе теперь, ранней весной 1944 года, когда я ехал по льду Индигирки, а навстречу мне из-за светлоствольх безлистных тополей

вылетела машина. Она остановилась. Из кабины высунулся Левченко в кубанке и в темных, защищающих от солнца очках.

— Ты представляешь, каких они мне лошадей сватают? — зашумел он. — Отобрали полтора десятка скелетов и выдают их за призовых скакунов...

Он ехал организовывать новое строительство «Ольчан». По пути в разных местах он получал лошадей, продукты, технику. Ему предстояло, пока еще не пошла весенняя вода, пробиваться на машинах более двухсот километров по льду неизведанных рек.

Старый кавалерист был полон энергии. Он как бы ощущал горячее дыхание фронта. Он снова стремился в бой.

Машина рванулась и быстро скрылась в блеске реки.

«Ожил старина, — подумалось мне. — Теперь-то уж он повоюет!..»

В машине

ЛЕТОМ того же года я возвращался с Индигирки на грузовой машине. Из чорт знает какого далекого местечка индигирской тайги мы везли продукцию нового горного предприятия. Хлопья тумана ползли по скользким осыпям. Среди черных камней, словно черепки битой посуды, белели куски кварца. Эта смесь черных и белых камней придавала месту особую дикость. По временам эхо близких взрывов отдавалось высоко в скалах нерских «прижимов». Звук эхо напоминал сильный короткий порыв ветра в березовой роще.

Мы подпрыгивали от толчков, сидя на сене в кузове. Сопровождавший машину работник связи, небольшой беспокойный человек с веселой прищуркой, неутомимо подшучивал то над дождем, то над бойцом Федосеенко. Боец, худощавый парень, с явной завистью слушал неистощимые прибаутки сопровождающего. Опираясь на винтовку, протянув ноги, Федосеенко сидел на своем солдатском сундучке в самом тряском месте — в конце кузова. Появившись у машины перед самым отъездом, он сразу повел себя как хозяин.

— Що це за люди? — спросил он у водителя. — Рассказывайте в порядке очереди.

И успокоился, только уверившись в нашей надежности.

Машина сердито урчала на виражах узкой дороги.

— Родина-то где твоя, солдат? — спросил сопровождающий.

— Сюда буде, левее Одессы и Николаева... Сто километров до Крыму, — сказал Федосеенко и почему-то вздохнул. — Украина... хлеба̀ на моей стороне сумасшедшие...

Боец неотрывно смотрел на собеседника, словно ждал от него еще вопросов.

— Тянет, наверное, на землю... — задумчиво произнес сопровождающий.

— Хоть сейчас пошел бы, — живо сказал Федосеенко. — Кто какому делу обучен, туда и тянется... Не буду говорить, что я там состоял на больших постах. Я на разных работах робил, с зари до зари.

— Родня есть?

— Сколь телеграмм отбивал, не отвечают. Два года было под немцем то место... Может, в проклятую Германию угнали.

Боец угрюмо замолк.

— А кто бывал в Харькове? — неожиданно спросил сопровождающий, должно быть, тоже вспомнив свою родину. — Таких городов нигде нет. Сколько же стояло заводов... Рядами, целыми улицами. И все красавцы-заводы. Верите, на нашем ХТЗ в вестибюле лежал ковер и стоял у дверей швейцар. Как входите, он вам: «Снимите, товарищ, калоши». А ты уже сам догадался. Один этот ковер дает представление, какой же был наш ХТЗ. Что там немцы-стервы наделали, даже не придумаешь.

— А ты там робил? — спросил украинец.

— Работал, солдат.

Машина неожиданно накренилась, вползая боком на откос. Водитель прижимал машину к мокрым, ржавым скалам. Должно быть, в кабине ему казалось, что задние колеса того и гляди повиснут в воздухе над чистыми струями горной реки. Новая дорога, смело взбиравшаяся на скалистые карнизы, была еще не окончена и слишком узка. И эта дорога и само горное предприятие возникли среди тайги Индигирки в сказочно короткий срок. Дорогу еще достраивали, предприятие едва развернулось, а наша машина уже увозила первый добытый там металл.

Машина резко остановилась, встряхнув нас всех. Дождевая пыль слышно осыпала ворот плаща.

— Дорогу чистить, — сказал перемазанный водитель, вылезая на подножку, — рисковать нам с металлом никак невозможно.

— Семь лет с винтовкой неразлучно, как с женкою, по этим сумасшедшим дорогам, — сказал Федосеенко, вставая. — Эх, Индигирка...

Боец перевалился через борт, не выпуская из рук винтовку.

Завал был трудный. Сверху то и дело ссыпалась обмытая дождем щебенка. Неожиданно из-под заднего колеса машины отвалился черный ломоть дороги. Мы кинулись к задку и вынесли его на своих руках. Взмокшие и разгоряченные, мы повскакали обратно в кузов. Федосеенко устроился на сене ближе к сопровождающему. Кузов снова стало кидать из стороны в сторону — машина шла по камням дальше.

— Хороша тайга, — неожиданно сказал Федосеенко. — Сам не пойму, чем она завлекает. Здесь на кварце хлебов не пожнешь. Отчего же камень так завлекать должен? Привычка, что ли?

— Все смысл имеет, — веско сказал сопровождающий. — Вот мы с тобой так далеко от фронта скитаемся — это тоже большой смысл имеет...

Федосеенко долго смотрел в глаза беспокойному человеку, показывая крупные, белые, как кварц, зубы, но так и не дождался объяснения своей неожиданной любви к камню.

Темнело. Деревья стали сливаться в черные пятна. Машина прыгала на ухабах. Не дождичек, а ливень стал сечь плечи. Сопровождающий живо вскочил и принялся натягивать брезент на ящик с грузом.

— Ты его в два ряда укутай. Мы, небось, не размокнем, — посоветовал Федосеенко и тоже завозился.

Оставшийся кусок брезента мы кое-как натянули себе на плечи. Дождь лил и лил с черного, тяжелого неба. Под сырым, холодным брезентом трудно было уснуть. Вода плескалась в складках грубой материи над самым ухом.

...А машина неутомимо шла в ночи. И все, о чем говорили и мечтали промокшие и иззябшие люди, — и месть врагу и металл для победы везла наша машина далекому миру,

где растут хлеба и стоят заводы, миру, охваченному войной. Это было то, ради чего, полюбив тайгу Индигирки, мы тряслись по горным дорогам, мокли под дождями, боролись с холодом так далеко от фронта, от родных мест.

Вечная мерзлота

КУДА бы ни попадал я в своих путешествиях по индигирской и колымской тайге, везде приходилось мне наблюдать, как в жизнь строителей вмешивается удивительное явление северной природы — вечная мерзлота.

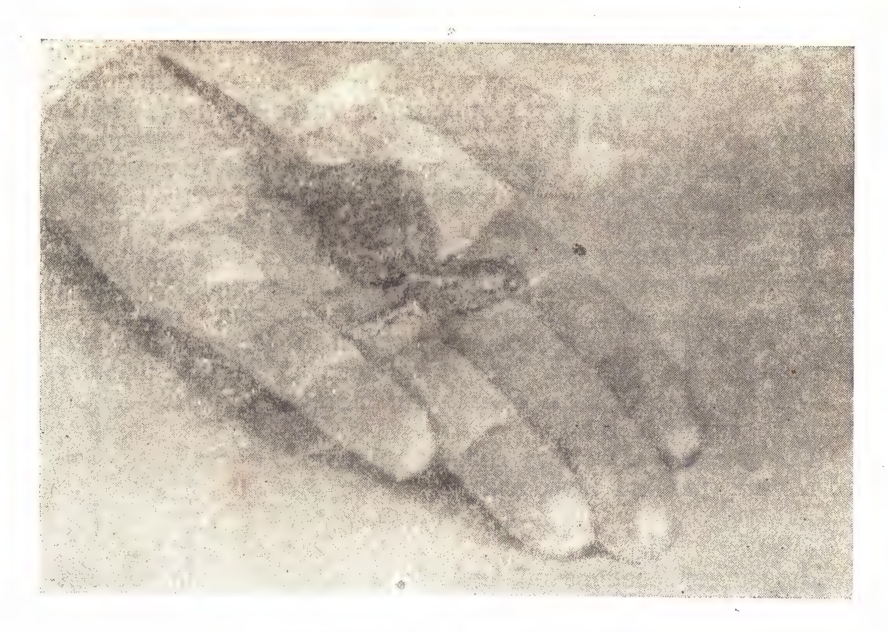
Освоение верховий Индигирки — это во многом борьба с холодом и вечной мерзлотой.

Советские строители и горняки сталкиваются с мерзлотой на площади, равной семи миллионам квадратных километров. Мерзлота занимает около одной трети просторов Советского Союза. На северо-востоке Сибири мерзлотная зона выходит за пределы полярного круга, спускаясь далеко на юг. Около Байкала, в бассейне Амура, можно еще найти мерзлотные линзы.

Происхождением своим вечная мерзлота обязана многим причинам. Одна из важнейших — суровость климата северо-востока Азии и малая мощность снежного покрова. В разгар зимы, например, в Верхоянске выпадает всего одиннадцать миллиметров осадков. За год в этих районах выпадает почти столько осадков, как и в пустыне Кара-Кум. Земля, не предохраняемая снежной шубой, промораживается страшными сибирскими холодами. Мерзлота иногда уходит на глубину сто-двести метров. Недавно в Якутске построили гидробуровую скважину для добычи воды из-под слоя вечной мерзлоты. Скважина прошла по мерзлому грунту на глубину в двести шестнадцать метров, чистая же вода добывается с глубины в триста пятьдесят метров.

Многие особенности северной природы связаны с вечной мерзлотой — таежные болота, донный лед в реках, наледи, особые паводки. Вечная мерзлота мешает, например, корням деревьев проникать на большую глубину, ветер сравнительно легко валит дерево, но вместе с тем без вечной мерзлоты леса здесь погибли бы из-за недостатка влаги: мерзлота отдает летом воду корням деревьев.

Мерзлый грунт оттаивает летом всего на два с лишним метра. Глубже лежат слои почвы, не оттаивающие никогда.

Ископаемый и оживший тритон.

Погреба, вырытые в вечной мерзлоте на достаточную глубину, не нужно снабжать на лето льдом.

В мерзлой почве, как в громадном холодильнике, прекрасно сохраняются кости древних животных, вымерших многие тысячи лет назад. На Индигирке и Колыме в изобилии находят бивни мамонтов, а подчас даже целые трупы этих гигантских животных.

По реке Зырянке в 1945 году спускался на плоту охотник. В обрыве берега он увидел два громадных клыка. На следующий день к находке приплыли люди на глиссере из поселка Зырянка. Клыки обмотали канатом и попытались выдернуть их сначала руками, потом глиссером, — безрезультатно, вечная мерзлота крепко держала клыки. Через несколько дней люди снова приплыли сюда. Клыков не было. Вечная мерзлота растаяла, клыки упали в воду. Их достали багром. Это оказались бивни мамонта. Вскоре здесь нашли множество костей мамонтов, некогда обитавших в этих краях. Район интересной находки назвали «кладбищем мамонтов». В Зырянке из мамонтовой кости изготовляют шахматы, домино, шкатулки и различные художественные вещицы.

На горном предприятии «Большевик» рабочие обнаружили в шахте ком земли с вмерзшим в него каким-то животным. Находку вынесли наверх и положили на солнцепеке. Мимо проходил художник газеты Лобовиков. Он увидел вмороженного в землю тритона. Походив по забоям и сделав несколько нужных ему набросков, Лобовиков вернулся к куску породы, вынутому из шахты. Мерзлота оттаяла, тритон... двигался.

Когда Лобовиков рассказал мне об этом, я не поверил. Но вскоре на моих глазах в другом месте, на предприятии «Комсомолец», в шурфе геологами была сделана такая же находка. Тритон жил у геологов несколько месяцев. Я сфотографировал ископаемого тритона и показал снимок биологу.

— Не может быть! — сказал он, выслушав меня. — Этого никак не может быть!

Я не ученый, я не хочу спорить. Я только рассказываю то, что происходило на моих глазах.

Инженеры-северяне обладают одной интересной особенностью. Металлург, строитель или горняк на Севере в некоторой мере непременно и естественники. Они поневоле должны изучать северную природу, знать ее повадки, уметь своевременно предугадать неожиданные и подчас неприятные сюрпризы, в изобилии встречающиеся в высоких широтах.

Вот несколько примеров.

В августе в северных реках при отсутствии дождей в жаркую погоду неожиданно начинается паводок. Северяне говорят — пошла «черная вода». Берега рек в эту пору словно слезятся, легкий звон слышен у подмытых рекой черных земляных козырьков. Это в реку срываются тысячи капель, рожденных оттаявшей к концу лета мерзлотой. Неожиданное наводнение, вызванное таянием верхнего слоя мерзлоты, может унести приготовленный для сплава лес, обрушить берега, сорвать навигационные знаки. Но «черная вода» может также помочь человеку. Она откроет доступ в обмелевшие протоки, снимет суда с мели, сделает проходимыми перекаты.

Север богат контрастами. Не только летнее тепло, но и зимняя стужа вызывает неожиданные январские и февральские наводнения — те самые наледи, которые были непременным спутником всех моих зимних путешествий и без которых немыслимо даже представить себе жизнь северян.

На одном из горных предприятий экскаватор вгрызался

Бивень мамонта в токарном станке.

в комья твердого грунта взорванной вечной мерзлоты. Ковш машины забирал землю и выкидывал ее в отвал. В середине дня отвал неожиданно стал расползаться. Твердые комья очень быстро превращались в вязкую жижу. И прежде чем люди успели сообразить, что это значит, грязевой поток смыл тяжелый экскаватор с откоса в забой. Это вечная мерзлота попыталась встать на пути строителя. Смерзшийся грунт содержал в себе мелкие куски льда. Солнце, растопившее лед, превратило гранит мерзлоты в жидкую кашу.

Там, где холод сковывает влажную почву, мерзлота тверда, как камень. Для того чтобы нарезать шахту или сделать котлован под фундамент здания, необходимы бурение перфораторным молотком и взрывные работы.

Замерзшая земля выдержит фундамент любой тяжести. Но мерзлота коварна. Фундамент здания, трубы канализации и парового отопления меняют температурный режим почвы. Мерзлота может отступить, земля размягчится. Строитель должен все это предвидеть.

На предприятии «Большевик» построили большую рабочую столовую. Через год летом плита на кухне потрескалась. На глазах поваров плита, как в сказке, уходила под землю. Потушили в топке огонь, разобрали пол. Под фундаментом

лежала ледяная линза — ископаемый лед, прикрытый слоем гальки. Лед подтаивал, и плита опускалась все ниже.

Зимой на горном предприятии «Комсомолец» не стало воды. Мерзлота сковала горную речушку. Вода реки зимою уходит под русло глубоко в землю, пробивая себе путь в гальке. И не так-то просто вновь найти ушедшую от мороза воду. А без воды предприятие не может жить. Начали бить шурфы. Воды, казалось, не было нигде. Случайно пробили шурф под полом... парикмахерской. И там оказалась вода. Пришлось в парикмахерской установить электромотор и насос. Всю зиму из парикмахерской возили воду в автомашинах, на которых были установлены цистерны. При этом внутрь металлического бака для воды была вварена самая обычная печка. Машина-водовозка разъезжала по поселку, а из трубы над цистерной валил дым. Печка была необходима, иначе на пятидесятиградусном морозе вода в цистерне примерзала бы к металлу и с каждым днем полезный объем цистерны катастрофически уменьшался.

Морозы становились все крепче. Спустились туманы, даже днем окутывавшие долину мраком. Недостаток воды мешал горному предприятию нормально работать. Начальник предприятия Петр Михайлович Фролов извелся в эти дни — от него требовали выполнения плана, а он не мог его дать.

Как-то ночью мы сидели в его кабинете. Неожиданно в комнату вошел главный инженер. Его ватный костюм покрывала ледяная корка. Он быстро сказал:

— Вода!.. Все к чорту затоплено, все насосы, все электромоторы!..

Мы побежали к шурфу. Сюда уже были стянуты люди, подъехали автомашины. В свете автомобильных фар по земле шла дымившаяся вода. В какие-нибудь десять минут на наших глазах вода затопила насосную будку над шурфом, накануне почти не дававшем воды.

На крыше будки работали люди. Насос и электромотор решили установить там, чтобы обезопасить их от наводнения, случившегося в разгар зимы — в январе.

Взрывники закладывали заряды в землю и подрывали грунт, давая место стоку воды. Всю ночь люди боролись с водой там, где в течение двух месяцев ее почти бесплодно искали.

Ночью Фролов докладывал по телефону начальнику горного управления:

— Вода все затопила. Восстановим насосы только к утру.

Накануне он не спал ночь, потому что люди были заняты поисками воды. Теперь он не спал ночь, потому что вода затопила забои.

— Послушайте, надо совесть иметь, — шумел в телефонной трубке голос начальника управления: — вчера вы ссылались на отсутствие воды, сегодня у вас наводнение...

Он говорил так больше для острастки, он знал капризы колымской природы, но и от него Никишов требовал выполнения плана.

— Приезжайте посмотреть сами! — крикнул Фролов.

— Мне нечего смотреть на воду, мне нужен план.

И Фролов отправился в забои добиваться плана, теперь уже несмотря на наводнение.

Это тоже вмешалась в жизнь горного предприятия мерзлота. Морозы сковывали землю все глубже и глубже. Мерзлота добралась до спрятавшейся воды и преградила ей подземный путь. И вот вода вырвалась наверх и пошла по снегу и льду, затопляя все на своем пути.

Не вся колымская и индигирская земля скована вечной мерзлотой. Есть в горах Колымы удивительное место. В долине здесь всю зиму бежит незамерзающий ручей. Деревья на склоне сопок необычно для этих мест велики. Ветви лиственниц, растущих около ручья, покрыты густыми шапками инея. Вся местность носит название Талая.

Из-под земли в Талой бьет горячий источник. Водой этого источника отопляются здания санатория и теплицы овощеводческого хозяйства. Удивительна игра природы: холодная колымская земля дала горячую воду для батарей центрального отопления.

Говорят, когда-то давно источник Талая был открыт израненным охотником. Раны человека стали необычайно быстро затягиваться, едва он только выкупался в горячей воде. Впоследствии больные стали приезжать в Талую даже из отдаленных районов тайги. Когда на Колыму пришли строители, в Талой развернули санаторий. Сейчас здесь стоят красивые дома, построено ванное отделение. Санаторий колымской профсоюзной организации «Горячие ключи» стал замечательной здравницей Севера.

Борьба строителей Севера с вечной мерзлотой — это не только преодоление технических трудностей. В этой борьбе проявляются сильные и красивые человеческие чувства.

...Инженер Завьялов умел понимать людей. И если бы какому-нибудь журналисту пришло в голову записать рассказы Завьялова, вышла бы хорошая повесть о том, как в тяжелой борьбе с мерзлотой рождаются сильные характеры.

Особое место в рассказах инженера занимал старый колымский кадровик — экскаваторщик Кочкарев. Лет пять он провел на Севере, зимой и летом выгребая ковшом экскаватора взорванный мерзлый грунт. Характер у него был не крутой, а может быть, даже и мягкий. Но в одном Кочкарев был неодолим — он не любил давать обещания. Можно было биться с ним часами. Улыбаясь, прищурив глаз с нависшим морщинистым веком, он разводил руками, сдвигал масляный блин кепки то на лоб, то на затылок и окончательно выматывал вам силы.

Позднее он сам приходил к инженеру и мялся около стола.

— Что опять такое получается? — говорил Кочкарев, скорбно сдвигая брови. — Воды обратно нету. Машина, сами понимаете, не лошадь. Безответная животная как-нибудь отстоится сутки без пойла, потому у нее брюхо паром не распирает...

— Понял тебя, Федул Иванович, понял.

— А в котлу, сами знаете, дымогарных трубок-то...

— И это тоже понятно, трубок много, «посадить» котел можно. Воду надо во-время подвозить.

Завьялов уже откровенно виноватыми светлыми глазами поглядывал на машиниста. Что поделаешь, когда машин-водовозок нехватает, когда мерзлота сковала землю и оставила предприятие без воды.

— Сделаем, Федул Иванович.

— Сделайте... Совестно перед людьми.

Может быть, и трудно было предвидеть поступок Кочкарева, но в поступке том отразилось все наше бурное и страстное время. Кочкарев, с таким упорством избегавший обещаний, решил вступить в соревнование с лучшим машинистом соседнего горного управления. Естественно, об этом объявили во всеуслышание, тем более, что соревнование было совсем необычным. О шуме, который поднимет его вызов, старый машинист экскаватора, конечно, не мог не знать.

Экскаваторщик Кочкарев.

И все-таки он вступил в соревнование.

Сделал он это не для славы. Слава уже была завоевана, в глубоком кармане Кочкарев хранил и всегда носил с собою орден Трудового Красного Знамени.

Сделал Кочкарев это и не потому, что на предприятии вдруг стало много машин-водовозок или взрывчатки для рыхления грунта и мерзлота исчезла. Наоборот, положение было напряженным.

И, зная характер старого рабочего, столь ревниво оберегавшего свое доброе имя, кое-кто даже удивлялся смелости его поступка.

Разговоров у Завьялова с Кочкаревым теперь прибавилось вдвое. Начались они со смазочного. Машина стала работать значительно интенсивнее, а завхоз участка отпускал норму смазочного из обычного дневного расчета. Больше всего Кочкарева бесило, что завхоз никак не может понять перемены, происшедшей с машиной и с ним, Кочкаревым.

— Дуб, — говорил машинист, — жизни не понимает.

— Мы ему быстренько мозги вправим, — смеялся Завьялов, радуясь, что на этот раз разговор обходится благополучно.

Но как-то Кочкарев явился в полном расстройстве. Единоборство машинистов к тому времени волновало все строительство. Газета в каждом номере печатала сводки выполнения суточных планов соревнующихся машинистов. По сводке было видно: Кочкарев непоправимо отстал.

В те дни его машину перегоняли с одного полигона на другой. На новом полигоне взорванной мерзлоты было мало. Это-то и волновало Кочкарева.

— Как так я впутался! — сокрушался Кочкарев. — Двадцать пять лет работаю на рычагах — и в первый раз так сильно нашумел. А делов не видать...

Но пока машина ползла к новому забою, там была хорошо взорвана вечная мерзлота. Уж Завьялов об этом постарался. И здесь-то старый машинст развернулся, как полагается.

А вскоре на предприятие пришла новая газета с графиком работы обоих машинистов. В одном месте кривая Кочкарева падала до нуля, а затем поднималась так высоко, что кривая другого машиниста уже не могла угнаться за ней.

Объясняя мне, как он понял душу машиниста, Завьялов указывал на изломы этой кривой. На небольшом листке бумаги, графленной квадратиками, была записана целая поэма о горячем человеческом сердце.

Романтика Индигирки

ПРОШЕЛ год с небольшим после первой моей поездки по льду рек в индигирскую тайгу. Теперь туда были уже проведены дороги. В горах работало несколько горных предприятий, а поселок Усть-Нера стал центром этого нового промышленного района Дальнего Севера. И людей на Инди-

гирке теперь волновала не прокладка путей, но выполнение планов новыми предприятиями.

И все-таки это была Индигирка. Некоторые предприятия еще были отрезаны бездорожьем от Усть-Неры. Чтобы выполнить производственный план, людям надо было попрежнему летать на самолетах, плавать на плотах и ездить на «виллисах» по руслам рек.

Стояла осень 1945, первого послевоенного года. К наиболее отдаленному от Усть-Неры горному предприятию «Маршальский», возникшему так быстро, что дорогу туда не успели провести, предстояло перебросить тяжелое оборудование. Самого оборудования еще не было. Оно должно было проплыть в трюме парохода по морю, проделать длинный путь по таежным дорогам и... что будет дальше, трудно было пока предсказать.

Меня вновь потянуло на Индигирку. Мы с женой жили теперь в городе Магадане на берегу Охотского моря. Отсюда до Индигирки было много сот километров, но расстояния на Севере кажутся людям короче, чем в обжитых районах.

Жена добилась на Севере своего: она стала хирургом и работала сейчас в прекрасной магаданской больнице. И мы расстались с ней, снова пообещав друг другу подробно рассказать при встрече о делах и впечатлениях.

Обстоятельства обещали интереснейшие события, и я спешил.

Я очень боялся прозевать начало этих событий: на Севере жизнь течет с исключительной быстротой.

Сутки ехал я в голубом автобусе, не отдыхая в придорожных гостиницах. Последний участок до Усть-Неры я летел самолетом над хорошо знакомыми мне местами: здесь простирались болота Колымо-Индигирского водораздела и торчали знаменитые нерские «прижимы», навсегда побежденные строителями Дальнего Севера.

Самолет был крохотный, фанерный. Ветер врывался в отверстия, через которые проходили тросики управления. Машина была двухместная, но в кабину нас набилось четверо. Я расположился сверху всех и старательно придерживался локтями за борта кабины, чтобы не давить всей тяжестью на ноги товарища. В кабине пилота сидел летчик Шипук, тот самый Шипук, с которым когда-то Филимонов попал в ураган и пять часов носился по воле ветра в тучах. Я встретился

с Шипуком впервые и с интересом приглядывался к нему. На Индигирке этот человек совершает чудеса. На своем игрушечном самолетике он доставлял на далекие предприятия, затерянные в узких распадках, всевозможные грузы. Он оказался молодым, слегка полнеющим человеком с мясистым лицом, говорящим о крепком здоровье. Шипук был прост, весел, но пассажирам пришлось выслушать от него строгое замечание за пятиминутное опоздание к отлету.

Под нами открылась панорама беспорядочно разбросанных скалистых вершин, засыпанных снегом. Я знал всю дорогу, извивавшуюся внизу, помнил, с каким трудом она строилась, и потому появление знакомого пейзажа — сопок с гранитными надолбами — показалось мне неправдоподобно быстрым. Вверху было холодно. На пыльном аэродроме, окруженном лиственницами, мы вдыхали теплый воздух осенней тайги.

На краю аэродрома лежали тюки, пачки валенок, хомуты, мешки с мукой и овсом. Около груза возился невысокий, живой крепыш. Фигура его показалась мне знакомой. Ба, да это Борис, тот самый водитель-виртуоз, с которым когда-то мы шли на Индигирку! Такие встречи всегда приятны в тайге. Я узнал, что в таежных путешествиях Борис повредил себе руку и уже не мог сидеть за рулем автомашины. Он не ушел с Индигирки, он переключился на авиацию. Правда, работа его была скромной — упаковка вещей и погрузка их в самолет. Но попробуйте упаковать, например, электролампочки так, чтобы их можно было без парашюта выбросить на бреющем полете и чтобы они остались целы. Борис научился это делать и гордился своей новой работой. Я спросил, как ему нравится на Индигирке.

— Вы же знаете, — сказал он, — стоит нашему человеку пожить немного на новом месте, и он считает его родным.

Он принялся забивать кабину самолета тюками.

Оказалось, что грузы дожидались Шипука. И Шипук без отдыха, тут же отправлялся в новый рейс — как раз к предприятию «Маршальский», куда в ближайшее время собирались перебрасывать нехоженой тайгой тяжелое оборудование.

Борис объяснил мне, что Шипук будет летать сегодня до темноты. То же будет и завтра, и послезавтра, и еще много дней. Я не спрашивал, почему. Все было ясно. Предприятие должно жить, даже если к нему еще нет дороги.

Голубой автобус на таежной дороге к Индигирке.

Война кончилась, и в тайге уже говорили о новой сталинской пятилетке. Как приятно было слышать после военных сводок это вошедшее в нашу кровь и плоть слово — пятилетка.

Мне очень хотелось увидеть Шипука за «настоящей» работой, и я попросил его взять меня в этот полет.

— Пожалуйста, — усмехнулся Шипук. — Только вам придется помогать механику сбрасывать груз.

Мы с механиком влезли в кабину. Вся она была забита тюками. Верхнюю дверцу, закрывавшую кабину, сняли и положили на землю, — в этом полете она только мешала бы.

Короткий разбег по аэродрому — и мы вновь в воздухе. Самолет как бы повис между скалистыми вершинами, сжимавшими долину Индигирки. Под нами потянулись золотые леса, взбегавшие к перевалу. Чем дальше мы уходили от Усть-Неры, тем ближе становились пушистые макушки лиственниц: лес поднимался все выше и выше. Самолет низко перетянул через перевал и пошел над переплетениями ребристых хребтов и над узкими, темными от тени распадками.

Еще перевал — и внизу, в глубокой узкой долине, показались крохотные таежные избушки, гора бочек с горючим, копры шахт. Подняв головы, стояли люди. Справа от нас, совсем близко, прошла округлая вершина сопки со светлыми пятнами ягеля и поваленным тощим сухостоем. Казалось, так просто было бы опуститься здесь.

Впоследствии, когда с тракторной колонной мы шли к предприятию «Маршальский», я испытал обратное тому, что чувствовал, пролетая над дорогой в Усть-Неру. Там я дивился быстроте, с какой мы миновали хорошо знакомый мне участок гор. Здесь же, столь просто достигнув по воздуху «Маршальского», я поражался трудностям земного пути в этом направлении.

Совсем неожиданно и люди, и бочки с горючим, и домики стали увеличиваться. Мы пролетели мимо них и пошли вровень с макушками лиственниц. Винт теперь уже не ревел, он с мягким шумом рассекал воздух: Шипук сбавил газ до возможного предела. Механик тронул меня за плечо и передал тюк. Сжимая груз, боясь, что ветер вырвет его у меня и ударит о заднюю плоскость, я перевалил тюк через край кабины и выпустил. Механик уже держал наготове пачку валенок. Он выбросил ее. Валенки, подхваченные ветром, скользнули по задней плоскости и унеслись куда-то назад. Мотор взревел, мы почувствовали, как прирастаем к полу кабины, — самолет круто пошел вверх. Потом крутой склон сопки почему-то оказался у меня почти над головой; я потерял представление о том, где верх, где низ. Это Шипук сделал очень крутой вираж, разворачивая самолет в ущелье. Еще один разворот, и вновь винт мягко режет воздух, самолет скользит вниз. За борт летят хомуты, мешок с чем-то тяжелым (как потом выяснилось, это была фасоль) и связка ватных брюк. Так же как и валенки, брюки не пожелали падать вниз. Они понеслись назад на уровне самолета. Вслед за брюками мы еще успеваем сбросить связку газет. Это местные газеты — выходящая в Магадане «Советская Колыма» и издающийся в Усть-Нере «Горняк Индигирки».

Вновь подъем и разворот. Там, где я хочу увидеть близкий склон сопки, оказывается неприятно светлое небо. И вновь спуск со сбавленным газом. Мы кружимся в распадке, и тюки один за другим вываливаются из кабины. Нас прижимает то к борту, то к полу кабины, то, наоборот, пол проваливается. В конце концов я уже не понимаю, где перевал, который мы перелетели, где выход из долины и куда мы сейчас летим.

Пилот Шипук (справа) — почетный гость на таежной стройке.

Внизу нет ни домиков, ни бочек с горючим. Но и кабина наша опустела.

Работа закончена. Механик высовывается за борт и затем кричит мне в ухо:

— Он хочет показать вам пароходы.

— Где, где?

Высовываюсь из кабины. Впереди блестит вода, желтеют пески. Зеленовато-синее русло, как на листе речного атласа, огибает мыс, раздваивается, обнимая желтый песчаный осередыш. Я с трепетом обнаруживаю осуществленную мечту гидротехника Телякевича. В верхнем плесе Индигирки вижу четко очерченные, длинные, с острыми носами суда. Это пароход и баржи. Самолет разворачивается и уходит вниз по Индигирке, в обратный путь к Усть-Нере.

Позднее я узнаю, что все лето пароходы плавали здесь, за порогами, и развозили грузы в такие места, куда не было никаких дорог. И пароходы (собственно теплоходы) и баржи были построены не где-нибудь на «материке», в Сибири, а на молодых заводах в колымской тайге. Для переброски их в верхний плес суда просто разобрали на части и доставили

на Индигирку по той дороге, строительство которой мне довелось наблюдать. Судоходство в верховьях Индигирки оказалось действительно возможным.

В Усть-Нере я увидел всю флотилию, в том числе и пароход. Это были небольшие суденышки, во многом уступавшие речным пароходам, плавающим в низовьях. Но с каким волнением я ходил по их палубам!

Самолет наш преземлился. Мы вылезли из кабины, и я тотчас же увидел у края лесной поляны аэродрома кучу новых тюков и возившегося около них Бориса. Груз немедленно стали укладывать в кабину.

Это все очень интересно, но и очень трудно для людей, которые здесь изо дня в день, год за годом летают, плавают, строят. Романтика Индигирки — в тяжелом труде. Я видел ее с воздуха. Скоро мне пришлось познакомиться с ней более близко.

Усть-Неру я не узнал. От крохотного поселочка геологов почти ничего не осталось. Стояли новые дома, раскинулся целый лагерь зеленых брезентовых палаток. То и дело в поселок вкатывали автомашины. В разных концах строились новые здания. Около поселковых учреждений толпились люди. Эту бурлящую, шумную стройку охраняли высокие скалистые вершины.

Сергея Павловича Голоулина, начальника политотдела, я нашел в тесной бревенчатой комнате. За деревянной перегородкой щелкала машинка, рядом, в крохотной комнатке, размещались инструкторы политотдела. Голоулин, человек уже немолодой, в роговых очках, с тонкими, правильными чертами лица и высоким лбом, одет был в стеганую телогрейку, на ногах его я увидел отвернутые болотные ботфорты. Сразу можно было определить, что одежда эта совсем не для кабинета. Я встречал Голоулина прежде в одном из культурных, старых поселков Колымы. Партийный работник с высшим политическим образованием, он умел толково выступить на партийной комиссии или на собрании, руководил партийной школой, читал лекции по теоретическим вопросам марксистско-ленинской науки. На трибуне или в покойном кабинете с мягкой мебелью очень кстати были и его роговые очки и высокий лоб. Но вот я вижу на этом человеке громадные сапожищи и телогрейку и в лице его замечаю какую-то почти неуловимую перемену. Оно как будто и погрубело и помоло-

Ко многим предприятиям ближний путь лежит по реке. Этой дорогой частенько пользуется Челидзе.

дело одновременно. Уже почти год, как он переведен на Индигирку.

Голоулин разговаривает по телефону. Он кивает мне на табуретку: посиди, послушай.

Он говорит сначала с одним горным предприятием, затем его сейчас же переключают на другое. Начальнику первого предприятия — «Маршальского» — он подтверждает решение дать дополнительно людей, целую бригаду рабочих. Начальнику второго горного предприятия — «Панфиловского» — Голоулин сообщает, что от него будет взята бригада рабочих для помощи «Маршальскому». Надо отобрать самых лучших людей, и без всякого жульничества.

Я понимаю, что попал в самый центр событий.

Голоулин вешает телефонную трубку, быстрым движением руки трет лоб и, раздумывая о чем-то, слегка кривит губы.

— Надо ехать на «Панфиловский», — решительно объявляет он, — иначе они подсунут самых неумелых рабочих, несмотря на все свои клятвы. Ведь им тоже надо выполнять план.

Он поворачивается ко мне.

— Поехали вместе? На лодке через перекаты, потом верхом. Ты ведь любишь такие путешествия?

Я делаю вид, что мне наскучила бродяжья жизнь:

— Разве туда нет дорог? Или, наконец, катером...

Голоулин смотрит на меня с сожалением.

— Эх, вы, магаданцы!.. Конечно, туда нет дороги, а катер наверняка сядет на камни. Ты реку видел сейчас, осенью? Лучше всего в лодке или на плоту. Представь себе бешеное течение. Плыву однажды на плоту, вдруг бревна под мной расползаются, и я... — Голоулин безнадежно машет рукой, лицо его становится обиженным. — Да, впрочем, такие вещи тебя уже не интересуют.

— Рассказывай, рассказывай! — прошу я. — Как раз за этим-то я сюда и ехал.

Так вот что сталось тут с Голоулиным, этим, казалось, кабинетным человеком! Вот как Индигирка меняет людей.

Входит Серов, секретарь партийной комиссии. Он суховат, сдержан; покуривая папиросу, присаживается за стол. Неожиданно блеснув глазами, он прерывает Голоулина:

— Нет, ты лучше послушай, что было весною со всей партийной комиссией...

Я узнаю, как пять членов партийной комиссии, пробираясь на лодке в половодье к далекому предприятию, где надо было обсудить несколько заявлений о приеме в партию, попали в водоворот, как там крутило и едва не затопило их лодку и как они, вымокнув с ног до головы, в тот же вечер, чтоб не терять драгоценного времени, провели заседание.

И я соглашаюсь на все: на плоты, на лодки, на кораблекрушения, на ночевки у костров.

— Ясно, — говорит Голоулин, — забираем с собой еще Челидзе — и плывем.

Челидзе — главный инженер управления. Он молод, горяч. На груди его — несколько орденов. В горах, на предприятиях, он строг и требователен, но сейчас, обсуждая предстоящее путешествие, по-мальчишески радостно смеется. Ехать надо, иначе подсунут неопытных людей. А раз ехать — значит, конечно же, на лодке. Впрочем, и пути-то другого туда нет.

Полдня мы плывем по Индигирке. Желтые скалы, золотые лиственницы, а там, выше, снежные вершины в ясном небе. Тишина. Сизая, холодная вода на перекатах. Хорошо!

— Сергей Павлович, — говорю я Голоулину, — хочешь, сейчас узнаем, будет ли у вас план в этом году?

Русла горных рек временно заменяют дороги...

— Как же ты узнаешь? — искренне удивляется Голоулин. И сейчас же добавляет: — Мы и так уверены, что у нас план будет. На то и людей перебрасываем и оборудование потащим через тайгу.

Он подозревает подвох. Не дай бог сказать журналисту о сомнениях по поводу выполнения плана, — еще попадешь с этим в газету. Здесь вся жизнь людей связана с планом, к этому всех нас приучил Герой Социалистического Труда Никишов.

— У гор узнаем! — смеюсь я. — Вот слушай.

Я поворачиваюсь к скалам, обрывающимся у реки, и кричу, делая ударение на последнем слове:

— План... будет?

Чистое, ясное, осеннее эхо звонко утверждает: ...будет.

Голоулин и Челидзе оторопело смотрят на меня, а затем хохочут, как дети: так ясно и четко ответили горы.

В тот же день мы пересели на верховых лошадей. Нам пришлось пробираться километров сорок по горным долинам, заросшим тайгой, и через два зеленовато-желтых от ягельников перевала. В распадок «Панфиловского» мы свалились с перевала под вечер. В долине сверкали электрические огни. Могуче вздыхали экскаваторы, тарахтели моторами стосильные бульдозеры. Вся эта техника была завезена сюда зимой, когда мороз сковал реки и болота индигирской тайги.

Никто не ждал нас в поселке. Первый, кого мы встретили здесь, был Владимир Петрович Левченко. Опять он работал заместителем по хозяйству. И тотчас засыпал нас рассказами о таежных походах, где участвовали и плоты, и лодки, и покосы в болотах, и дороги по руслам горных рек. Кстати, он сообщил, что обратно мы можем уехать на автомашине, по руслу реки, которое он превратил в дорогу. Для этого он кое-где в зарослях островов проделал просеки, выпрямлявшие прихотливые изгибы речушки.

Вечером в конторе горного предприятия происходил острый разговор. Челидзе потребовал себе список рабочих, перебрасываемых на «Маршальский». Он черкал фамилии и вставлял новые, уговаривал, ругался, приказывал и вновь уговаривал. Потом Голоулин собрал членов партии. Он говорил об обязанности коммунистов решать вопросы, глядя не с колокольни своего предприятия, но с точки зрения интересов государства. Это горячая политическая речь. И коммунисты далекого предприятия понимали: они должны итти на трудности. Снова появлялись списки рабочих. На этот раз отбирали лучших.

— Слушайте, — говорит Челидзе, сверкая черными глазами, — сделайте ваше предприятие одним участком. Понимаете, всего одним участком. Ликвидируйте ваши три горных участка, ликвидируйте счетный и бухгалтерский участковый аппарат, всех пошлите в забой. У вас сразу подскочит количество основных рабочих. Это выход. Вы меня поняли?

Начальник предприятия кивает:

— Поняли, это выход.

— Единственный выход! — возбужденно кричит Челидзе.

Мы идем к рабочим. Им предстоит пройти пешком по тайге несколько десятков километров. Говорит Челидзе горячо, с подъемом. Ему аплодируют. Рабочие дают слово преодолеть трудности и помочь отдаленному предприятию.

Вечером Голоулин получает из Усть-Неры радиограмму: «Всем, всем! Сообщите, где находится начальник политотдела. Ему есть срочная корреспонденция». Мы смеемся, читая этот вопль радиста. На Индигирке и в самом деле трудно угнаться за начальником политотдела.

Когда мы вновь появились в Усть-Нере, прорвавшись через тайгу на машине, яростно разбрызгивавшей воду горной речки, там уже все было готово для похода тракторной колонны с оборудованием на «Маршальский».

Вот что происходило без нас в Усть-Нере.

Инженер, строитель дорог Василий Иванович, человек немолодой, прокаленный морозами, дававший проезды в труднейших местах, совершил поступок, который от него меньше всего можно было ожидать. Он сделал попытку отступить перед трудной задачей: отрицательно ответил на запрос своего начальника о возможности провести через перевал колонну тракторов с грузом чрезвычайного значения.

Предварительно инженер послал на разведку техника, и тот донес, что перевал непроходим. Василий Иванович сопоставил это донесение с категорическим мнением некоторых специалистов, считавших, что без капитальных земляных работ перевал преодолеть нельзя. Не так-то просто при подобных обстоятельствах взять на себя ответственность за сохранность груза — высоких, неустойчивых пятитонных ящиков с компрессорами и двенадцатитонного ящика с электростанцией. Сколько раз на пути инженера уже вставало «мнение специалистов». Ему не хотелось снова и снова итти на риск, действуя вопреки установившимся взглядам.

— Трудно бороться с таежными невзгодами, — говорил он, сутулясь на табуретке, — но еще труднее бороться с человеческой косностью.

Это звучало правдиво, но, если честно судить, это все-таки была попытка самооправдания.

Непрочная стена, за которой пытался укрыться инженер, разлетелась в пух и прах от нескольких слов, переданных ему

от его начальника инженера Ленкова, строившего дорогу к Индигирке: «Уверен, что вы это сделаете...»

Василий Иванович читал записку и невольно припоминал: пятнадцать лет работы в отдаленных районах страны, постройка таежных дорог, мостов через наледи, тяжелая жизнь в тайге. И пусть четыре десятка лет за плечами, пусть седина на висках, но спокойно жить еще слишком рано.

Василий Иванович, усмехаясь, еще раз почитал записку начальника («хитрец этот начальник!»), крепко уселся в седло и сам отправился на перевал.

Когда он вернулся, в поселке Усть-Нера его ждали два руководящих работника. Один из них, начальник горного управления Нагорнов, для которого поход через перевал с компрессорами означал выполнение плана, с настороженностью и тревогой поглядел на вошедшего инженера.

— Ну как, проход есть? — оживленно спросил второй, старший по должности.

Инженер-дорожник был велик ростом и, пожимая руки присутствующим, загромоздил всю комнатку.

— Картину «Танкисты» видели? — шумно сказал он.

— Видел. Значит, на тросах? — неуверенно спросил начальник управления.

— На тросах.

— Вы хотите сказать, что колонна все-таки пройдет? — еще попрежнему сторожко допытывался человек, сидевший за письменным столом.

Он встал и вышел на середину комнаты.

— Протащим, — весело сказал Василий Иванович.

И по тому, как сразу потеплели лица людей, Василий Иванович понял, что риск, на который он не решался вначале и на который теперь, убедившись, насколько все-таки труден перевал, решился, — нужен для большого и важного дела. Богатое горное предприятие «Маршальский», отрезанное бездорожьем, задыхалось без компрессоров и электроэнергии.

Василия Ивановича назначили начальником тракторной колонны; он сказал, что крутой перевал проходим, теперь он должен доказать это на практике.

Когда мы вновь появились под Ольчанским перевалом, на исходной точке маршрута тракторной колонны, сюда, прямо на поляну, в тайге, рядом с дорогой, забрасывались из Усть-Неры бочки с горючим, тросы, сани. К этой же далекой

Грузы для тракторной колонны прибывают в заводской упаковке.

таежной прогалине за тысячу с лишком километров прибыли компрессоры в заводской упаковке — в больших деревянных ящиках. Сложный хозяйственный организм начал работать над осуществлением задуманного дела.

Участники похода собрались под Ольчанским перевалом в гостеприимном домике прораба дорожника Фоменко. Все это были сильные люди, которые за крутым словцом в карман не полезут, с которыми приятно хлебнуть обжигающего спирта и покурить махорки.

Домик Фоменко стоял высоко в горах, сюда часто спускались туманы, и резкий ветер гулял здесь на свободе. Зима началась. Короткие упругие ветви кедрового стланника уже легли на землю по каменистым склонам сопок, напоминая издали лепешки лишайника. Стланник никогда не ложится на бесснежную землю. Первый зимний мороз по-хозяйски пришел на перевал. Мы говорили и об этом морозе и о том, что вряд ли сейчас кому-нибудь покажется особенно заманчивым забираться на эту мерзлую гору. Неожиданно снаружи, сквозь посвист ветра, послышался говор, дверь распахнулась, и, как в романах Джека Лондона, в комнату вошли путники.

Их было трое. Это оказались работники «Маршальского», решившие добраться до своего предприятия с нами.

Один из них приехал прямиком из Москвы. Инженер, он впервые появился на Севере и сразу попал в самое пекло — в наш поход. К тому же его новые друзья, бывалые колымчане, тотчас принялись закалять беднягу. Предводителем у них был бравый геолог в лихо заломленной набекрень фуражке, из-под которой торчала седоватая прядь волос. Несмотря на мороз, он был в сапогах. Этот неунывающий человек доводил своих спутников до изнеможения, передвигаясь с большой быстротой, потому что в сапогах на морозе мешкать не приходится.

Москвич, невысокий, довольно хрупкий человек, устал, продрог, но, отогревшись у печки и слушая наши разговоры, заразился общим желанием поскорее двинуться вперед.

Утром у наших «пассажиров» появились свои планы. Они решили остаться в избушке и нагнать нас уже после того, как колонна взберется на перевал.

— Проскочим напрямик, — улыбаясь, сказал геолог.

Мы ушли к тракторам и начали пробиваться к перевалу.

Подходы к подъему были уже разведаны инженером и самый подъем был не особенно сложен. Неожиданности должны были подстерегать нас за перевалом, на спуске и в шестидесятикилометровой долине Артыка.

Метр за метром тракторы проламывали в тайге широкую аллею. Потом начался штурм перевала прямо в лоб, через тайгу. Среди деревьев стоял рев моторов, трещали ломающиеся стволы лиственниц. Радиаторы машин задрались в небо. Это было сильное, красивое зрелище. Наши трактористы рвались вперед, сокрушая препятствия, как танкисты.

У вершины перевала в тайге мы встретили наших «пассажиров». Они шли по колено в снегу напрямик через распадки и сопки. Москвич устало нырял среди болотных кочек позади всех. Шуба его была распахнута, брови покрылись инеем.

— Что они с вами сделали? — посочувствовал я.

— Слишком тепло одет.

— Бросьте вы их, они же вас замучают.

— Надо закаляться, — мужественно сказал москвич.

Мы догнали тракторы на самом перевале. Над сопками и долинами на фоне стройных заснеженных лиственниц

Надолго мы запомним дикую долину Артыка.

расположилась вся колонна с высокими ящиками на санях. Это был выдающийся кадр: компрессоры на перевале в тысячу метров высотой. Я приготовил фотоаппарат для съемки, бросился к лиственнице и по чьей-то услужливо подставленной спине полез на дерево.

— Лезете на макушку? А вы не свалитесь?

Я щелкнул затвором фотоаппарата и посмотрел вниз: конечно, подо мной стоял москвич.

— Знаете, что? — сказал я, спустившись с дерева. — Закаляться нужно, но соваться во все передряги — так вас надолго нехватит.

— Я был на фронте, — усмехнулся москвич, — а до войны строил Балхашский комбинат. Всякое видел. Но, откровенно говоря, я думал, что здесь у вас более обжитое место. Ну, ничего, привыкну и к романтике Индигирки.

Мы надолго запомним долину Артык: спуск с перевала, по которому и лыжник не решился бы съехать напрямик, глубоко врезанные русла боковых ручьев, вековые лиственницы, надолбы замерзших болотных кочек.

Впереди колонны неустанно шел дорожный техник, выбирая путь. Но иногда и выбирать-то было не из чего.

И вот здесь я впервые понял, что такое бульдозер. В нашей колонне были две такие машины. Бульдозер представляет собою стосильный трактор с рамой перед радиатором, на которой подвешивается массивный, шириной в три метра, стальной нож. С помощью лебедки, расположенной около сиденья моториста, нож поднимается и опускается стальным тросом, проходящим к лебедке через систему блоков. Трактор толкает перед собой этот нож, взрезающий землю или подкапывающий и сшибающий деревья.

Почти все препятствия, попадавшиеся на пути, бульдозеры преодолевали, — это было только вопросом времени. Иногда, например, достаточным оказывался один удар в дерево, чтобы свалить его, иногда приходилось предварительно разогнать машину и ударить ствол два-три раза.

Однажды мы попали в такие заросли лиственниц, что и верховая лошадь проходила там с трудом. Головной бульдозер врезался в чащу. Треск и стон стоял в тайге. Деревья падали вправо и влево, громоздились с вывороченными корнями перед ножом. Иногда от страшного удара ножа у дерева, прежде чем ствол успевал упасть, обламывалась макушка и летела прямо на тракториста. Человеку приходилось то и дело увертываться. Бывало и так, что нож подрезал корни и толкал перед собой не желавшее падать дерево. Особенно опасно было находиться впереди идущего бульдозера. Падавшие деревья хлестали по земле с огромной силой, хватая своими макушками метров на пятнадцать вперед.

Но вот кончилась тайга, и поперек нашего пути появился глубокий ручей с отвесными берегами. Колонна остановилась. Вперед опять вышел бульдозер. Опустив нож, тракторист направил машину к обрыву. Перед ножом вырастала груда свежевывороченной земли. Земля падала в ручей, трактор спускался по ней в русло, разворачивался и снова поднимался вверх. Так несколько раз двигался бульдозер вперед и назад, пока не образовывались пологие ровные съезд и въезд в обоих берегах. Узкие ручьи бульдозер засыпал землей, — получался своеобразный земляной мост. Передний бульдозер все время шел с опущенным ножом, срезая болотные кочки. В тайге сзади нас оставался широкий коридор, через ручьи легли проезды, через болота протянулась более или менее ровная дорога. И так на десятки километров по болотистой, заросшей лесом девственной долине.

Бульдозер пробивает путь в тайге.

Все эти путевые затруднения и беды прежде всего обрушивались на начальника колонны. Василий Иванович сильно осунулся за несколько дней нашего похода. Ведь ему надо было не только пробиться через тайгу, но и не поломать оборудование. Этот большой человек, казавшийся в избушке под перевалом героем с сильной волей, для которого нет в тайге ничего невозможного, здесь, в долине Артыка, иногда в недоумении останавливался перед каким-нибудь замысловатым препятствием. Признаюсь, я был несколько разочарован. Я ждал, что он будет действовать быстро, отдавать не терпящие возражений приказы и никакая опасность не заставит его отступить. А он, вот, останавливал машины, смотрел вперед не замечающим никого взглядом и, казалось, терялся в предположении, что лучше сделать, по какому пути направить колонну.

Тракторы остановились из-за очередного события. Один из компрессоров дал критический крен. Мы все полезли на сани, пытаясь своим весом перетянуть ящик на место. Но пять тонн — это не шутка.

— Давайте сюда передний бульдозер! — крикнул механик Березин.

Он был крепок, высок. На крупном лице его обозначались злые щелочки глаз.

— Отцепить бульдозер, — коротко и, как нам показалось, покорно подтвердил начальник колонны.

Подперев ящик ножом бульдозера, механик Березин достиг полного успеха — компрессор выпрямился. Гордый своей выдумкой, механик заговорил увереннее, громче. Он поглядывал на нас с превосходством.

— Бульдозер вперед! — приказал Василий Иванович.

Механику хотелось бы еще покомандовать. Но с ящиком делать больше было нечего, а в глазах начальника колонны появилось нечто такое, чего мы раньше не замечали, — предупреждающий огонек, означавший: не возражать.

— Вперед! — сказал Березин трактористу, хмурясь, но подчиняясь.

Мы встали на ночевку поздно вечером, проломившись на изрядное количество километров по долине.

Холодные звезды не освещали темную тайгу. Все мы промерзли и устали от дневных треволнений. Один из трактористов чересчур громко заговорил о холоде, об усталости. Мы стояли вокруг, молчаливые и раздраженные.

— Я тебе дом строить не буду, — резко сказал Василий Иванович. — Понятно?

Интонация в его голосе сразу напомнила нам короткий эпизод с Березиным. Кое-кто переглянулся.

— А ну, ребята, беремся за палатку, — сказал бригадир трактористов Андрей Черепов.

И когда мы с ожесточением натягивали на опиленные деревья стоявшую колом палатку, кто-то стал забористо, знакомым тенорком командовать:

— Раз, два — взяли! Еще раз!..

— Это кто же командовал? — полюбопытствовал я, когда мы покончили с палаткой. — Неужели москвич?

— Он самый, — подтвердил тенорок.

— Значит, осваиваемся с романтикой?

— Понемногу, — сказал смущенный москвич.

В палатку мы затащили железную бочку из-под горючего с вырубленными отверстиями для укладки дров и для трубы. Вскоре в бочке вспыхнуло пламя, борта ее раскалились. Я поднял высохшую около бочки травинку и поджег ее об

угли. Желтый лепесток пламени побежал вверх, согревая пальцы. Хорошая штука — огонь в тайге. С огнем — везде дом.

...Так мы уходили все ниже и ниже по долине. И когда однажды над колонной появился самолет воздушной разведки и все мы встали на машинах, подняв головы и махая шапками, люди были скреплены в дружный коллектив незаметной, будничной волей нашего начальника. И тогда я до конца понял романтику Индигирки, где человека делает сильным и красивым тяжелый, кропотливый труд и где на серьезный риск люди идут не ради романтики, а в случаях исключительной необходимости.

...Через пять дней колонна пришла на «Маршальский». Рельсы «водил» у саней полопались, стальные подрезы, приваренные к саням, оторвало кочками и пнями, и тяжелые ящики стояли просто на измятых железных листах. Но оборудование для далекого предприятия было доставлено в полной исправности.

Над дверями домика, который предназначался нам под жилье, мы увидели короткую, простую надпись, от которой у каждого стало теплее на душе: «Добро пожаловать!»

Наша роль была окончена. Теперь за дело взялись механики «Маршальского» во главе с Кацем. Это был старый мой знакомый по Колыме, и, признаться, встретить его здесь я никак не ожидал. Да и в самом деле, когда мы с Кацем жили в одном поселке, это был тяжеловатый на подъем, грузный человек с добрыми, словно усмехающимися глазами, в которых, однако, загорались злые искорки, если начальство читало ему нотацию за медлительность в установке насосов или локомобилей. Доставалось Кацу и в газете. Пробежав заметку о себе и позлословив на мой счет, Кац обычно встречался со мной после этого довольно мирно. Он водил меня к своим насосам и локомобилям, показывал, как много было сделано и как трудно все это делать во время войны, когда недостающие детали приходилось заменять приспособлениями собственной конструкции. А в конце концов он добродушно соглашался, что газета права и надо работать еще лучше и делать то, что, кажется, сделать невозможно.

Насосы, электростанции и компрессоры Каца были раскиданы в горной долине на изрядном расстоянии друг от друга. Механику приходилось добираться до своих объектов на повозке. Однажды он вздумал проехать на старой и смирной

кавалерийской одноглазой лошади Камбале и после этого заявил, что верховая езда — занятие не для него. Таков был механик Кац там, в старом, давно обжитом поселке Колымы.

Каца я встретил еще на подходах к «Маршальскому». К нашей тракторной колонне вынеслась из тальника полудикая лохматая якутская лошадь с мешковатым всадником. Она прыгала в разные стороны, пытаясь сбросить человека. Но тот держался крепко. Когда всадник подскакал к нам, я остолбенел. Это был Кац. При каких только обстоятельствах не встречаются люди на Севере! Кац похудел, посвежел, веселые огоньки попрежнему светились в его взгляде.

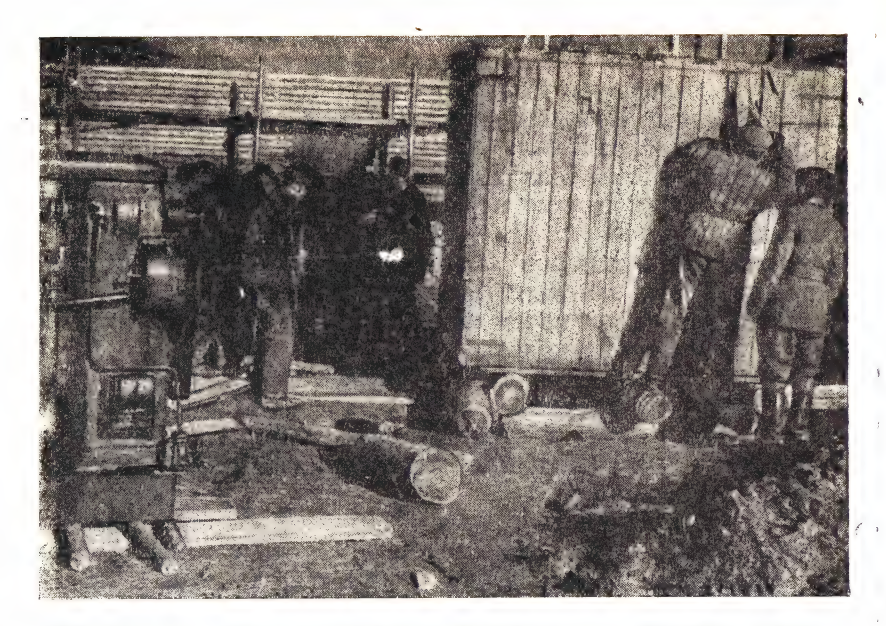
Он выехал встречать нас. Не обошлось без приключений. Лошадь умудрилась сбросить Каца с седла на таежной тропинке.

— Я оказался у нее под брюхом, вы понимаете? — рассказывал Кац с обычным своим мягким юмором. — Потом я бежал за ней километров пять, пока не загнал ее в тальник. Она там застряла, и я снова влез в седло...

Конечно, я устроился в комнатке Каца, и весь вечер он рассказывал мне, что с ним произошло.

Как и многих, Каца назначили на Индигирку. Он не подозревал, что там где-то мировой «полюс холода». Если бы Кац это знал, он, возможно, стал бы отказываться. Уехал он с радостью, ему уже надоело сидеть на одном месте. В Усть-Нере Кац появился зимой. Стояли шестидесятиградусные морозы, туманы. Ему предложили ехать в тайгу, строить «Маршальский». Это было уже совсем рядом с «полюсом холода», но разве механик имел об этом понятие?

Поехал Кац на тракторе, по льду реки, укутавшись в тулуп. Трактор провалился в наледь и вмерз в лед. Дальше Кац пошел пешком. У него не было с собой ни спичек, ни еды. Он мог бы вернуться назад, но уж раз поехал, надо пробиваться вперед. Ему рассказали, в каких местах стоят якутские юрты, и он пошел по льду Индигирки. Ночью небо очистилось от облаков, вышла остроотточенная холодная луна. Температура упала очень низко. Это было заметно по еле уловимому шуршанию, с каким вырывался из человеческих легких теплый воздух, тут же и замерзавший ледяными кристалликами. Неповторимый шелест этих возникающих на морозе кристаллов получил на Севере поэтическое название

Оборудование доставлено в полной исправности. За дело взялись механики.

«шепота звезд», оттого что услышать его можно только в особенно морозные ясные ночи.

Стоял страшный мороз, а Кацу стало жарко от ходьбы в бараньем тулупе. Он распахнул его.

Вода наледей замерзла, и лед с лунной дорожкой казался зеркалом. Луна была впереди, и куда Кац ни сворачивал, лунные блики бежали перед ним, мешая различать едва приметный след дороги. Временами он блуждал от одного берега до другого и не мог найти следа на гладком льду. Итти напрямик он опасался из-за наледей.

Только под утро он увидел якутскую юрту. Там произошла удивительная встреча. Кац столкнулся с человеком, с которым лет пятнадцать назад вместе учился. Оба они долго приглядывались друг к другу и, наконец, бросились обниматься. Приятель оказался геологом. Узнав, что у Каца нет ничего с собой, он рассердился: «Итти зимой по соседству с «полюсом холода» и без спичек — это безумие!»

— Не знал, что тут «полюс холода», — мягко усмехнулся Кац. — Мне было чертовски жарко итти в тулупе.

Геолог показал ему коробочку из жести размером с обыкновенную спичечную. Коробочка была наглухо запаяна, там лежали спички. Куда бы ни уходил геолог, жестяная коробочка всегда была с ним. Он носил ее уже пять лет.

— Когда-нибудь она окажет мне неоценимую услугу, — сказал геолог, пряча коробочку во внутренний карман куртки.

Сутки Кац отдыхал в гостях у друга. Они попивали спирт и рассказывали замечательные северные истории. И Кацу казалось, что ему нипочем ни наледи, ни «полюс холода», ни пурга. Жизнь прекрасна!

Утром он вышел дальше. Теперь во все карманы у него были засунуты спичечные коробки и запасы еды. Ему опять стало жарко, и опять он шел с расстегнутым тулупом. Ночью он почувствовал, что изнемогает от усталости. Он уже подходил к месту строительства.

Теряя последние силы, Кац добрался до единственного домика, отворил дверь, вошел и чиркнул спичку. Весь пол был завален телами спящих людей. У человека не было больше сил даже для того, чтоб отыскать себе место. Не снимая тулупа, он повалился на пол там, где стоял, и мгновенно уснул.

Как ему показалось, сейчас же его начали расталкивать. Сквозь сон он услышал:

— Вставай дом строить...

— Какой дом? — обозлился Кац.

Он хотел было обругать того, кто его будил, но тотчас вспомнил все и уселся на полу. Было утро. Он выпил горячего чаю и отправился вместе со всеми строить дом.

— Теперь-то мы богато заживем, — закончил Кац свое повествование. — Подумать только: первоклассные компрессоры и автоматическая электростанция по соседству с мировым «полюсом холода»!..

Да, он гордился, этот механик, что живет на таком интересном и необыкновенном месте земного шара.

...Мы сидели в низкой таежной избушке, рассказывали замечательные северные истории и поднимали стаканы в честь индигирских строителей.

И жизнь казалась нам прекрасной!

Два города

Контуры будущего города

Мы ехали среди светлой, заснеженной тайги. Водитель по временам останавливал машину — около дороги сидел глухарь или куропатка. Это была тайга с непуганой дичью, здесь едва ступила нога человека — геолога или исследователя. И тем не менее мы продвигались вперед со скоростью около шестидесяти километров в час — так по крайней мере уверял хозяин много раз битой и чиненой легковой машины Александр Емельянович Леликов, сидевший рядом с водителем. Он, молодой советский специалист и руководитель, провел в этих краях уже несколько лет.

Одним концом наша дорога упиралась в отроги снежной горной цепи Аргатасс, другим — в поселок Зырянку на берегу Колымы, в среднем ее течении. Это была таежная трасса в полном смысле слова: она не соединялась ни с одной дорогой мира и отстояла от ближайшей шоссейной магистрали на несколько сот километров. Машины пришли сюда на баржах, люди попадали в эти края на пароходах или на самолетах.

Под колесами стремительно шедшей машины пролегала не щебенка, не земля и даже не снег. Мы неслись по ледяной ленте. Этот «строительный материал» был применим только на Севере. Ледяной «асфальт» покрывал всю дорогу

Бухта Нагаево ранней весной.

от Зырянки до отрогов гор. Он прекрасно выдерживал испытания. С начала зимы и до последних чисел апреля по ледяной трассе день и ночь шли груженные углем машины. Летом путники, пробиравшиеся верхом от Зырянки к угольному району, уходили от бывшей ледяной трассы на таежные тропинки, — на «трассе» лошадь могла увязнуть в болоте по брюхо.

— Как тебе нравится дорога в этом году? — обернулся Леликов.

Года два назад я жил в Зырянке и очень близко познакомился с ледяной трассой, которую мы не раз расчищали всем миром после очередной пурги. Потом я изъездил все таежные дороги Колымы и Индигирки. При мне в Зырянке не было ни одной легковой машины. Конечно, я имел право сравнивать. Как раз в это мгновение машина подпрыгнула на очередной выбоине, и я коснулся головой потолка кабины. Но я был объективен:

— Хороша для шестидесяти километров в час.

— Вот именно! — обрадовался Леликов.

Машину опять тряхнуло, и я вновь коснулся головой потолка кабины.

На Дальний Север в Магадан приехали тысячи девушек, решивших участвовать в освоении колымской и индигирской тайги.

— Все эти выбоины можно залить водой, — заметил я, — и тогда будет похоже на автостраду Москва—Горький.

— Они у меня разленились. Я, вот, возьмусь-ка за них как следует, — заворчал Леликов.

Речь шла о службе эксплоатации ледяной трассы. В начале зимы трассу заливали водой. На первый слой льда наращивали второй. Вдоль всей дороги для этой цели стояли снеготаялки на санках. Выбоины, появлявшиеся во льду, также заливались водой. Но не так-то быстро удавалось восстанавливать полотно на всем протяжении, особенно к весне. Был как раз конец марта, и эти толчки машины казались вполне объяснимы. Вновь я подпрыгнул до потолка, и Леликов слегка повел плечом — ему было неприятно за свою дорогу.

— Может быть, сбавить скорость? — обернулся он.

— Нет уж, если обещано шестьдесят километров в час...

— Можно даже прибавить, — сказал Леликов.

— А ну, попробуем!

Водитель увеличил скорость до возможного предела, и машину стало подбрасывать еще основательнее. Теперь уже подпрыгивал и Леликов на переднем сидении.

С Леликовым впервые я встретился лет пять назад на рейде Индигирки. Тогда он был новичком на Севере. Рейдовый пароходик с Колымы, пробившись по ледовому морю, привез его к нам. Был он высок, в грубых сапогах и теплой ушанке. В море штормило, разгрузка шла на волне, и Леликов нервничал. Он курил папиросу за папиросой, мало разговаривал и поглядывал на море: надо было поскорее убираться с рейда, а тут шторм задерживал разгрузочные работы. К морским передрягам прибавились неудачи на реке. Ледостав застал суда в плесах, грузчиков на пристанях нехватало.

За несколько последующих лет молодому специалисту пришлось пройти суровую и многостороннюю северную школу. С тех пор, как мы впервые встретились, он внешне несколько постарел. Дело, которым он руководил теперь, было значительно сложнее. В его подчинении находились три участка, во всяком другом месте, казалось бы, совершенно несоединимые: геологи, пароходство и угольные разработки. И, конечно, сейчас ему приходилось гораздо труднее, чем тогда, в первые годы на Севере. Но теперь он сам стал другим человеком. Его волновали не сегодняшние трудности, а то, что предстояло сделать. В своем кабинете в Зырянке целый час он водил меня от графика к графику, показывая, как работают все три участка его управления. Потом мы сели в машину и понеслись по ледяной трассе к угольному району. Осмотрели шахты и открытый карьер, где уголь добывали взрывчаткой, а накладывали в машину ковшом экскаватора. Теперь мы возвращались в Зырянку.

— Ну вот, — сказал Леликов, — летим, как в ракетном самолете.

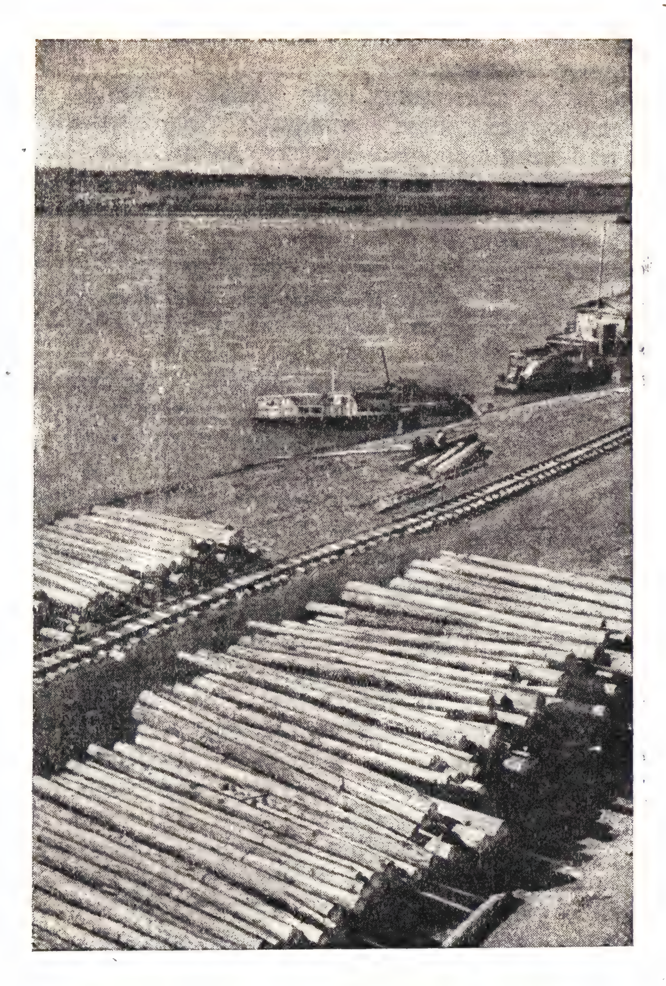
Нас швыряло из стороны в сторону, но мы оба были довольны: наконец-то и в этих краях завелись легковые машины!

— А знаешь, ведь мы начинаем собственный шлакоцемент изготовлять, — мечтательно сказал Леликов.

Шлакоцемент в Зырянке, в центре колымской тайги?! Это значит — каменные дома, заводские цехи...

— Да откуда же вы его взяли?

Машина временами немилосердно встряхивала нас, но, должно быть, именно сознание того, что по зырянской трассе можно так стремительно ездить, располагало Леликова к мечтам о ближайшем будущем поселка.

Штабели бревен на набережной Зырянки.

Оказалось, что для шлакоцемента использовался шлак из местной электростанции и прекрасная колымская известь, какой пониже Зырянки были большие запасы в виде скал, декоративно обрывавшихся в реку. Кандидат минералогических наук Федорков взялся составить рецепт шлакоцемента из этого сырья и вскоре принес Леликову первые образцы — серые твердые кубики.

— Будем заливать цементом пробоины в баржах.

Придет время — и каменные дома начнем строить, — убежденно говорил Леликов.

Вот он уже и приготовил себе новую отрасль производства. А ведь о ней тоже придется беспокоиться, завести на стене кабинета еще один график, добиваться выполнения еще одного плана, который, конечно, будет «спущен», как только Никишов в главном управлении строительства узнает об этом шлакоцементе.

— Конечно, приятно нестись с такой скоростью по ледяной трассе, — сказал Леликов, и глаза его блеснули (наверно, он хотел сказать мне что-то особенно интересное), — конечно, приятно...

И в этот момент он ударился шапкой о крышу кабины.

— Ну, уж будет от меня этим эксплоатационникам! Так вот что я хочу сказать. Конечно, приятно так лететь по тайге... провались они, эти эксплоатационники!.. Но я ставлю перед собой задачу: зачем нам возить уголь издалека, надо разыскать его в самой Зырянке. Если есть уголь в горах, если он есть и здесь, где мы едем, под нами, — почему бы ему не оказаться и под Зырянкой? Я уже начал сверлить скважину, пока что идут наносные породы. Но ведь когда-нибудь мы доберемся и до коренных. Как ты полагаешь?

Я полагал, что Леликов доберется до коренных пород, и это его еще больше воодушевило.

— В этом году мы и реку переделываем, — объявил он.

На несколько перекатов, особенно много насоливших речникам, Леликов направил отряды гидротехников. Этими отрядами руководил Телякевич, тот Телякевич, который когда-то мечтал об освоении верхнего плеса Индигирки. Во льду проток гидротехники пробивали проруби и строили подводные тальниковые заборы. Ходовые протоки оставались свободными. По мере того как подледные тальниковые заборы постепенно перехватывали русла боковых проток, в ходовой протоке прибавлялась вода, поднимая лед и прочищая и углубляя занесенное илом дно.

Я вспомнил эпизод минувших дней. Однажды, на опасном перекате, сели на мель сразу несколько пароходов. Снять их с мели казалось невозможным. С Лены на Колыму привезли самолетом опытного специалиста-капитана. Это был невзрачный на вид старичок. Он осмотрел место аварии, распорядился из озера на берегу прокопать канаву в реку и перегородить брезентами русла боковых проток. Когда это было сделано, разрушили перемычку в канаве, вода из озера и из боковых

проток хлынула в ходовую протоку и сняла с мели пароходы.

Однако не у каждого переката на берегу было озеро, и не всякую протоку можно было перегородить брезентом.

— Но самое интересное у нас вот что, — заметил Леликов: — геологи нашли по соседству с Зырянкой огромные запасы железа. Ты понимаешь, что это значит? Угольные пласты — и рядом железная руда.

Я понимал: это означало металлургический комбинат и город будущего.

Впереди появились дымки поселка, тайга расступилась, и машина, замедлив бег, вкатила на черный от угольной пыли двор зырянской автобазы.

— Вот мы и приехали. А ну-ка, взглянем. — Леликов, откинувшись на спинку сиденья, достал часы. — Все то, о чем я тебе говорил, будет сделано, — продолжал он, глядя на часы. — Это так же верно, как и то, что я прокатил тебя по таежной ледяной трассе со скоростью шестьдесят километров в час. Можешь сам посчитать. — И Леликов протянул мне часы.

Поселок Зырянка начал строиться на Колыме в 1937 году и в атласе Колымы первоначально не значился. Он был основан водниками, пришедшими сюда с Лены уже после экспедиции гидрографов, впервые составлявших атлас этой реки. На ровной площадке у впадения реки Ясачной в Колыму, в лиственничной роще, речники строили не таежные избушки с неопиленными углами, а аккуратные красивые здания, располагая их по плану. Это были первые красивые дома на берегу Колымы.

Поселок обещал стать культурнейшим населенным пунктом на реке. На берегах Колымы имелось всего четыре старых поселка, два из которых — Средне-Колымск и Верхне-Колымск — громко именовались городами. В низовьях стояли два еще более незначительных поселка — Нижние Кресты и Нижне-Колымск. Эти четыре поселения располагались на участке протяжением в восемьсот километров.

Зырянку начали строить по соседству с самым верхним поселком — Верхне-Колымском, в ста километрах от полярного круга. Место это было выбрано неподалеку от глухих проток, пригодных для зимнего отстоя судов (поселок

ведь строили водники) и с таким расчетом, чтобы сюда было удобно возить уголь из отрогов горной цепи Аргатасс, серебрившейся в отдалении над тайгой.

Места были привольные, нетронутые людьми. Колыма, прорвавшись в верховьях через горные ущелья, здесь протекала по огромной колымской низменности. Острова с зарослями тальниковых кустов, а у самой воды — рощами высоких светлоствольных канадских тополей делили реку на множество широких и узких проток.

Повыше Зырянки росла даже и береза, поднимаясь яркой шумливой макушкой метров на двадцать от земли.

Строители Зырянки пришли в такую же буйную и местами почти непроходимую тайгу, в какую за полсотни лет до наших дней вступил Черский — первый русский геолог, побывавший на Колыме.

Знаменитый исследователь северо-востока Сибири XIX века и политический ссыльный Иван Дементьевич Черский в 1891 году вместе с женой, верным его другом и помощником, пересек индигирскую и колымскую тайгу и проплыл по Колыме на лодке. В лодке очень трагически и оборвалась его жизнь.

По удивительному совпадению труднейший маршрут Черского пролегал как раз по тем местам, где впоследствии, в наше время, развернулась шумная стройка дорог, поселков, горных предприятий. На берег Колымы Черский вступил там, где сейчас стоит Зырянка.

Поселок строился так. Несколько лет в болото между новыми домами укладывали речную гальку и песок, которые возили автомашинами. Затем, под откосом берега, установили транспортеры, и галька потекла вверх непрерывной струей.

Первая машина с углем пришла по льду реки Зырянки еще в старый поселок, стоявший около впадения Зырянки в Колыму. И сейчас еще там можно увидеть полуразвалившиеся таежные избушки. Машину со своим, колымским, углем встречали с красными флагами.

В новом поселке Зырянке уголь идет в топки котлов теплоэлектроцентрали. Построена она при участии всего населения. В траншеях, выдолбленных в вечной мерзлоте, проложены трубы, и пар по этим трубам течет в дома к батареям центрального отопления. В квартирах загорелись электрические лампочки. Летом на пристани работают транспортеры. В мастерских затона и автобазы пришли в движение современные станки.

Неподалеку от Зырянки зимой работает артель рыболовов.

Вырос свой лесозавод с пилорамой и локомобилем. Летом пароходы буксируют к Зырянке тяжелые плоты из лиственничных бревен. Зырянские лесоматериалы начали отправлять к северным новостройкам Колымы. Даже в Певеке, на далекой Чукотке, теперь строят из зырянского леса.

Поднимитесь на самолете над Зырянкой — и перед вами откроются теряющиеся в золотистой дымке пространства тайги. Среди таежных зарослей проступят белые пятна озер и змейки речек и проток. Можно долго лететь над простирающейся повсюду безлюдной, болотистой летом тайгой. И только на крохотном клочке земли, среди озер и лесов, на стрелке у впадении реки Ясачной в Колыму, вы увидите сгрудившиеся постройки — культурный островок среди таежных дебрей Колымы.

Десять лет назад в едва определившемся поселке родилось пятнадцать детей, а в истекшем году — шестьдесят пять. В начале войны в детском саду воспитывалось сорок ребят, а сейчас — почти вдвое больше. В полтора раза выросла за эти годы жилая площадь и в два раза — население поселка.

Сейчас здесь стоит прекрасная новая школа с паровым отоплением, просторными классами и гимнастическим залом. Но и этой новой школе опять надо расширяться. Строители не поспевают за бурно развивающейся жизнью.

Отвоевывая у тайги каждый метр земли, неподалеку от Зырянки огородники создали небольшую сельскохозяйственную базу Соболох и совхоз Родчево. Летом здесь, в ста километрах от полярного круга, стоят длинные жаркие дни. Репа, капуста, картофель, редиска, морковь вызревают прекрасно.

Летом в Зырянке царит особенное оживление. На рейде Ясачной стоят многочисленные баржи. Приходят и уходят пароходы, буксируя суда или плоты заготовленного в верховьях леса. На набережной вырастают высокие штабели бревен. Поодаль от поселка, у огромной гряды угля, привезенного сюда зимой из угольного района, день и ночь кипит работа — черный поток по транспортерам льется в трюмы, на палубы барж. Баржи грузятся мукой, крупой, сахаром. Все эти грузы по голубой речной дороге пойдут в верховья Колымы или на север, в арктический порт Амбарчик.

Пионерами Зырянки, как уже сказано, были водники. Они пришли на Колыму с Волги, Лены, Енисея. Сейчас живут здесь и связисты, и строители, и автотранспортники, доставляющие уголь к пристани.

Уголь, кокс, лес, автотранспорт, учреждения водного транспорта и организации снабжения, будущее железо и будущие важные для страны металлы — все это требует новых и новых строек, новых людей. В 1946 году программа строительных работ в Зырянке оказалась уже в полтора раза выше, чем в предыдущем. Начавшийся период мирного строительства открывает перед скромным таежным поселком большое будущее. В строящихся домах, в новых улицах, в растущих новых предприятиях легко обнаружить контуры этого будущего.

Разрастаются и другие колымские поселки. В атласе реки Колымы есть любопытная деталь. Проплывая в начале тридцатых годов мимо поселка Нижние Кресты, стоящего в низовьях реки, гидрографы записали. «Заимка Кресты. Домов 4, амбаров 5. Проживают: летом 2 семьи — 8 человек, зимой 3 семьи — 15 человек. Собак зимой: 48 штук».

Через десять лет я увидел на этом месте шумный поселок со школой, банком, физкультурными площадками.

Город построен

ПРИЕХАВ после очередных таежных приключений в свою магаданскую квартиру, я с наслаждением ходил по асфальтированным тротуарам, бывал в тихом, уютном читальном зале магаданской библиотеки, поглядывал по вечерам на разноцветные окна многоэтажных домов. Все блага культуры были в этом городе, по соседству с колымо-индигирской тайгой и «полюсом холода», за три тысячи километров от ближайшей железной дороги. А ведь и здесь, на берегу бухты Нагаево, всего несколько лет назад тянулась нетронутая человеком тайга, кусочек которой сохранился теперь лишь в магаданском парке культуры и отдыха. Если бы на берегу бухты Нагаево в те дни, когда с борта парохода здесь сходили первые строители города, родился ребенок, он бы сейчас, в 1946 году, учился лишь в шестом классе школы. Так молод город Магадан.

Впервые я увидел Магадан летом 1943 года. Незадолго перед этим мы ушли с дикой тогда Индигирки. Я привык к буйной тайге, к бревенчатым домам, к жизни таежных поселков, напоминающей жизнь арктических зимовок, и с волнением ждал появления города.

Машина под вечер поднялась на невысокий перевал, и перед моими глазами внезапно раскинулась долина со множеством ярких электрических огней. После тайги эта панорама ночного города буквально потрясла меня. Мы неслись по шоссе, а впереди уже явственно обозначались этажи домов со сверкающими окнами, толпы людей прогуливались по улицам. Здесь, в этой гористой тайге, стоял современный город! Сколько мыслей и чувств о силе и могуществе нашей страны, нашего народа вызвала у меня в тот вечер панорама ночного Магадана.

Позже, когда я уже привык к этому контрасту, одна из встреч заставила меня с новой внимательностью приглядеться к нашему городу.

Это было в первый день 1946 года. В ложу магаданского театра вошел хорошо знакомый нам всем плотный человек в генеральской форме со многими орденами и золотой звездой Героя Социалистического Труда — начальник строителей Дальнего Севера Никишов. Вместе с ним была женщина в морском кителе.

Первый день нового года совпадал в Магадане с радостным днем победного завершения годового плана. У всех было приподнятое настроение. Никишов, стоя в ложе и обращаясь к публике, громко сказал:

— Разрешите, товарищи, во-первых, поздравить вас с новым годом и, во-вторых, представить вам первую женщину-капитана дальнего плавания Анну Ивановну Щетинину.

...За несколько лет до войны советские газеты обошла фотография: женщина в морской форме на капитанском мостике. Это была Анна Ивановна Щетинина, капитан дальнего плавания, водившая морские суда в дальневосточных водах. Но до сих пор мне не представлялось случая встретиться с этой единственной в мире женщиной-капитаном.

Дня через два я отправился на корабль Щетининой. Корабль был огромный. Подъезжая к нему в машине по льду бухты, я с уважением оглядывал его.

— Анна Ивановна, к вам, — доложил старший помощник.

Каюта была матово-светлой и строгой. На столе лежали кружевные салфетки, на диване — две вышитые черные подушки.

— У меня нет ничего интересного, что можно было бы рассказать для газеты, — быстро и холодно сказала Анна Ивановна Щетинина.

Предо мной была невысокая, сдержанная женщина. Густые волосы ее стягивала шелковая сетка.

— Впрочем, если хотите, задавайте вопросы.

Вопросы носили строго официальный характер, и на них следовали скупые ответы. Анна Ивановна начала плавать девятнадцать лет назад. Она прошла все ступени, от матроса до капитана. Впервые она появилась на капитанском мостике, как командир корабля, в 1935 году. Три года спустя начала заниматься в Ленинградском институте инженеров водного транспорта. Здесь ее застала война. С четвертого курса она ушла снова на капитанский мостик. Плавала на Балтике. Ее судно не раз подвергалось бомбежкам. Позднее ее снова перевели на восток. Вот и все. Сейчас ей, если это так интересно корреспонденту, тридцать восемь лет.

— И во всем этом нет решительно ничего необыкновенного... Никакой романтики, уверяю вас, — несколько запальчиво заметила моя собеседница.

Я осторожно промолчал.

Капитан дальнего плавания Анна Ивановна Щетинина.

— И потом скажите, пожалуйста, почему о море обычно пишут таким неестественным языком? Обязательно приплетут надуманную романтику... Мне, например, вовсе некогда любоваться волнами. Я просто начинаю сердиться, когда приближается шторм, потому что это значит, что людей ждет тяжелая работа, большие неприятности. Зачем же выдумывать и приукрашивать?

Здесь капитан Щетинина назвала несколько известных

писателей и журналистов. Я мог убедиться, что Анна Ивановна не только знает литературу, но умеет остро критиковать литераторов.

— А «Капитальный ремонт» Соболева? Там ведь тоже много красивого?

— Замечательное произведение! — тотчас откликнулась Щетинина. — А красивого там в меру — и это хорошо. К тому же у Соболева характеры людей показаны очень правдиво.

Лицо женщины оживилось.

— Вы спрашивали, почему я пошла на море. Я никогда не могла ответить на этот вопрос. Чем привлекает море? Холодная, бурная стихия не может вызвать к себе романтической любви, нет...

— Но ведь вы плаваете давно и не собираетесь расставаться с морем?

— Не собираюсь. Я скажу так: просто нужно было работать, и я пошла работать на море. Теперь это моя профессия. Но тут нет никакой романтики. Это так же, как для какого-нибудь инженера строить мосты. Сколько раз, например, я ходила на Камчатку и обратно во Владивосток почти так же, как служащие каждое утро ходят на работу...

Щетинина на секунду примолкла и, улыбнувшись, добавила:

— Правда, не совсем так, но есть много схожего... Бывала и в ваших краях. В первый раз в бухту Нагаево мы заходили в 1927 году, брали воду из ручья. Вокруг была тайга. Затем зашли в бухту еще раз через три года. Тогда уже на берегу стояли три домика. Через четыре года я увидела здесь палаточный поселок...

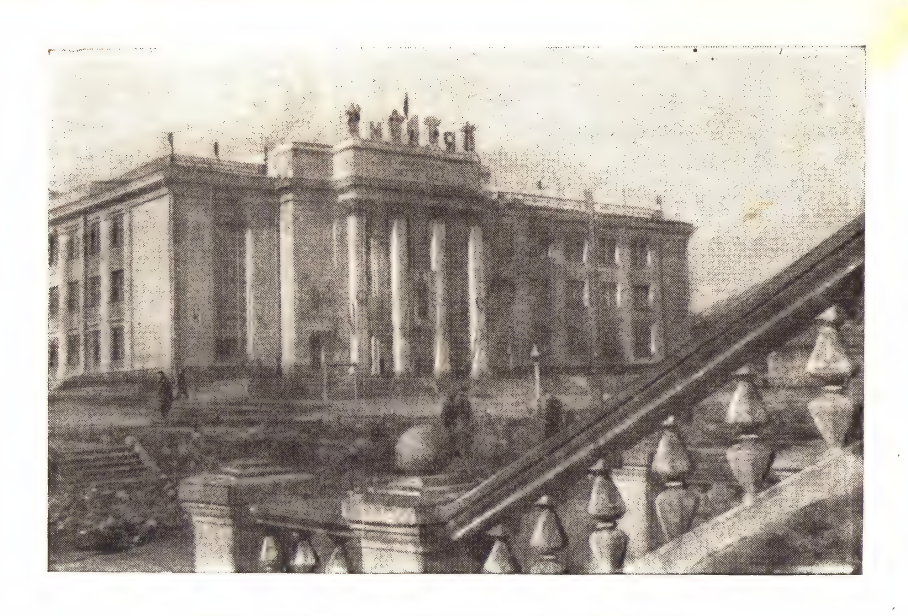
— А теперь здесь стоит сверкающий по вечерам огнями современный город, — докончил я.

— Да, — задумчиво подтвердила женщина и, помолчав, тихо прибавила: — Да... И вот в этом есть настоящая романтика, пусть суровая, но подлинная... Романтика освоения Севера... Романтика рождающихся городов...

Так мне удалось встретить человека, на глазах которого рождался Магадан.

В нашем городе жил человек, который несколько лет назад первый предложил развернуть новое строительство на берегу бухты Нагаево, именно там, где сейчас стоит Магадан.

На груди этого человека сейчас блестит золотая звезда Героя Социалистического Труда. Он ученый, но недавно на

Дом культуры имени Горького в Магадане.

художественной выставке в Магадане мы видели его картины. Это были пейзажи Колымы. Осенняя, золотая тайга жила на полотнах художника. Так мог писать только человек, хорошо узнавший и полюбивший природу Колымы. Этим человеком был геолог, лауреат Сталинской премии, Герой Социалистического Труда Валентин Александрович Цареградский.

Он ступил на дикое побережье Охотского моря 4 июля 1928 года в составе первой экспедиции советских геологов на Колыму. Тогда Цареградский был молодым человеком. На его долю выпала тяжелая, полная опасностей работа — исследование Ольского побережья. Впоследствии во главе нескольких экспедиций геологов Цареградский побывал всюду, где теперь легли дороги, выросли заводы, поселки, горные предприятия, — и в верховьях Колымы, и в среднем ее течении, и на Индигирке, в районе Усть-Неры. Восемнадцать лет он провел в этом крае. На его глазах и при его участии самая недоступная некогда часть Советского Союза — северо-восток Сибири — превратилась в плацдарм великой стройки и героической борьбы советского человека за осуществление сталинских пятилетних планов переустройства нашей родины. Вместе со своими товарищами по профессии Царе-

градский проник в вековые тайны природы и раскрыл геологические законы строения огромной горной страны, раскинувшейся на северо-восток Сибири.

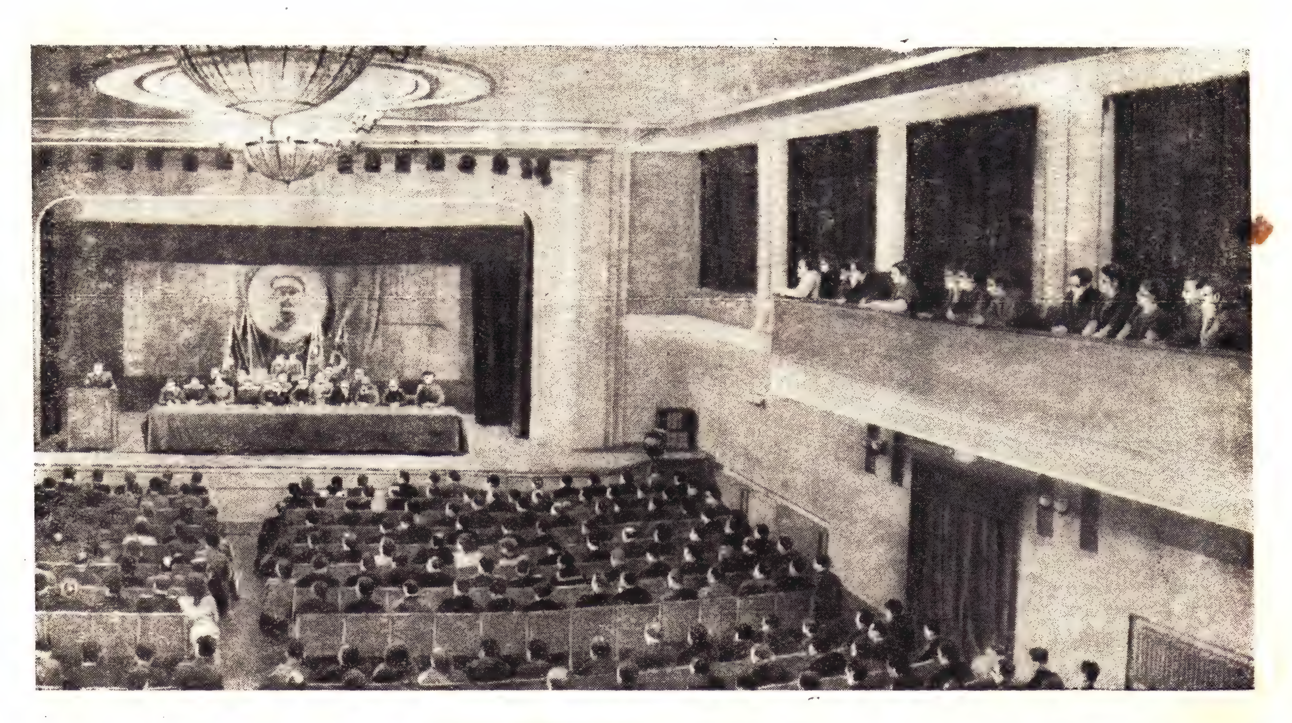
Первые же неопровержимые данные о больших запасах полезных ископаемых, добытые экспедицией Цареградского 1930—1932 годов, решили судьбу освоения далекого края. И уже в феврале 1932 года с борта парохода «Сахалин» на лед бухты сошли первые строители. С той поры ежегодно увеличивался поток людей и современных механизмов к далекой северной бухте. Летом и зимой с помощью ледоколов Главного управления Северного морского пути в Нагаево приходили целые караваны судов.. Зимой грузы подавались прямо на лед бухты. От берега к пароходам и ледоколам вилась автомобильная дорога, отмеченная вешками (позже ее осветили электролампами).

Сурово встречал людей Север. Пурга заметала дорогу по льду, машины останавливались. Однажды в такую пургу люди оставили застрявшие машины и ушли к берегу. Трое из них сбились с пути и не дошли до жилья. Отряды спасателей немедленно двинулись на их поиски, но поиски оказались тщетными. А к утру ветер прекратился, засверкало солнце. На улицы поселка высыпали ребятишки с санками, чтобы покататься с высокого снежного бугра, выросшего за ночь метели. Между тем спасатели не прекращали поисков и на всякий случай попробовали раскопать даже этот, облюбованный детворой, бугор. Под снегом они обнаружили укрывшегося тулупом человека. Он не нашел жилья буквально в десяти шагах от барака. Жизнь его удалось спасти. Двух остальных нашли позднее замерзшими.

Но ни сумасшедшая пурга, ни жесточайшие морозы не останавливали строителей. Люди взрывали скалы около самого моря, отвоевывая у гор ровную площадку для причалов порта, проводили в тайге дороги и в тайге же планировали улицы города.

Вот уже составлен архитекторами проект дома с колоннадой и скульптурами, с большими залами и светлыми комнатами. Это будущий Дом культуры имени Горького на проспекте Сталина — краса и гордость Магадана.

25 декабря 1931 года в поселке Нагаево начинает выходить один раз в шесть дней тиражом в тысячу экземпляров первая местная газета — «Орачельско-эвенкская правда». Затем она преобразуется в большую ежедневную газету «Советская Колыма».

Зал магаданского Дома культуры.

Город Магадан. Первомайская

16 марта 1932 года в тайгу, в горы, уходит первая автотракторная колонна. Шесть суток пробивалась она на Яблоновый перевал, куда сейчас автомашины взбегают по серпантинам дороги за несколько минут.

Так строился Магадан.

Он вырос перед войной, этот новый город с многоэтажными каменными домами, отопляемыми паром из централизованных котельных, с красивыми улицами, стадионом, парком культуры и отдыха, большой школой-десятилеткой, с заводами и фабриками. В Доме культуры имени Горького разместились драматический театр, городская библиотека, кинозал, выставочный зал. Вырос клуб профсоюзов. Строятся столовые, механизированный хлебозавод. Город среди сопок приобретает строгие, красивые и своеобразные черты. Новые дома возводятся с таким расчетом, чтобы к северным ветрам были обращены глухие стены, а большинство окон выходило на юг.

В 1941 году создается большой генеральный план развития города.

В магазинах появляются изданные в магаданском издательстве «Советская Колыма» новинки художественной литературы — повести, рассказы, романы наших лучших писателей. В детских отделах продаются игрушки и елочные укра-

демонстрация 1946 года.

шения, сделанные на колымском стеклозаводе. Продукция стеклозавода — графины, стаканы, масленки, тарелки — вместе с ножами и вилками местного производства украшает посудный отдел универмага. Во время войны в окна новых домов вставляют стекла, изготовленные все на том же таежном стеклозаводе.

Потом наступает день, когда Никишов ввинчивает в настольную лампу своего кабинета первую изготовленную на Колыме, да и на всем Дальнем Востоке, электрическую лампочку. Вслед затем лампочки собственного колымского производства вспыхивают в домах Магадана и таежных поселков.

Только на Севере, в те моменты, когда почему-либо не удается забросить очередную партию грузов, начинаешь понимать, какую большую роль в нашей жизни играют различные мелкие вещицы, которых обычно почти не замечает человек. Попробуйте прожить без пуговицы, без ваксы, зубного порошка, шнурков для ботинок, ложек, вилок, стаканов, ручек и многих других мелочей. Лишения покажутся очень значительными. Мы, северяне, впервые во время войны почувствовали, что это значит. И вот все это стали производить на Колыме, в заводских цехах и мастерских.

Впрочем, во время войны здесь начали делать не только пуговицы, но и токарные станки, варить собственную сталь

на Оратуканском заводе, изготавливать шахтные лебедки, насосы, электромоторы, стекло, шлакоцементные блоки для строительства домов, изделия из пластмассы, высоковольтные изоляторы, жидкое стекло, электросверла для бурения вечной мерзлоты.

Не будем продолжать перечисление продукции, которую начали выпускать во время войны молодые предприятия Колымы и Индигирки близ «полюса холода». Это займет несколько страниц.

Надо только напомнить, что каждая новая пуговица доставалась в тайге той же высокой ценой исканий и новаторства, как, например, и шлакоцемент на предприятиях моего зырянского друга Александра Емельяновича Леликова.

Стеклозавод в тайге

В ТАЙГЕ, около дороги, неподалеку от Магадана, стоит стеклозавод, самый северо-восточный стеклозавод страны.

Были дни, когда завод этот едва не заглох, — нечего стало варить в печах, и люди, строившие в тайге заводские здания, печи, газогенераторные установки, затосковали.

Одним из этих людей был химик, директор завода, живой старик с колючей, плотной бородкой. Второй — мастер-стеклодув Бабейкин. В Бабейкине директор находил неутомимого слушателя. Оба могли просиживать ночи, копаясь в книгах и обсуждая тонкости стекольного производства. Это было творческое содружество: один любил учить, второй страстно хотел учиться.

Но все, что можно было переплавить в печи, — бой старого стекла, собранный по всей Колыме, — было уже переплавлено. В папках хранилось официальное заключение лаборатории, утверждавшее полную невозможность использовать местное сырье — вулканический пепел, целую сопку белого песка, лежавшую рядом с заводом. Да и в самом деле, никто и нигде до сих пор не варил стекла из такого сырья.

Накануне остановки завода старик-директор и мастер сами отправились к сопке с песком. Они решили подвезти полтонны песка на завод и тайно от всех подсыпать вулканический пепел в остатки стекольного боя. Вдруг что-нибудь выйдет?

В эту ночь ни тот, ни другой не ушли из цеха. Первые минуты их опыта были просто страшными. Директор расхаживал по цеху и время от времени ладонью снизу вверх

Самый северо-восточный стеклозавод страны. Слева—его директор Бабейкин.

вздыбливал колючий клинышек бородки. Это был жест раздражения, и, глядя на директора, Бабейкин тоже начинал нервничать. Куча шихты в раскаленной белой ванне печи, как и полагалось шихте, стала расползаться. Старик подошел, посмотрел.

— А ведь плавится, — громко сказал Бабейкин, перекрикивая шум пламени.

Оживленное лицо его налилось жаром от высокой температуры около печи, словно он только что парился в бане.

Не отвечая, директор отошел и снова зашагал по цеху. Теперь он легонько пощипывал бородку. И эта манера была знакома Бабейкину — хороший признак, дело идет на лад.

Утром Бабейкин ходил между рабочими и сдержанно спрашивал, как сегодня стекло.

— Стеклю — как стекло, — равнодушно отвечали ему.

А у Бабейкина, внешне спокойного, в душе звучал целый оркестр из всех оттенков человеческой радости. Вулканический пепел вместе со стекольным боем мог давать стекло. Значит, завод будет жить, расти, развиваться. Шутка ли сказать, целая сопка сырья рядом с заводом!

За первой радостью пришли дни упорного труда. Увеличенные количества новой шихты неожиданно дали «рух» стекла — кристаллизацию всей расплавленной в ванне массы. Снова рылись по ночам в формулах, делали опыты и в конце концов добились улучшения продукции.

Завод стал расти. Начали расширять цехи, перестраивать производство. Сложнее становилось дело, и усложнялись отношения между людьми.

Бабейкин с простой радостью ждал большого завода. Директор нервничал: он собирался уезжать, а при крупных масштабах необычное сырье могло «закапризничать». Это надолго задержало бы его отъезд.

Так первая, внешне почти незаметная трещина разделила людей. Пришло время, когда трещинка превратилась в пропасть. Толчком послужил выбор способа отжига продукции на новом заводе. Директор предложил свою, сложную и дорогую конструкцию. Бабейкин выдвигал другой, более дешевый круг отжига.

Директор насупился.

— Ваш круг был изобретен раньше, — говорил он Бабейкину, — и, значит, это более отсталый способ.

Упершись остреньким взглядом в собеседника, Бабейкин возражал: жизнь требует строить такой круг. Теперь он уже был искушенным специалистом и мог спорить со своим учителем, используя у него же приобретенные знания.

Когда, построив круг, привели в движение механизм, радостный Бабейкин кинулся в контору к директору.

— Идемте скорее смотреть, круг-то пошел! — крикнул он с гордостью.

Директор нахмурился и, отвернувшись, мотнул головой. Уехал он с завода, так и не взглянув на бабейкинский круг отжига. Упрям был старик, не захотел признать правоту ученика.

Завод между тем все разрастался и вырос втрое. К концу войны здесь стали варить стекло, к какому стремились давно, — почти белое, кварцевое. Для этого пришлось разыскать месторождение кварца высоко в горах. Кварц возили оттуда на завод и дробили его, превращая в песок.

Однажды в большом кабинете Никишова Бабейкин (теперь уже директор завода) должен был ответить, сможет ли завод освоить трудную в производстве продукцию — стеклянные высоковольтные изоляторы. Ответить было трудно, куда сложнее, чем тайком от людей, ночами делать

Парк культуры и отдыха в Магадане.

опыты и после уже докладывать готовые результаты. Надо было сию минуту сказать, каков будет конечный результат вереницы опытов, бессонных ночей.

— Сделаем, — сказал Бабейкин.

К июню 1945 года завод выпустил более четырех тысяч высоковольтных изоляторов.

Искатель

С НЕКОТОРЫХ пор с таежных горных предприятий в Магадан все чаще и чаще начали поступать требования на буровую сталь. Перфораторные молотки горняков долбили кварц, гранит, вечную мерзлоту, твердую, как камень. Буры изнашивались быстро. Но сталь в военное время требовалась фронту. Тогда на магаданский авторемонтный завод поступил срочный заказ. Надо было изготовить буровые коронки. Применение их могло сэкономить сотни килограммов дефицитной буровой стали.

Инженер-технолог Савищенко, редко вылезавший из цехов и потому таскавший в кармане спецовки мягкий комок

обтирочного материала, которым он постоянно стирал масло и сажу с очерствевших от работы пальцев, с первым опытным образцом провозился целый день. Затем начались поиски более совершенного способа, при котором можно было бы изготовлять не одну, а десятки коронок в день. Инженер решил применить свой излюбленный метод — горячую штамповку. Это обещало выпуск большого количества коронок в самый короткий срок.

Главный инженер завода Поздняков сказал коротко:

— Хорошо.

Там, где его подчиненные стремились добиться ускорения процесса производства, он всегда был на их стороне. Но штамповать сталь У-8, из которой предстояло изготовлять коронки, не так-то просто: она была почти такой же твердой, как и сталь самого штампа. И хотя главный инженер сказал «хорошо», другой серьезный оппонент возражал против этого способа. Сильные удары пневматического молота при штамповке, говорил оппонент, приведут к образованию микротрещин в коронке.

В разговор о возможных микротрещинах вмешались несколько инженеров-металлургов. Они стали на сторону Савищенко.

И вот, начались опыты. Технолог подолгу не уходил из кузнечного цеха. Деталь оказалась не из легких — «кудрявой», как говорят в таких случаях инженеры-технологи. Над формой штампов приходилось порядком подумать.

Главный инженер торопил. Савищенко осторожно объяснил:

— Хочу штамповкой давать коронку в окончательном виде, опыты необходимы.

— Мы — производственники, — жестковато ответил главный инженер, — искать новое надо, но скорее, скорее. Мне нужна заводская продукция, а не опытные образцы.

Штамповка на заводе давно уже вошла в практику, экономя труд рабочих и освобождая станки. Для Савищенко внедрение каждого нового штампа было связано с постоянно чередовавшимися огорчениями и радостями, неизбежными там, где ищут новое. Штампы для буровой коронки не являлись исключением.

Главное, впрочем, уже было сделано — родились два штампа, из которых коронка выходила почти в готовом виде.

У финиша лыжных соревнований в Магадане. „Мы хотим быть такими же, как и вы“,—говорят будущие лыжницы победителю соревнований.

Но инженер работал над третьим, который бы совершенно исключил станочные операции. Наконец, и этот, третий штамп был готов.

Савищенко по своему обычаю находился в кузнечном цехе, когда начали окончательную штамповку коронок. Он

казался спокойным, уверенным в своей правоте человеком. Но горькая неудача подстерегала его: после первого же удара пневматического молота пуансон — верхняя, самая ответственная часть нового штампа — сломался.

Причину неудачи обнаружили сравнительно быстро: был взят неподходящий материал для штампа, но это не избавило Савищенко от неприятного объяснения с главным инженером.

— Дорогой Николай Терентьевич, — укоризненно сказал тот, — инженер должен все предусматривать. Как хотите, а завтра же коронки надо запускать в производство.

Завтра же... А ведь вопрос о микротрещинах все еще оставался открытым. Савищенко решил первую партию коронок штамповать на тех двух штампах, которые давали коронку в не окончательном ее виде, затем пропустить их через станочную операцию и сдать на лабораторный анализ, чтобы покончить с разговорами о микротрещинах. Сам же он тем временем намеревался завершить разработку технологии.

...Когда мы вместе с Савищенко появились утром в цехе около опытной партии коронок, мысли инженера были заняты именно этим третьим штампом, и потому, может быть, его не особенно волновал предстоявший лабораторный анализ. Но мне, признаться, не терпелось заглянуть в окуляр микроскопа и самому ознакомиться со структурой стали У-8, подвергшейся сильным ударам молота. Коронку разрезали пополам, и мы вместе с Савищенко понесли образцы к начальнику заводской лаборатории. Это был специалист металлург, спокойный, неторопливый человек, разговаривавший обстоятельным языком ученых трудов. Заключение его значило многое.

Савищенко весело сказал:

— Помните, основываясь, в частности, на вашем мнении, мой оппонент утверждал, что ковка молотом стали У-8 приведет к появлению микротрещин. Но теперь вам надо... доказать обратное. — И Савищенко положил перед металлургом две половинки коронки.

Металлург осматривал образцы, тихим и спокойным голосом спрашивая о деталях штамповки.

— Производит хорошее впечатление, — одобрительно сказал он. — Полагаю, что и результаты исследования будут прекрасными. Вы, видимо, установили правильный режим ковки.

Здание управления строительства в Магадане.

— Я так и думал, — сказал, улыбаясь, Савищенко.

Отполированная до зеркального блеска половинка коронки легла под микроскоп, и внимательный глаз инженера принялся изучать структуру металла.

Я ждал, затаив дыхание.

— Можете посмотреть, — сказали мне, наконец, — можете посмотреть: никаких трещин.

Но вместо того чтоб опустить глаза в окуляр микроскопа, я быстро оглянулся на Савищенко.

Всегда озабоченный и суховатый, он в эту минуту вдруг показался мне похожим на веселого летчика. Он улыбался так, как улыбается пилот, счастливо опустившийся на землю после трудного полета: ласковой и уверенной улыбкой победителя.

Северное упрямство

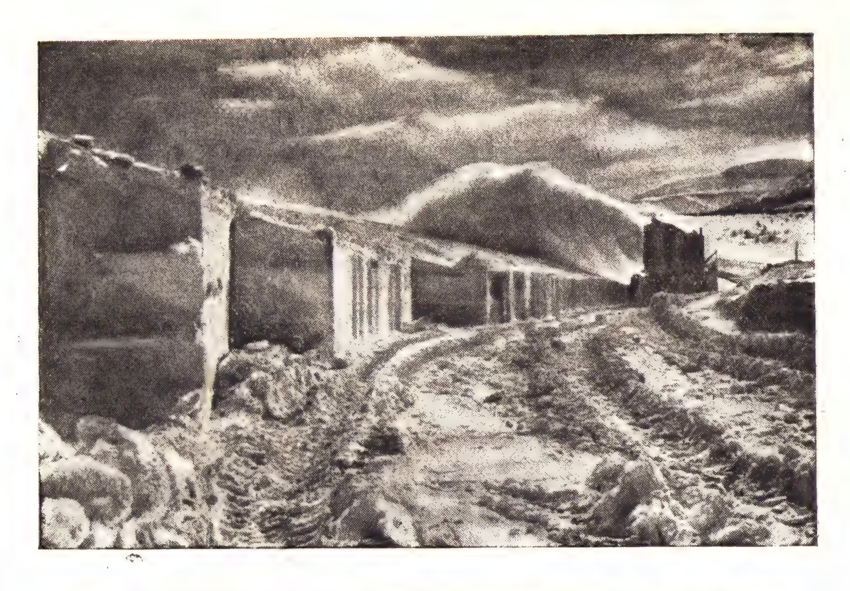
Я СИДЕЛ ночью в типографии, дочитывая последнюю полосу газеты. За окном шумел ветер. Этот шум нельзя было сравнить ни со свистом, ни даже с ревом. Завывание пурги смешивалось с грохотом железных листов крыш, с

хлопаньем каких-то полуоторванных досок. По временам в темных окнах появлялись мгновенные вспышки: это замыкались электропровода. Свет в помещении гас и снова вспыхивал. Наборщики ругались. В комнате, где при ярком электрическом свете версталась газета, поблескивал снег на подоконниках и на столах с набором. И это было не в ноябре, не в декабре и не в январе. Это было в апреле.

Дочитав полосу, я отнес ее выпускающему и приготовился к бою с ветром. Прежде чем выйти на улицу, надо было пройти узкий промежуток между двумя зданиями. Пурга дула как раз в эту щель. Я рванул дверь и вывалился на ветер. С каким-то недоверием к собственным ощущениям я обнаружил, что не могу сделать шаг вперед. Я напрягал все свои силы и не мог выйти из этой щели. Так иногда бывает во сне: хочешь шагнуть — и не можешь. Наконец, я догадался: надо пустить в дело не только ноги, но и руки. Прилипая к стене и цепляясь за все выступы, я дошел до угла. Ветер перевалил мое тело через угол, и я оказался на улице. Еще раз повернув за угол, я вышел на площадь и против воли побежал куда-то в темноту, гонимый нещадными порывами урагана. Я приседал почти на четвереньки и все-таки принужден был бежать в таком странном положении, чтобы не повалиться лицом в снег. Где-то впереди, на углу четырехэтажного здания, был низкий заборчик с узкой калиткой. Пурга оказалась на моей стороне, — в полной темноте я влетел именно в эту калиточку. У противоположного угла здания светилось окно. Свет падал на сугроб. Проносясь мимо, я успел увидеть на гребне освещенного сугроба человека. Яростно цепляясь за снег, он пытался ползти навстречу ветру. Он не хотел сдаваться без борьбы.

Крыши домов грохотали в этой безумной апрельской ночи, призрачные снежные космы хлестали по мостовым. Я мчался к своему дому по пустым улицам, мимо многоэтажных зданий, то в присядку, то выпрямляясь и вновь опускаясь при сильных порывах ветра. И я знал, что в это время около одного из заводов для отправки в тайгу люди должны были грузить отремонтированный паровоз таежной узкоколейной дороги на «Ярославец» — автомашину-тяжеловоз.

Паровоз этот поступил на завод для срочного ремонта. Его втащили в цех, разобрав часть стены. Сутками рабочие не уходили домой и к сроку закончили все работы. Как раз накануне пурги паровоз, — тем же путем, через стену, —

Мощный снегоочиститель освобождает дорогу от сугробов.

вытащили во двор. Теперь его должны были грузить для отправки.

...Утром пурга стихла, и я отправился к заводу. Чем дальше я шел, тем выше вырастали борта сугробов, глубже становилась расчищенная траншея. На повороте я попал в ущелье. Снежные пятиметровые стены стояли с обеих сторон дороги. Вверху виднелось синее небо. Это ущелье проделали снегоочистители.

Меня ждало интересное зрелище — в снежном ущелье медленно полз тяжеловоз «Ярославец» с паровозом на своей могучей спине. Оказалось, что машина тронулась в тайгу еще во время пурги, но на повороте бедняга «Ярославец» забуксовал, пополз вниз и перевернулся в сугроб. Машину подняли, и сейчас она снова упрямо двигалась вперед, в тайгу. Несмотря на свое «западное» происхождение, она обнаружила настоящий «северный» нрав.

Около «Ярославца» шел начальник городской автобазы Геренштейн. Когда-то давно он пробивался из бухты Нагаево в тайгу без дорог, с первой автотракторной колонной. Строилась трасса, уходя все дальше в горы, и вместе с дорогой уходил в горы Геренштейн. Потом он доставлял сложное горное оборудование по дорогам и без всяких дорог по льду

рек на Индигирку. Наконец, он вернулся в Магадан. Казалось бы, в городской автобазе можно позабыть приобретенные бездорожные навыки. Но вот Геренштейн снова на дороге и снова занят переброской необычайного груза в тайгу. Я поглядел на тяжеловоз: так вот откуда у этого «Ярославца» северное упрямство!

Семья Копейкиных

НАКАНУНЕ выборов в Верховный Совет СССР я искал в Магадане давно осевшую в городе семью, члены которой считали бы этот молодой город родным. Мы задумали рассказать в газете о семье, связавшей свою судьбу с растущим Магаданом.

Задача оказалась очень трудной. Одно дело найти семью старожилов в каком-нибудь древнем городе с тихими улочками и чистенькими, подправленными домами, которым сто, а может, и больше лет. Но в Магадане, в городе, которому всего-то тринадцать лет от рождения, — попробуй найти старожилов, да притом еще целую семью.

В одном избирательном участке мне указали старейших по возрасту избирателей — семидесятипятилетнего Дмитрия Трофимовича Копейкина и его жену Ксению Егоровну.

Как эти старики попали сюда?

Тотчас я сел в машину и отправился к ним домой.

В просторной комнате, на кровати, лежал плечистый худой старик в черной рубахе. Он был болен, но в лице его с окладистой жесткой бородой, лохматыми бровями и глубоко посаженными темными глазами все еще чувствовалась былая сила. Я узнал, что в молодости он исходил алданскую тайгу, мыл золото, плотничал. Так всю жизнь, до революции, проискал свое счастье в тайге. Теперь получал он пенсию, ему помогали родные, и он спокойно жил со своей старухой. Ничего примечательного для газеты в рассказах старика не было.

Я уже собирался уходить, когда Ксения Егоровна, крепкая еще женщина, мимоходом заметила, что есть у нее и дочь, а у дочери муж, а у того мужа еще есть женатый брат, и, кроме них, есть еще племянники и внучата, а у всех у них одна фамилия: Копейкины.

— Да как же так? — удивился я. — У дочери, понятно, ваша фамилия, а почему же, например, и муж ее Копейкин?

— Так ведь, милый человек, мы все из одной деревни

Семья Копейкиных.

и с одной улицы. Жили на той улице, пока люди помнят, одни только Копейкины.

— Вот оно как...

— Вот, видишь, как. Все мы, значит, родственники — Копейкины.

— И все живы?

— А чего ж нам помирать, Копейкиным? От какой такой беды?

Ксения Егоровна говорила тихим, ласковым голосом.

— И где же сейчас остальные Копейкины?

— По разным местам живут наши Копейкины.

И Ксения Егоровна неторопливо стала произносить названия магаданских улиц и номера домов.

— Как, все Копейкины в Магадане? — ахнул я.

— Все в Магадане. Давно уже Копейкины здесь живут.

— Позвольте, позвольте, — заволновался я, вытаскивая блокнот, — сколько же в Магадане живет сейчас Копейкиных?

— А вот давай вместе с тобой и посчитаем. Я тебе буду величать Копейкиных по имени и отечеству, а ты записывай. Смотри только, не сбейся.

Мы начали записывать — и насчитали... девятнадцать Копейкиных в возрасте от восьми до семидесяти пяти лет.

Я не поверил.

— Неужели все девятнадцать Копейкиных живут в Магадане? Почему же до сих пор никто не знал, что в молодом городе с давних пор живет такая большая семья?

— Люди мы простые, без подвигов, — спокойно объяснила мне Ксения Егоровна, — кому о нас ведать?

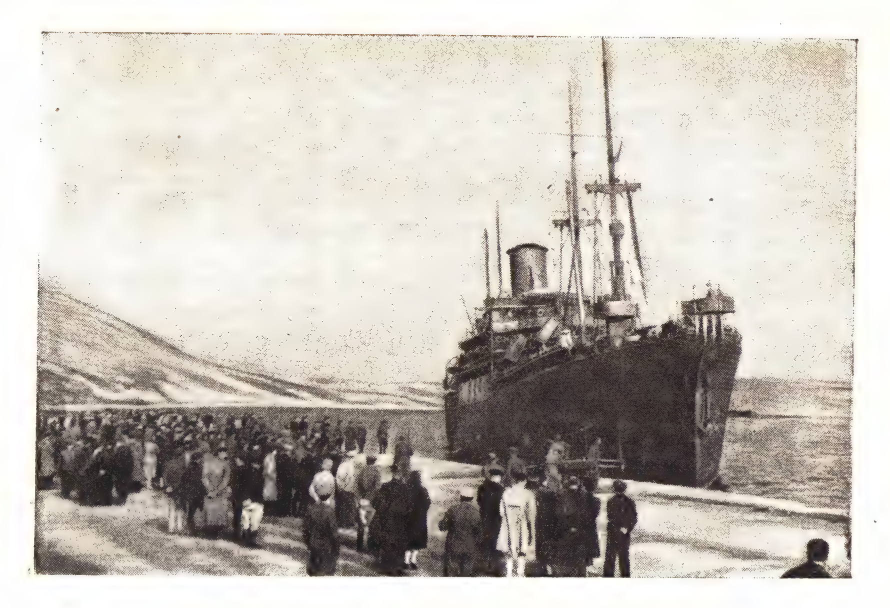
Вот что узнал я от Ксении Егоровны.

В селе Мартынове, неподалеку от Омска, на улице, где до революции стоял пузатый купеческий дом, жили Копейкины. Отцы и деды Копейкины с давних времен ходили на заработки, чтобы выбиться в люди. Сыновья и внуки, те самые, что жили теперь в Магадане, тоже искали счастья на золотых приисках Алдана, по сибирским деревням и селам. Но так из века в век и не мог подняться бедняцкий род Копейкиных. В годы гражданской войны Федор Михайлович Копейкин (ныне сотрудник милиции в Магадане) и его племянник Василий Дмитриевич (ныне орденоносец, слесарь магаданской автобазы) не пожелали гнуть спину перед Колчаком. Ушли они в партизанский отряд, а дома их разрушили белые банды.

Налаживать жизнь сызнова на погорелых местах казалось трудным, обидным, и в 1927 году дядя с племянником и еще с одним родственником, Павлом Прокофьевичем Копейкиным, опять ушли из родного села. Строили дорогу на Алдане, работали на приисках Бодайбо, плотничали. Через три года снялись из села и их семьи и потянулись на шум строительных площадок. А в 1933 году, тринадцать лет назад, сошли Копейкины — стар и мал — с палубы парохода на берег бухты Нагаево. Перед ними лежал палаточный городок, раскинулась оживленная сутолока новой большой стройки.

Вся семья осела на холодной колымской земле. Начали с того, с чего всегда и везде начинали Копейкины, — стали строить. Три года плотничали на рыбных промыслах и вскоре привыкли к новой жизни. Дети выписали из села стариков — мать и отца.

Полдня потратил я, чтобы разыскать и свезти на «эмке» почти всех Копейкиных в городской клуб профсоюзов. Машина наша застревала в сугробах, попадала в скрытые под снегом канавы. Мы откапывали колеса, вытаскивали машину и ехали за следующими Копейкиными. Наконец, все семейство оказалось в сборе.

Пароход с Большой Земли прибыл в Нагаево.

В руках у меня была старая фотография, вынутая из семейного альбома. В 1937 году, девять лет назад, сфотографировались как-то Копейкины в магаданском парке культуры и отдыха. И теперь Копейкины расположились перед моим фотоаппаратом в таком же порядке, как сидели они когда-то в парке культуры и отдыха. Нарядные и улыбающиеся, смотрели они в объектив аппарата.

Те, что девять лет назад были сфотографированы младенцами, теперь учились в школе. Подростки стали взрослыми людьми — рабочими и служащими магаданских предприятий и учреждений. Василий Дмитриевич за самоотверженный труд на Севере был награжден орденом Трудового Красного Знамени, а Павел Прокофьевич — медалью «За боевые заслуги».

— Мы старожилы в Магадане, — объяснял своему приятелю на другой день самый младший, восьмилетний Копейкин. — Нас здесь целых девятнадцать штук...

И, не зная, чем бы еще удивить товарища, уверенно добавил:

— Девятнадцать Копейкиных, и еще будут. Вот увидишь!

До свиданья, Север!

В МАЕ 1946 года мы с женою собрались, наконец, возвращаться в Москву. Только люди, долго прожившие на Севере, могут понять, как велико было волнение, охватившее нас. Сколько лет мы не слышали гудка настоящего поезда, не видели трамвая, метро и тысячи других вещей, которые так обычны для каждого жителя столицы и о которых мы не раз вспоминали в тайге.

Ждали первого каравана: пароходы везли газеты, письма от близких, вести с «материка». Люди передавали друг другу координаты морских судов, с каждым днем приближавшихся к городу. Мы знали, где и какие льды встречены судами, как меняется их курс, на сколько миль удлиняется их путь из-за обхода ледяных полей. Словно невзначай мы несколько раз в день поднимались к верхней части города, туда, где улицы лежали на последнем перевале перед морем. Отсюда был виден лед бухты, искрившийся под лучами майского солнца, и далекая темная полоска моря за льдом на горизонте. В холодной дымке едва проступали в небе очень далекие очертания снежных вершин островов. Но ни дыма, ни темных точек судов все еще не было видно. Я не выдержал и поехал к начальнику порта Вакуленко.

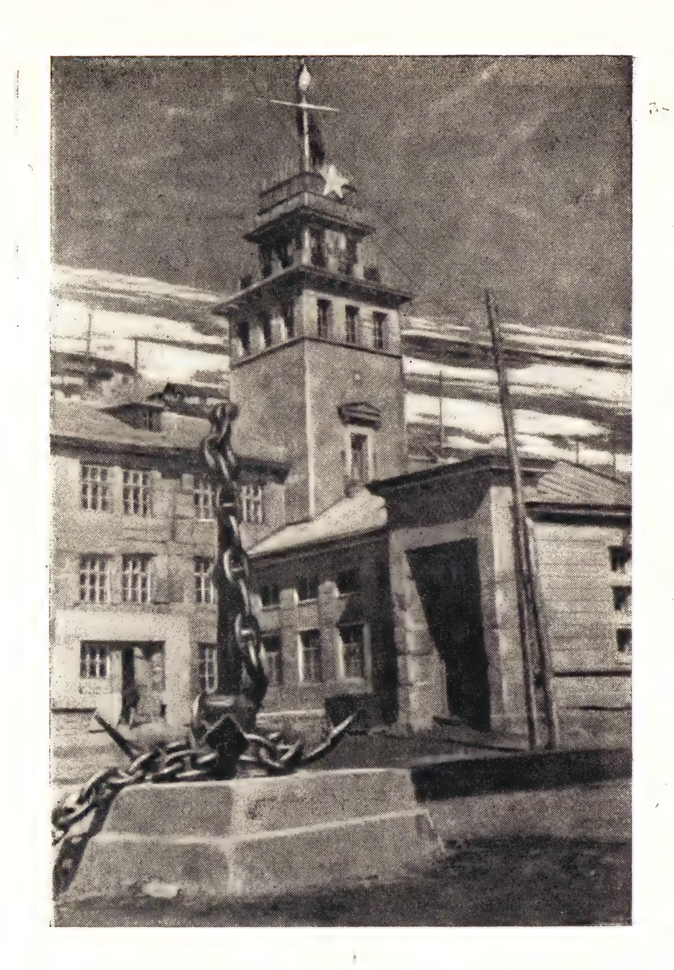
Это был молодой человек крепкого здоровья и жизнерадостного характера. На Север он приехал давно, прямо из армии, но начальником порта стал всего год назад. Ему явно нравилась морская форма, фуражку он носил с едва заметным креном и напускал на себя важности чуть больше, чем следовало.

Я вошел к нему в кабинет, расположенный в недавно построенном на берегу здании морского управления. Месяц назад он водил меня по пустым комнатам, показывая только что вылепленные и свежеокрашенные карнизы, колонны, ниши. Это был настоящий дворец. Теперь начальник порта торжественно восседал за новехоньким письменным столом в нарядно обставленной комнате. Увидев меня, он сразу утерял напускную солидность, на его широком лице появилась смущенная улыбка.

— Где же ты был? — воскликнул он. — Я летал вчера на разведку в море к судам.

Я поглядел на начальника порта и с горечью покачал головой.

— Ну, знаешь, лететь в море и не позвонить в редакцию...

Новое здание морского управления в Нагаево.

— И как я только позабыл! — виновато сказал он.

— Вот теперь и пеняй на себя: были бы у тебя хорошие фотографии, напечатали бы интересный материал.

— А ты знаешь, в чем дело? — неожиданно сказал он. — Теперь я понял: я сам до того увлекся предстоящим полетом, до того это, чорт возьми, было интересно, что я вот так и позабыл. Ты, говорят, уезжаешь?

— Да, представь, еду в Москву.

— Вот же везет людям!

Я блаженно потянулся в кресле, оглядывая залитый солнцем кабинет, панораму ледяной бухты в окнах. И вдруг я увидел далеко над морем расплывшиеся в небе судовые дымки. И мне сейчас же захотелось в последний раз отправиться в северную поездку с фотоаппаратом, пробиться туда, в море, посмотреть, как ледокол врежется в лед. Надо торопиться, если я хочу увидеть борьбу судов со льдом.

— А все-таки интересно, — сказал я, — очень все это интересно...

Я встал.

— Куда так скоро?

— Надо торопиться... Нет ли у тебя машины довезти меня в редакцию?

— Если срочно — найду. Только зачем тебе так срочно?

— Посмотри, — сказал я, указывая в окно на бухту, — идут пароходы. Я должен быть у кромки льда, раньше чем ледокол в нее врежется. Понял?

— Заело, заело! — поддразнивая меня, засмеялся начальник порта и нажал кнопку звонка.

Через десять минут я вбежал в редакцию. В коридоре столкнулся со своим другом, художником газеты Николаем Лобовиковым. Он сразу все понял.

— Пароходы? — спросил он, и я уловил тревогу в его взгляде.

Я знал, откуда эта тревога. Николай всегда рвался в интересные поездки с фотоаппаратом. Удавалось ему это редко. Теперь он с трепетом ждал пароходов, чтобы сделать хорошие кадры, и вдруг увидел, что я тоже собираюсь снимать.

— Да, пароходы, — сказал я, — подходят к ледяной кромке...

Мы пошли с Николаем в его комнату и сели друг против друга.

— Значит, скоро: ду-ду-у... — сказал Николай, подражая паровозному гудку и печально улыбаясь. — Расстаемся с тобой...

Мною тоже овладело лирическое настроение.

— А все-таки жалко уезжать! — сказал я. — Эх, Коля... Но и Москву хочется увидеть...

— Ну, ладно, — твердо сказал Николай, — как другу на прощанье уступаю тебе пароходы. Беги к редактору,

Встреча ледокола „Адмирал Макаров".

скажи, что я занят, проси у него машину и поезжай. А я тебе сейчас заряжу пленку.

— А может быть, вдвоем?

— Двоих все равно он не пустит.

И я побежал к редактору.

Через несколько минут, успев получить от Николая два заряженных фотоаппарата — один свой, другой его, я мчался в «эмке» к бухте.

Я знал, что караван судов ведет наш старый знакомец — ледокол Главного управления Северного морского пути «Адмирал Макаров». Год назад ледокол впервые пришел к нам. Вся носовая часть судна и надстройки представляли собой сплошную глыбу льда. В Охотском море свирепствовали штормы. Вода хлестала на палубу, добираясь до капитанского мостика, и замерзала, образуя ледяные пещеры, мосты, голубоватые наросты. Когда мы с Николаем в тот раз взобрались на ледяные глыбы, мы почувствовали себя на каком-то высокогорном леднике. Сутки вся команда скалывала лед с судна ломами и кувалдами, прежде чем ледокол смог приступить к работе.

Магаданцы очень гостеприимно встретили полярников. Несколько раз моряки бывали в театре в Доме культуры.

Магаданцы отлично знали, что они многим обязаны морякам Управления Северного морского пути. С самого начала строительства города ледоколы помогали строителям осваивать новый край.

...Моя «эмка» вкатила на морской лед. У берега он был покрыт выбоинами, наполненными водой, но дальше становился ровнее. Поверхность его, подтаивая на солнце, стала ноздреватой. Колеса машины шли по льду с шипящим звуком, приминая ледяные иглы и выступы. В одном месте бухту пересекала неширокая трещина, затянувшаяся молодым льдом. Мы благополучно перескочили ее. Нам пришлось проехать километров двенадцать по льду, прежде чем подошли к ледоколу на такое расстояние, когда слышен человеческий голос.

Моряки высыпали на палубу, и мы обменивались дружескими приветствиями. Взволнованный, я взобрался на крышу редакционной «эмки», — отсюда «фотографическая точка» показалась мне наилучшей. «Адмирал Макаров» высился передо мной во всей своей суровой красоте, мохнатый от полярных снегов и льдов, как сказочный дед-мороз. Ледокол врезался в лед и стал медленно пробивать путь к порту.

...**10** мая мы с женой стояли на борту парохода и глядели на здание порта, на толпу людей на пирсах. Все это было смазано снежными космами последней майской северной пурги.

В отдалении маячили дома, строившиеся на наших глазах, и нам не хотелось уходить от метели в теплую каюту.

Мы прощались с Магаданом.

Он вырос на северо-восточной окраине страны, этот красивый город, детище сталинских пятилеток. Он очень далек от Москвы. Просыпаясь утром, магаданцы слышат в своих радиорепродукторах кремлевские куранты, мерно отбивающие полночь.

Придет время, — оно уже недалеко, — и в горах и низменностях, там, где простирается сейчас индигирская и колымская тайга, в южных ее районах и на арктическом побережье засверкают огни новых городов, заводов, металлургических предприятий. Удастся ли мне снова посмотреть, как строится все это?

Острое сожаление об уходящих в прошлое северных приключениях, трудных поездках в снегах, путешествиях с трак-

После ледового рейса.

торными колоннами и ночевках у костров вдруг охватило меня.

Жена тронула рукав моей куртки.

— Знаешь, — сказала она, — в Москве ты, наконец, напишешь о северных героях, а я поступлю в аспирантуру или на курсы усовершенствования и стану настоящим специалистом. А потом можно опять куда-нибудь поехать. Как ты считаешь?

— Наверное, поедем, — сказал я. — Поедем, потому что началась новая пятилетка, и везде опять строят.

Я вспомнил географическую карту нашей большой страны, перед которой мы когда-то стояли, собираясь на Север. И мне снова захотелось в такое место, где начали строить, но где

еще не обозначен рождающийся населенный пункт. Что ж, такое место несомненно найдется для нас, и опять где-нибудь в правом верхнем углу географической карты.

...Пароход дрогнул, начиная свой путь на юг.

— Прощай, Магадан! — крикнул кто-то из отъезжающих.

Я взглянул на жену.

— До свиданья, Север! — сказали мы оба негромко, но в один голос.

СОДЕРЖАНИЕ

Северный затон

Дорога к реке

Два города

Редактор *О. Зив*
Технический редактор *Н. И. Москвичева.*

Сдано в набор 8/II 1947 г. Подписано в печать 9/IV 1947 г. А05408. Объем 9 п. л. Уч. изд. 8,9 л. В 1 п. л. 39351 зн. Тираж 15 000 экз. Формат $60 \times 84\ {}^{1}/_{16}$ д. л. Цена 7 руб.
Зак. 253

Отпечатано в Типографии Издательства Главсевморпути, Москва

Цена 7 руб.

СЕРГЕЙ КОЛДЫРЕВ

В Колымо-Индигирской тайге